

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№13

Литературно-художественное издание

Посвящается
380-летнему юбилею
городов Тамбова и Мичуринска (Козлова)

Тамбов

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

Тамбовский альманах. № 13 Тамбов; изд-во Студия
печати Галины Золотовой. - 2016. - 270 с.

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Валерий АРШАНСКИЙ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Альманах (от арабского «календарь») — сборник произведений разных авторов, объединённых по тематическому, по жанровому или др. признаку. Литературные альманахи в России ввёл Н.М. Карамзин в 1796 году.

Издание осуществляется на средства Субсидии,
предоставленной Администрацией Тамбовской области социально
ориентированным некоммерческим организациям.

ISBN 978-5-9908217-3-6

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)бя4
Т17

ISBN 978-5-9908217-3-6

9 785990 821736

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Содержание

Пространство русской литературы 4

Проза

Сергей КОЧУКОВ. Полёт белого кречета.

Фрагмент из романа 6

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ. Гибель Тамбовского

триумвирата. *Фрагмент из романа* 63

Елена ЧИСТЯКОВА. Вязаные носки. *Повесть* 103

Юрий РАССТЕГАЕВ. Дедушка Сталин. *Рассказы* 127

Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Плечом к плечу. *Рассказы*.....140

Поэзия

Валентина ДОРОЖКИНА. *Стихи* 162

Михаил ВОЛЧИХИН *Стихи* 168

Олег АЛЁШИН. *Стихи* 173

Евстахий НАЧАС. *Стихи* 176

Татьяна КУРБАТОВА. *Стихи* 180

Имена

Василий КРАВЧЕНКО. Дым Отечества. *Рассказ* 184

История

Николай НАСЕДКИН. Фундамент тамбовской
литературы. *Очерк* 199

Михаил БЕЛЫХ. Неизвестный Мичурин. *Очерк* 234

Писатель и время

Валерий АРШАНСКИЙ. Орлиное перо

Ларисы Васильевой 243

Литературная жизнь

Мария ЗНОБИЩЕВА. «Тамбовский край талантами
богат» *О краеведческом двухтомнике*

В.Т. Дорожкиной..... 265

Пространство русской литературы

Четыре года, в силу различных причин, не издавался «Тамбовский альманах». Это время упущенных возможностей, не изданных произведений, не открытых новых имён. Между тем, ничто не стоит на месте, и литература, а вместе с ней и читательский интерес, либо увядают, либо развиваются. Продолжает муссироваться вопрос о провинциальности, местечковости нашей глубинной литературы, невыразительности тем и сюжетов. Но если некоторые тамбовские авторы прозвучали в столицах, то не потому ли, что питались они нашими чистыми провинциальными родниками, дышали нашим свежим провинциальным воздухом? И вот вырвались на широкий российский простор... Разве перестали они после этого быть нашими, тамбовскими?

Был я недавно в Крыму, посмотрел, как другие люди живут. А когда возвращался домой, когда пересекал кубанские, ростовские, воронежские края, отчего-то с нетерпением ждал, когда же Тамбовщина будет. Вроде бы и трава такая же зеленая, и осины с вёслами, и дубы такие же, и просёлки - не отличишь. Чего ж так не хватает душе? Какую нашу особенность, какую самость, она ищет в эфире чувств и переживаний? Так и с литературой. Чего я от неё жду? Двумя словами не расскажешь. Наверное, чтобы перестали её считать местечковой.

«Тамбовский альманах» - это пространство русской литературы, площадка, где могут показать себя авторы, творцы, искатели, и Союз писателей России поддерживает их в этом, предлагая лучшим из них возможность публикаций, продвижения творчества, распространения авторских произведений в читательской среде. С этим я и обращаюсь к писателям - как к членам Союза, так и к

самодеятельным авторам: предлагайте себя, предлагайте свои лучшие произведения, создавайте конкурентную среду. «Тамбовский альманах» будет представлен в каждой библиотеке Тамбовской области, его сможет найти, взять в руки каждый заинтересованный читатель, а значит, каждый, кто будет опубликован в альманахе, преодолеет ещё одну ступень роста.

Настоящий, 13-й выпуск «Тамбовского альманаха» посвящён городам-юбилярам, в прошлом городам-крепостям Тамбову и Мичуринску (Козлову), которым накануне с небольшим интервалом исполнилось 380 лет. Повод более чем достойный, тем более, что история открывает нам всё новые и новые страницы, а также новые имена.

Хочу пожелать читателю многих приятных часов с книгой в руках. Читайте, удивляйтесь, постигайте!

*Председатель правления
Тамбовского отделения Союза писателей России
Юрий Мецзяков*

Сергей КОЧУКОВ

Полёт белого кречета *(фрагмент из романа)*

Глава 17

После долгих переговоров с сидевшим в Азове турецким пашой, множества проволочек и согласований, московское посольство было отправлено наконец морем из Азова до Кафы и далее до Инкермана. Судно, на котором их перевозили, оказалось турецкой гребной галерой - каторгой. Представляло из себя двухмачтовый, с низкой посадкой корабль, до пятидесяти метров в длину и до десяти в ширину. По наблюдениям Андрея, он мало чем отличался от гребных судов времён Троянской войны, известных ему по фильмам. Более 150 гребцов-невольников сидели на скамьях, прикованные цепями. Огромные вёсла двигали по пять-шесть человек. Скамьи гребцов правого и левого борта

Сергей Константинович Кочуков - писатель, историк, краевед, родился и вырос в селе Лысые Горы Тамбовской области. По образованию юрист-международник, 25 лет прослужил в органах госбезопасности, офицер запаса. Автор книг по истории Тамбовского края: «След веков отшумевших», исторических романов «Полёт белого кречета», «Без вести не пропавшие», пьесы «Хлеб и кровь мятежной земли». Один из организаторов ежегодного фестиваля авторской песни «Там, под Лысой Горой».

разделял тянувшийся с носа галеры на её корму помост возвышение, по которому ходили надсмотрщики и управляли гребцами, с помощью плетей, разумеется. Командовал ими турецкий пристав - бача, или баша.

Почти половина из невольников были уроженцами Московии, остальные - украинцы, литвины, поляки, валахи. Жалкое зрелище представляла эта масса обречённых на рабский труд и неминуемую гибель людей. Большая их часть утратила человеческий облик и доведена была постоянными побоями до отупелого, скотского состояния. Они с безразличием воспринимали смену дня и ночи, смену тяжкого многочасового труда на вёслах и краткого отдыха - забытья, здесь же между лавок. Они безропотно сносили непрерывные побои надсмотрщиков и терпели постоянный голод. Дважды в сутки для них на заплёванные доски палубы вываливали из корзин гнилые овощи, тухлую рыбу или червивое сырое мясо павших лошадей. Пресной воды также не хватало. Даже свежий морской ветер не разгонял вечно стоявший над палубой гребцов - невольников смрад от пота и испражнений, тухлятины и заживо гниющих человеческих тел, растёртых железными кандалами, исполосованных бичами надсмотрщиков.

Лишь два-три десятка полоняников не теряли человеческого обличья, не скрывали своей ненависти к своим мучителям, заставляли себя шутить и смеяться, предаваться воспоминаниям о прошлом, каждая минута которого казалась им теперь бесконечно счастливой. Они делились своей скудной пайкой с ослабевшим товарищем, и на собственное тело принимали часть предназначенных для обессилившего соседа ударов жестокого бича.

Среди них выделялся широкоскулый запорожец Герасько с вытекшим глазом, казалось, сотканный из железных жил и мускулов. Его по пояс голое тело украшала

такая вязь многочисленных шрамов, что прозвище Резаный, подходило, как нельзя лучше. Уму было непостижимо, каким образом ему и в неволе удавалось сохранять седой хохол - оселедец посреди совершенно лысой, или тщательно выбритой шарообразной, тоже в шрамах, головы.

- Гей, москалы, ласкава просимо до нашого ковчега, тут, панове, усим места хватить! Эх, на кой ляд мий батька с Петро Сагайдачным на Москву ходив? На кой зорил Путивль, та Елец. Треба б було уместе с москалямы сюды иттить, уместе вбивати басурманив. Гей, боярин, у тоби табаку немає? Тилько б разок затянуться люлькой.

Его собрата по веслу, так же как и запорожца, закованного в двойные кандалы, звали Курпьем. Детинушка под два метра ростом, при каждом движении бугрил узлы мышц на залитом потом и солнцем торсе, тряс буйной, заросшей мелкими кудряшками тёмно-русой головой, говорил, словно валуны ворочал. Лицо открытое и жёсткое одновременно. А в серо-голубых глазах столько доброты и участия, что, кажется, весь мир готов обнять, защитить. В этих двух собратях по несчастью было, что-то, выдававшее в них настоящих воинов. И не просто искусных бойцов, а людей, которых можно убить, но невозможно сломить. Во взглядах огонь такой откровенной ненависти, что надсмотрщики давно поняли: этим двоим, коли цепи хоть чуть ослабить, они и этим воспользуются, на мучителей бросятся, зубами будут рвать.

- Судя по выговору из Рязанских будешь, а, Курпйй?,
- спросил Скворец негромко, в сторону лицо отвернув.

- Угадал, дядя. Кадомские мы, села Кочемирова, помещика Агеева тягловые хрестьяне. Да нет мне туды дороги.

- Пошто тах-то?

- Да вот вышло так. Не сошлись с Агеевым характе-

рами, развели нас путя-дорожки. Он на погост, а я в Дикое поле, в бега.

- Али порешил? За што жа?

- Дык, почитай, ни за што. Сестрѣнку я на Покров замуж отдавал, за старшего я в семье, родителей ишо пять лет до того как схоронил. Так он ирод, прямо из под венца её повелел в покои свои вестъ. Энта дела у него в привычке. Терпят все, и женишок сестрѣнки моей стерпеть решил. Мол, не первый я и не последний. Вот такие дела, дядя. Один видно я такой уродился, у кого терпелка слабенькой оказалась.

- Велик грех, да и Бог не без милости. Простит, терпенье твоѣ полонное видя. Закон, поди, ведаешь, что тот, кто в полоне побывал, полонное терпенье изведал и с неволи воротился, навеки от холопства освобождаются. Слухи есть, что новое уложение выйтить должно, что вместе с ним и жонка и детушки малые свободными будут становиться.¹ Земля велика, помимо Кадома мест свободных немало. Да хоть вот наши места возьми, по Цне, Челновой, Вороне?! Везде народу нехватка.

Надсмотрщики углядели, что невольники с московитами общаются, бичами защёлкали. Пошли гулять сыромятные, туго сплетѣнные плети, по спинам гребцов. Матросы подбадривали надсмотрщиков криками и те разошлись не на шутку. Дико свистали бичи, слышались стоны и отчаянные вскрики. Летели в разные стороны алые брызги крови и ошмѣтья невольничьих рубищ.

Андрей дѣрнулса было, но во время был остановлен

---

1. Действительно, через два года после описываемых событий, в 1649 г. был принят закон, освобождавший от крепостного права ближайших родственников вернувшегося из полона крестьянина. «А буде чьего холопа возьмут в полон в иную в которую землю, а после тот холоп с полону выйдет, и он старому боярину не холоп, и жену его и дети за полонския терпения отдати ему».

Григорием Скворцом: - А ну, осади, осади, тебе говорят. Не видишь разве, нарошно они дразнят, надеются суки басурманские, что не выдержим мы, вступимся. Уйдём, уйдём отседова.

Уйти, спрятаться от этого избиения, впрочем, было некуда. Вдруг сквозь свист бичей и тяжкие крики истязаемых, раздался твердый, отчетливый возглас Курпяя:

- Ничего, и это выдюжим. Придёт время! Отольются кому-то наши слёзы. Враз припомнят Ивана Мошкина.

Надсмотрщики, видно, неплохо понимали речь своих рабов, слышались гортанные крики, и уже несколько витых плетей заиграло над Курпяем. Ручьями текла кровь из разбитой кудрявой головы, истерзанных плеч и спины кадомца. Вдруг вновь сквозь побои послышался не то рык, не то надсадный хрип в такт взмахам весла: «Ии..., раз! Ии..., два! Ии..., три!» Постепенно крик Курпяя был подхвачен сотнями простуженных глоток. Всею силой налегли на вёсла, и корабль рванулся, будто конь, бежавший трусцой, в галоп двинулся.

Турки прекратили побои, самодовольно улыбались. Солнце садилось за море, стоял полный штиль, и наряду с продолжавшимися глухими выдохами «Ии..., раз! Ии..., два!», над морем зазвучал несильный, но удивительной душевности и чистоты голос молодого, с едва пробившимися усами паренька - невольника:

Гей, заплакалы хлопці - молодці ...

В турецкой неволі, в кайданах...

Украинского парубка поддержали немногие, всего два-три человека, остальные, дабы не портить песню надтреснутыми простуженными голосами, лишь ещё глуше твердили в такт: «Ии..., раз! Ии..., два! Ии..., три!».

Бача турецкий самодовольно ослабил, вслушиваясь в песню-плач. Сказал на довольно сносном русско-

украинском наречии: - Плачь, гяур, плачь, презренный раб, меня так радуют твои слёзы. Плачь, русская собака! Когда придём в Кафу, обязательно куплю себе на рынке твою дочку или маленькую сестрёнку. Ты увидишь, свинья, собственными глазами увидишь, как я буду наслаждаться с твоей беленькой сестренкой.

Сподручные дружно заржали.

Не взирая на насмешки надсмотрщиков, на их жуткие плети, плыла над морем песня, и само море притихло, прислушиваясь.

Ой, пошле Господь та добра тому,

Хто за правду та волю воюе...

Андрей спросил дьяка Акинфеева, не слыхал ли он, кто такой Иван Мошкин, упомянутый Курпяем.

- То стрелец Калужский, в полоне был, поднял бунт на галере, перебил турок и ушёл морем в Гишпанию. Года никак три-четыре назад с товарищами своими из тех земель на Москву воротился. Знаменитым стал.²

---

2. Калужский стрелец Иван Семёнович Мошкин попал в полон в одном из боёв с крымчаками примерно в 1634 г. Позднее был продан на турецкие галеры, где провёл тяжкие семь лет. В 1642 г. он возглавил бунт из 280 невольников на галере. В ходе схватки восставшие убили 200 турок и ещё 40 взяли в плен, они захватили галеру, большое количество оружия и только наличными деньгами 8000 талеров. Через Дарданеллы, Эгейское и Ионическое моря Мошкин привёл своих сподвижников в Мессины, принадлежащую в то время Испании. Испанцы вероломно захватили корабль, со всей богатейшей добычей, а Мошкин с товарищами вновь оказались в неволе. Долгие месяцы испанские власти методом кнута и пряника добивались от русских принятия католичества и перехода к ним на службу, но русские остались непреклонны и их были вынуждены отпустить на Родину. Почти год длилось их пешее путешествие через Южную Италию, Рим, Венеции, Вену, земли венгров и Речь Посполитую. В 1643 году они добрались до Москвы, где подали царю Михаилу Фёдоровичу челобитную, с просьбой «пожаловать их за многолетнее полонное

И вот, наконец, Кафа. Основанная греческими колонистами в 6-м веке до нашей эры, в различные годы входила в состав Боспорского царства, Хазарского каганата, Византийской империи. В 13-м веке была выкуплена у владевшей ею в тот период Золотой Орды генуэзцами, и именно тогда переживала свой наибольший расцвет, превзойдя по своим размерам и экономическому значению Константинополь. В 1475 году она была завоёвана османами и ныне представляла из себя хорошо укрепленную военноморскую крепость с турецким гарнизоном и султанской администрацией. Во времена Андрея Кафа будет зваться Феодосией. «Одна из современных солнечных жемчужин Крымского полуострова, настоящий рай для любителей морского отдыха ...», - вспомнились ему слова навязчивой туристической рекламы.

Город был многолик; за высокими заборами утонули в роскоши дома турецкой и крымской знати, и совсем рядом теснились глинобитные хибарки бедноты, и бросалась в глаза грязь и нечистоты на узких кривых улочках. В обширной торговой части города, в ломящихся товарами лавках сидели или чинно прохаживались по рядам дородные, богато одетые торговцы. И здесь же шла бойкая торговля живым товаром. Это тоже были люди, из той же плоти и крови, но за людей их никто не считал, это были презренные рабы - невольники. И их купля или

терпенье». Царь отнёсся к рассказу о невероятных приключениях, об их исключительной преданности Отечеству и православной вере довольно равнодушно. Иван Мошкин был вновь принят на стрелецкую службу «с кормом» в 2 алтына (что составляет 12 денег, а 200 денег составляет 1 рубль) Если учесть, что властители земель, через которые шли сподвижники Мошкина, приглашали отважных воинов на службу с окладом в 20 рублей в месяц, то царская награда своим подданным, о подвигах которых уже тогда, в 1643 году в Риме была издана брошюра, оказалась весьма скромной.

продажа ничем не отличалась от приобретения лошадей, волов или верблюдов.

Кафа - центр Средиземноморской работоторговли, зверь всепожирающий, средоточение зла, жестокости и безмерного горя. Именно такой оставалась ты на протяжении столетий для русского человека, для украинца, поляка, литвина и других³.

Ещё на рейде их встретили турецкие чиновники и попытались произвести досмотр предназначенных для крымского хана поминок, однако Проестев категорически воспротивился сему.

- Кафа - территория Блистательной Порты, и вам следует подчиняться турецким законам, - жёстко заметил старший из чиновников, толстый коротышка в высокой белой чалме и загнутых сафьяновых сапожках. Судя по его богатой одежде и унизанным перстнями пальцам, тяжёлая таможенная служба на страже интересов султана была одновременно и весьма доходной.

- Уважаемый господин совершенно прав, - дородная спина Проестева несколько прогнулась в полупоклоне, а

---

3. Историк А.Л.Якобсон утверждает, что лишь за период с 1600 по 1617 гг. из России было угнано 100 тысяч человек. Примерно столько же было уведено полоняников из Украины, Польши, Литвы. За первую половину 17 века из Московского государства в Крым, по подсчетам историков, было уведено не менее 150000 человек. Видя, какое множество каждогодно идёт невольников в Крым из христианских стран, один меняла-еврей, сидевший у ворот Тавриды, спрашивал в недоумении у них, неужели в их странах всё ещё остаются люди. Ещё больше теряла Украина. Польский посланник Маяковский, находящийся в 1641 году в Турции, доносил своему королю Владиславу 4-му, что, по словам греков, количество одних польских подданных, находящихся в плену, простиралось до 150 тысяч. Профессор Ламанский («О славянах в Малой Азии») утверждает, что за четыре с половиной столетия, до покорения Крыма в 1783 году Русь и Польша (имеется в виду с входящими в состав Речи Посполитой Украиной и Литвой) лишились не менее 5 миллионов жителей, уведённых в татарскую и турецкую неволю и проданных в рабство.

лицо с подобострастной улыбкой излучало ну просто пламенную любовь, душевное уважение и к сановнику и к его властителю, султану турецкому. Андрей даже фыркнул, дивясь перемене в поведении властного и жёсткого посланника.

Тот тем временем, взяв чинушу под руку, мирно прохаживался с ним по палубе и с великим интересом справлялся о здоровье блистательнейшего из современных правителей поднебесной султана Ибрахима.

- Да, да, именно в Стамбул к нашему султану, да сохранит Аллах его на долгие годы, в прошлом году проследовало через Кафу московское посольство. О! посланник молодого московского царя, и ему пусть Аллах пошлёт долгого царствования, был так щедр. Он подарил мне шапку, отороченную соболем. Но вот незадача, завелась моль и съела проклятая почти весь мех.

Проестев поспешил восполнить потерю:

- Держи, уважаемый, не пристало такому важному сановнику Блистательной Порты, служащему самому солнцеподобному султану, ходить в драной шапке. И вторую держи, на тот случай, если до приезда очередного русского посла, первая шапка износится.

Андрей дивился: стояли два хитрована государевых, каждый свой интерес блюл, лица обоих расплывались в улыбках, а сладкие речи источали такой фимиам⁴, что того гляди, бросятся сейчас друг другу в объятия.

- А что, достопочтенный, не укажешь ли ты мне кого-нибудь из людей торговых, что к полону русскому отношение имеют?

Глаза сановника загорелись: знал Проестев, какие струны грешной сановничьей души затронуть следует.

---

4. Фимиам – благовоние, ароматическая смола, вещество, сжигаемое при богослужениях.

Знал даже примерный процент с дохода, который поимеет этот турок за содействие в торговле невольниками.

- Как не помочь столь богатому посланнику московского царя. Твоя щедрость не знает границ, что до торговли столь деликатным товаром, тут надо много раз подумать, - и сановник закатил вверх заплывшие жирком глазки.

«Вот тут стоп! На щедрость мою не уповай! Хрен ты больше чего от меня получишь. Нужных людей ты мне сам укажешь, вот с них и возьмёшь мзду. А не укажешь, я и без твоей помощи найду, чего мне надо», - размышлял тем временем Проестев, не переставая расточать радушие и дружелюбие.

«Ну, Степан Матвеевич, ну, дипломат! По всему видно, силён в делах посольских. Да оно и понятно, кого попадая с такой миссией сюда не послали бы», - с уважением глядел на посланника Чибисов.

Перед сходом на берег Проестев, заглядывая в глаза Андрею, заметил серьёзно, с отеческим участием: - Ты гордыню-то, дух свой попридержи. Поумерь, говорю, пыл-то, не то до беды недалеко, а нам волю царя-батюшки сполнять. Это, сынок, Кафа! Богом проклятое место, здесь людей, аки овец гуртами продают. Всех пожалеть, кого в этом самом месте увидеть доведется, никакого жала не хватит. Терпи, казак. Тута такие страдания людские встретятся - сердце захолонится.

Второй день проживали посольские люди в портовом постоялом дворе, принадлежащем торговцу-греку. От впечатлений дня Чибисова трясло. С утра, по совету портового чиновника, обратились к торговцу Арсену, по поводу выкупа полоняников. Тот словно ожидал прихода желанных гостей, старался изо всех сил «показать товар лицом», пригоняя в собственный огороженный дворик

партии невольников по 15-20 человек. Убогое было «лицо» у этого товара. Большинство полоняников увечные старики, раздавленные годами неволи и непосильного труда. Рваные уши и ноздри, клейма на щеках и лбах, как знаки неудавшихся побегов, а то и неуверенная походка обезножившего калеки, из-за вшитого в пятки рубленного конского волоса. Это тоже знак милости хозяина, чтобы раб раз и навсегда отказался даже от самой мысли о побеге. Даже на прибывших соплеменников они смотрели с равнодушной безысходностью. Не раз и не два их также оценивающе рассматривали и тратили выкупные полоняничные деньги на других.

Взяли всего несколько человек, кто персонально был указан в московских документах Проестева, а также тех немногих, на кого выкуп был собран сородичами.

Есаул Григорий Скворец переписал всех выкупленных, и в сопровождении казаков Савелия Расстригина и Якова Лавринова их отправили в порт, в заранее арендованный для этих целей барак.

По дороге на рынок москвитов нагнал опрятно, пожалуй, даже богато одетый купец славянской внешности, дернул Андрея за рукав, привлекая внимание. Зашептал скороговоркой:

- Скажи воеводе, пусть требует, чтобы ему предъявили для выкупа одну из последних партий полоняников, что ныне у греков, братьев Соломаниды в пригороде содержатся. Там немало дворян служилых, детей боярских, мастеровых много, кузнецов, плотников, есть даже двое из начальных людей стрелецких, не то из Венёва, не то из Мещовска. А тот товар, что вам предлагают, совсем захудалый, его уж никому не продать, да их, возможно и так отпустят. Не захотят даром кормить, отпустят на все четыре стороны. И такое здесь бывает, только мало кто в

таком состоянии жалком до дому доберётся.

Андрей пытливо заглянул в глаза незнакомцу:

- Русский, значит? Откуда тебе это всё известно?

- Ну, русский, тебе-то что? С Данкова мы. Ты слушай лучше, да воеводе своему передай непременно, - и скрылся в толпе.⁵

Огромная площадь невольничьего рынка поражала своими размерами, разноязыким многолюдством, запахом пряностей и жареных в масле лепёшек и мяса. Вдоль стен, скованные одной цепью за шеи, стояли друг за другом невольники, словно журавли в полёте. Парни и молодые мужчины, одинаково измождённые, но перед выходом на торг, по всему видно, помытые и расчёсанные, стояли, вперив глаза в землю, ждали безропотно своей участи.

- Подходи, выбирай, самый лучший товар, - верещал, переходя с одного языка на другой, купец в красной турецкой феске. - Совсем недавно прибыли, совсем свежие, сильные, будут хорошими работниками. Из королевской земли приведены, послушные и бесхитростные⁶.

Торговец турок пытался удержать капитана турецкой галеры, одетого в шаровары ярко-красного цвета, в кожаную безрукавку и белую чалму с камнем самоцветом по центру. За поясом капитана были заткнуты два отделанные чеканным серебром пистоля и богато украшенный камнями ятаган.

- Мне плевать, покорный он или лживый! У меня

---

5. Посол князь Щербатов, побывавший в конце 16 века в Крыму докладывал царю о своих негласных помощниках и осведомителях: «У нас полоняники старые прикормлены в Крыму для твоего государева дела».

6. Бесхитростные, приведённые из королевской земли - т.е. из Речи Посполитой. В отличие от поляков и литовцев, невольники из московитов считались «хитрыми и лживыми», т.е. непокорными, способными на побег, представляющими угрозу для жизни самого хозяина.

через два дня станет шелковым и послушным или сдохнет на радость рыбам.

Его внимание привлекла другая группа невольников. Стояло их восемь человек, все как на подбор, ростом невелики, но кряжисты. Лица окладистыми бородами прикрыты, глаза из под нависших бровей на мир столь неласковый поглядывают. Видно, уже в дороге от дома родного до Крыма ненавистного сведали, что такое полон, что такое плеть мучителей. Длинные руки с заскорузлыми ладонями-лопатами, плечи с сутулинкой, всё выдавало в них потомственных пахарей-кормильцев.

Капитан галеры изо всех сил пытался скрыть свою заинтересованность перед торговцем русскими мужиками, попросил раздеть полоняников, и его подручные начали тщательный осмотр «товара». Сгибали-разгибали конечности, мышцы рук пробовали, осматривали под мышками, иные части тела, не виденные явно, в рот заглядывали. Доложили подручные, что увечий, шрамов, шишек, опухолей не найдено, зубы здоровы. Капитан и сам опытным был в делах таковых, знал, что только такие вот угрюмые, звероватые мужики и способны сутками монотонно ворочать тяжёлое весло. Пылкие и нервные и неделю не выдержат, а это значит - деньги на ветер. Потому, поторговавшись только для вида, он отсчитал торговцу динары⁷ и приказал матросам гнать приобретённых в порт на галеру.

В тех же рядах отбирал партию будущих галерных рабов вполне цивильно одетый в одежды времён «Ромео и Джульетты» импозантный дядя с тростью и в шляпе с

---

7. Динар – наиболее распространённая в прошлом зол. монета стран мусульм. Востока, содерж. 2.4 грамм золота. Официальной денежной единицей Османской империи в тот период являлась «акчи».

плюмажем⁸. Европейец общался через толмача-переводчика. Андрей придвинулся и услышал характерную французскую речь. «Ничего себе, а этим чего здесь надобно?»

- То же, что и всем, - рассеял сомнения дьяк Калистрат Петрович Акинфеев, - в каждой стране флот есть, и военный и торговый опять же. Ходят под парусами, а больше и под парусом и на веслах. И всем нужны рабы галерные, а где их взять, как не в землях славянских.⁹

Площадь пересекали, завешанные коврами, узкие галереи, и везде шла торговля. На цветных коврах и подушках расположил свой «товар» тучный бородатый грек. Сидели разодетые в шелка, нарумяненные молодые девушки - невольницы: польки, черкешенки, русинки. Вокруг толпились разноплеменные покупатели, среди которых преобладали арабы, персы, турки, сновали также перекупщики из Венеции и Генуи. Девушек поднимали, заставляли раздеться, тщательно осматривали и ощупывали. Покупатель из Багдада с седой бородой в богатом халате чёрными волосатыми пальцами бесцеремонно мямлил девичье тело, отводил в сторону её руки, которыми она стыдливо пыталась прикрыться. Затем начал кричать на торговца, что тот пытался утаить у одной из невольниц тёмное родимое пятно в верхней части ягодицы.

Чуть правее возбуждённо кричала толпа, и наши путешественники последовали туда. Там на невысоком помосте стояла дивной красоты девушка лет семнадцати, совершенно обнажённая. Мраморное тело имело столь

---

8. Украшение из перьев, нитей и других материалов форменного головного убора.

9. Известный государственный деятель Жане-Батист Кольбере докладывал королю Людовику XIV, «...что самые лучшие меры для увеличения своих галер – это покупка на рынках Стамбула русских невольников, в связи с чем он приказал выяснить возможность закупки их в большом количестве и вывоза из Стамбула на зафрахтованных судах»

совершенные формы, что казалось изваянием античного скульптора. Густые, цвета меди волосы закрывали спину и ягодицы. Высокая грудь с розовыми торчащими сосками, её удивительно стройные ноги и искрящийся тёмным золотом пушок внизу живота, приводил покупателей и просто зевак в неистовство от вожделения. Картину дополняла гордо посаженная голова и полный презрения взгляд на эту толпу. Казалось, знатная придворная дама, а может, сама королева обнажила своё великолепное тело перед буйствующей толпой. И только знающий человек по загару её рук и щиколоток ног, резко контрастирующему с белой кожей тела, мог безошибочно сказать, что эта гордая украинская красавица ещё месяц назад жала хлеб в поле где-то на Полтавщине. Ей уже пришлось пережить страшные минуты насилия в первые дни полона. Она переступила порог бесчестия и теперь не чувствовала стыда, лишь сердце сгорало от ненависти к этим людям, что втоптали в грязь её девичью невинность, пришли в её жизнь и порушили в ней всё до основания.

Возле неё волчком вертелся аукционер из местных армян, не переставая трещать о её достоинствах и выкрикивая всё повышающиеся ставки. Наконец, толпа притихла. Все обернулись назад, где, возвышаясь на голову перед остальными, стоял молодой, стройный красавец араб из Египта. По его знаку к помосту пробрался его слуга и объявил, что его хозяин готов уплатить золота по весу приобретаемой красавицы. Толпа ахнула, и отвернувшись от проданной девушки, вперила взоры на богача-араба.

Вдруг торговые ряды мгновенно облетела весть, что какой-то еврей из Инкермана¹⁰, пока все бились на аукционе и лелеяли надежду купить красавицу, скупил оптом

---

10. Инкерман – древнее поселение в Крыму, в н.в. территориально входит в город Севастополь

до пятидесяти девиц-неволиц и их якобы уже повели на пристань. Толпа вновь ахнула и мигом зашепила прочь по своим делам.

«Эти и здесь не пропадают, не иначе как какую-нибудь финансовую аферу придумали», - подумал Андрюха беззлобно. «Эти детки израэлены вас, турок, арабов, разуют, разденут и ещё благодарить заставят, что без долгов оставили! Молодцы!». Вспомнился однокашник Лёвка Варман, любитель ничего не делать, хорошенько выпить и поесть. Создавалось ощущение, что он никогда нигде не работает, но среди окружения человека состоятельнее Лёвки не было. «Умному человеку, чтобы безбедно жить, достаточно в месяц пару дней напряженно поработать, в основном мозгами», - любил он повторять. Лёвка не был жмотом и частенько ссужал Андрюхе и другим пацанам запрашиваемые суммы. Давал денег и никогда не напоминал о необходимости вернуть. Просто после невозврата, заёмщик уже не мог рассчитывать на его беспроцентную «благотворительность», память у Лёвки была поразительной...

Отдельно продавались мальчики и подростки. Их не держали в цепях, лишь отдельные были привязаны тонкой волосяной верёвкой к вмурованным в каменные стены кольцам. Большинство их было одето в атласные шальвары, лица напомажены, в руках они держали кусочки сладкого щербета. Особого внимания покупателей вызывал мальчик с ангельски красивым личиком и белокурыми вьющимися волосами. Вокруг него уселись трое персов с крашенными бородами, они потребовали у хозяина снять с него шальвары и представить абсолютно голым. Цокая языками, поворачивали мальчонку так и эдак, ощупывали, оглаживали. Однако назначенная продавцом цена была, по-видимому, неподъёмной.

Всезнающий Калистрат Петрович пояснил:

- Коран осуждает мужеложство, запрещает правоверным спать с бородатым мужчиной. Так эти сладострастцы мусульманские нашли выход - священная книга, видите ли, ничего не говорит о безбородых мальчиках.

Андрей, у которого уже и так кипело в груди от увиденного, у которого от одной мысли, что на месте невольниц могла оказаться Алёнка, в голове всё помутилось, картина продажи, по сути, ребенка для плотских утех окончательно его убила.

«Ну, всё педофилы грёбанные, щас я вас на куски рвать буду!» Налитые кровью глаза и сжатое в пружину тело сказали его друзьям о многом, а главное вовремя. Навалились на него вчетвером, только и успел достать носком мягкого сапога одного из краснобородых. Скрутили быстренько и силой увели с рынка. Оставшийся для улаживания конфликта дьяк Акинфеев смог убедить «пострадавшую» сторону, что у его спутника «падучая»¹¹, и ныне, видно, перегрелся на солнце. За причинённое беспокойство вот, пожалте, серебряну монетку, а рыночных приставов вызывать совсем ни к чему.

У бараков, арендованных для временного размещения выкупленных полоняников, тем временем разворачивались иные события. С утра прискакал крымский татарин и, захлебываясь собственными словами, стал настойчиво требовать, чтобы у него выкупили двух москвитов. Полоняники были отданы ему за долги неким перекопским барышником, и тот уверял, что стоят они уйму денег, поскольку являются людьми чуть ли не княжеского рода, но уж точно дворянского. Крымчак настоятельно требовал, чтобы ему немедленно отдали выкупные деньги и ещё оплатили расходы на прокорм этих бедолаг за целый год,

---

11. Эпилепсия

пока он ждал очередное посольство из Московии.

На поверку оказалось, что полоняники были монастырскими крестьянами из Ливенского уезда, что и подтверждено их показаниями и росписями игумена о захваченных в полон два года назад мужиках.

- По 15 рублёв, конечно, дам за каждого, а на большее не взыщи. Знаешь сам, уважаемый, за тяглового человека выкуп в 15 рублей определен.¹² Обманул тебя твой сородич перекопский, с него свои недоимки взыскивай. Да поторопись размен произвести, не то казна ноне невелика, может не хватить, будешь ещё год кормить, посольства следующего ожидая.

Обманутый крымчак взвыл от свалившейся ему на голову несправедливости. Схватив деньги, завернул их в тряпицу и сунул за пазуху засаленного халата. Зло решил на полоняниках выместить, начал свирепо хлестать их плёткой. Руку татарина казак Яков Лавринов перехватил. Стоя на земле, крупнотельный, рослый Яшка, оказался на одном уровне, с восседавшем на низкорослой лошадке татаринном.

- А ну, остынь, морда непромытая, деньги получил и геть со двора. Не то самого сейчас плетью поучу.

Взывая Аллаха в свидетели, татарин сыпал проклятиями в адрес этих коварных русских, с которыми невозможно честно торговать, в адрес того самого перекупщика

---

12. К середине 17 века суммы за выкуп были уже строго определены и поставлены в зависимость от социальной принадлежности пленника. За дворян платили пропорционально их поместному окладу (объему земли). За каждые 100 четей земли, которая дадена дворянину за службу, это примерно 50 десятин, выплачивался выкуп в 20 рублей. Выкуп уменьшался в два раза, если дворянин взят в полон не в бою. За московского стрельца – 40 рублей; за сторожевых и городских казаков, стрельцов приграничных городов – 25 рублей; за посадских людей – 20 рублей; за пашенных крестьян и боярских людей – 15 рублей.

с Ор-копе, который хоть и ходит в мечеть, но не иначе рода иудейского.

Через пару часов ногаи пригнали партию невольников в 10 человек пашенных крестьян из сёл Тарбеевского стана Козловской округи. Ногайский мирза, пригнавший полон, отбился от перекупщиков, решив самостоятельно продать свой товар, но здесь сговор торговцев был крепок. Грязного ногайского князька и близко не пустили к торгам. На его счастье, русский посланник с выкупными деньгами в Кафе оказался.

Вид полоняников был ужасен. В кровь разбитые ступни, растёртые волосяными верёвками руки и шеи, лохмотья сохранившейся одежды. И всё это под слоем пота, пыли и грязи.

- Шестерых в дороге потеряли, не выдержали бедняги. Всю дорогу бегом гнали, ироды, всё погони опасались, - шептал мужик с запекшимся сгустком крови в грязных космах волос.

Не лучше был видок и у ногайцев; пыльные, на лошадях, шатающихся от усталости, у многих на головах и руках грязные повязки на ранах. Видно, не без боя дался им этот полон.

- А с нами вместе казаки ваши горитовские, вот радости им будет, знакомцев встренуть, - Яков Лавринов радостно рассказывал, распутывая арканы и путы на полоняниках. - Только они в Черкасске остались. Ну, да ничего. Выкупим вот полону, скока положено и назад двинем.

Лавринов смотрел с прищуром на мужиков козловских, которые, ещё не веря в счастье освобождения, жались кучкой среди других выкупленных: «Повезло землякам. Весь их полон, от дома до Крыма и обратно. Другие вон годами, да что там, десятками лет горе мыкают в неволе.

Иэх, Господи милосердный, спаси и сохрани!»

Следующим днём, когда Андрей, по приказу Акинфеева, вместе с лысогорскими казаками Яшкой Лавриновым и Власом Колодой препровождали партию в пятнадцать полоняников, выкупленных в пригороде у братьев Соломонида, его вновь дорогой нагнал уже знакомый крымчанин, русский данковец.

- Молодец, казак, с полслова понимаешь. Заходи, гостем будешь, я у самой крепостной стены живу, третий дом по левую руку от Западных ворот. Если что, спросишь Ваню данковца, энта я значитца. Один по городу не ходи, лихих людей встренуть можно. Одного-двух дружков возьми. Приходи, приходи, - и уже вполголоса, - разговор есть важный.

Сказал и будто растворился среди многолюдства торговых рядов, как и в первую встречу.

После обеда, снедаемый любопытством, Андрей уговорил Лавринова навестить данковца. Дом нашли быстро, стоял он у самой крепостной стены, со стороны улицы перед домом высился высокий глинобитный забор - дувал, само жильё располагалось в глубине двора, густо поросшего виноградом и абрикосами. Иван встретил приветливо, уточнил имена гостей, провёл в прохладную летнюю комнату, усадил за стол. Жена Ивана, русская, или с польских земель, молча подала лепёшки, жареную баранину, заправленную жгучим перцем, поставила фрукты.

- Угощайтесь, ребяташки, чем бог послал. Знаю, знаю, не больно охочи вы до пищи такой, да и я щас бы миску другую щец наваристых похлебал, да с хлебушком ржаным, с корочкой чтоб.

Яшка вздохнул до того тяжко, что на всхлип больше похоже было.

- Ничего, Яков, не журился, твоё от тебя не уйдёт. Похлебаешь ещё свои щи. Щас, пока такая возможность есть, персики, виноград кушай. Потом деткам, внукам до самой смерти будешь рассказывать, как был за тридевять земель от дому, хрукты заморские трескал.

После угощения Иван отвёл Андрея на дальнюю дорожку сада, о деле заговорил.

- Тут такое дело, Андрей, человека одного мне верные люди передали. Беглый он, из самого Стамбула. Не простой человек, важная, по всему видать, птица. Да ты не спрашивай, большего и я не знаю. Знаю только, что шибко ищут его турки. И здешний комендант гарнизона упреждён уже. А отправить его на Дон к казакам, а там и на Москву срочно надо.

- За чем дело стало? Доставим, раз надо.

- Ума не приложу, как его в бараки ваши переправить, как потом на корабль вы его посадите? Всех полоняников турки по десять раз перечтут, перепроверят.

Идея пришла Андрею после того, как он познакомился с беглецом, спрятавшимся в потайном подвале Ивана. Высокий, худощавый, во всем облике и движениях властность, привычка управлять. Протянул Андрею руку, едва «здравствуй» из себя выдавил, так и забыв имя своё назвать. На лбу ещё толком не заросшее клеймо в виде двух стрел параллельных.

- Значит, так: он оденет полностью моё бельё и уйдёт в барак вместе с Яковым. На лоб пусть папаху мою нахлобучит. Было бы неплохо хмельного им обоим поднести, вроде как гости загулявшие. Ну а потом Яшка вернется один и в котомке мне одежду мою принесёт.

- Пустят ли Яшку с чужим человеком в барак? Люди ваши начальные как отнесутся?

- Перо, бумага есть? Сейчас записку напишу, есаулу нашему Скворцу.

Подал свёрнутый клочок бумаги, на котором было написано: «Человек наш. Надо схоронить. Потом всё объясню». Яшку предупредил:

- Прежде чем за мной с моими пожитками идти, попроси Григорь Василича, чтобы с десятков казаков взял и в рядах, где коврами торгуют, пусть шатаются, там и мы к ним присоединимся. Легче через портовую охрану пройти будет.

Беглец слушал и наблюдал молча, под конец рассматривал Андрея пристально и внимательно. Видно, вызвали у него интерес люди, не боявшиеся брать ответственность на себя, организовывать любое дело, твёрдо руководить людьми.

Всё прошло на удивление легко, и вечером того же дня спасённый, одетый в лохмотья, спал на соломе среди других выкупленных полоняников. Затем его разбудил Андрей и отвёл в отдельно стоящий в том же дворе домик, где жили Проестев и дьяк Акинфеев.

- Ты, Андрей, поброди пока возле дверей, подыши свежим воздухом. Остановишь, коли вдруг кто в гости заглянуть решит. наших казаков это тоже касается, - мягко попросил Степан Матвеевич, не желая обидеть Чибисова недоверием.

Беглец вышел от Проестева через час, быстрым шагом направился в сторону барака. Перед дверью остановился, протянул руку Андрею.

- Ну, спасибо, казачок, за помощь. В долгу у тебя, только пока отдариться нечем. - Наклонился, зашептал на ухо, - в Белокаменной, коли случится быть, заходи. Спросишь в Посольском Приказе Дементия сына Юрьева, приведут ко мне. Ну, бывай, храни тебя Бог.

Через неделю первая партия выкупленных полоняников была отправлена нанятым греческим судном

в Азов и далее в Черкасск. С нею ушел и Дементий Юрьев под именем стрельца из Коломны, некоего Мефодия. Про настоящего стрельца Проестев поведал таможенному чиновнику, что, пользуясь случаем, приобрел для личных нужд одного полоняника. Тот немного дурковат, зато здоров безмерно и родных, близких на Руси не имеет. Так что для холопшей стези как нельзя лучше подходит. Использование служебного положения в целях личного обогащения, вещь была настолько понятной и близкой для сановника Блистательной Порты, а ещё две собольи шапки, до того хороши, что щелки узких глазок закрылись вовсе, и корабль увёз не пятьдесят, а пятьдесят одного полоняника.

Андрей так и не узнает, что участвовал в спасении и отправке на Русь ближайшего соратника Ордин-Нащокина, первейшего из дьяков Посольского Приказа Юрьева. Дементий являлся незаконнорождённым и к тому же единственным сыном одного из князей Голицыных, рос в доме отца, получил прекрасное образование. Как и его патрон, владел несколькими европейскими и турецким языком. Угодил в плен к туркам при выполнении одного из щекотливых и ответственных поручений Ордин-Нащокина, во время визита того Яссы, в столицу Молдавии, и переговоров с молдавским господарем Василе Лупу. Его высокое происхождение признавал отец, с этим фактом смирились многочисленные Голицыны, сам царь Михаил Фёдорович, отмечая недюжинные способности и «многоя пользы государству российскому», допускал до себя и принимал с должными княжеского рода почестями. И лишь церковь, сколь ни жертвовал на монастыри князь Голицин, не желала преступать установленные догмы положения, наотрез отказываясь признать за Дементием законность его появления на свет божий, и законность наследования престарелому князю.

Глава 18

Из Кафы посольство верхами выехало в Бахчисарай, лишь несколько лет назад ставшего столицей Крымского ханства. Татарские сановники поторапливали, да и как не торопиться, коли хан Ислам-Гирей московских поминок ждёт с нетерпением.

Уже на следующий день по прибытии в город Простев в сопровождении дьяка Акинфеева и приодевшихся по такому случаю атамана Долгова и Андрея, в качестве личной охраны посланника, прибыли в резиденцию.

Перейдя мост через реку Чурук-Су, вошли через Северные ворота и оказались на удивительно красивой Дворцовой площади. С площади открывался вид на большую ханскую мечеть, жилые покои, Соколиную башню, конюшенный корпус. Последний, крытый красной черепицей двухэтажный дворец, с колонами, арочными окнами с витражами, ну никак не напоминал не раз виденные Андреем конюшни.

Взявший на себя роль экскурсовода помощник нурэддина¹³ пояснял: «Бахчисарай переводится как «дворец-сад», так выглядит по представлениям правоверных мусульман и нашего высокочтимого хана Ислам-Гирея божественный рай».

Через ворота с Дворцовой площади русские посланцы попали в Посольский дворик, где довольно долго пришлось ожидать аудиенции у хана.

Андрей с любопытством рассматривал ханский дворец, никогда ему ещё не приходилось наблюдать такое средоточие великолепия, подлинных шедевров архитектуры.

---

13. Нурэддин – титул третьего по значимости после хана и калги лица в иерархии Крымского ханства. Слово нурэддин, используемое в исламских странах как личное мужское имя, в переводе с арабского означает «луч веры» .

Его внимание привлекла стена с массивными коваными воротами. «Портал Демир-Капы», - важно объявил сопровождающий. Портал был выполнен из резных блоков известняка, на нём изображены дубовые листья, цветы, нити жемчуга. Над дверью арка, изукрашенная растительным орнаментом, а также надписью арабской вязью.

- Скажи, уважаемый, а что написано здесь? - Заинтересовался Чибисов.

- Здесь в центре изображена Тарак-тамга - символ власти вечно правящей династии Гиреев, да ниспошлёт аллах благоденствия им во всех мирах. А надпись гласит, гяур, - самодовольно заявил сопровождавший, - «Этот величественный порог и эта возвышенная дверь построены по приказу государя двух материков и хакана двух морей, Менгли-Гирея хана, сына государя Гирея хана 1503», и быть так по сему до скончания века! Запомните хорошенько, москвиты.

Уже раскрыв рот для вопроса, о каких материках, которыми владели Гиреи, идёт речь, о каких морях, Андрей вовремя *захлопнул варежку*. Отметил только: «Ну и самомненьце!? Не случайно такие наглые и высокомерные».

Проходивших по многочисленным переходам ханского дворца русских в каждом новом помещении пытливо рассматривала личная охрана. Обвешанные блистающим дорогим оружием двухметровые детины делали свирепое выражение тупо-преданных лиц. «Вояки!» - ухмылялся в усы Григорий Долгой, обращая внимание Чибисова на заплывшие жиром плечи и шеи гвардейцев, на откровенно выпирающие из ярких одежд ведерные животы. «Забыли, поди, когда на коня в последний раз садились». Проестев зло зыркнул на атамана, приказывая умолкнуть.

«На испуг берут, великолепием дворца и грозной охраной впечатление создают», - понял Андрей и не смог сдержать ухмылки, заметив залоснившийся на локтях, не первой свежести, а некогда богатый халат помощника нурэддина, его стоптанные в одну стороны сафьяновые сапожки с загнутыми вверх носами. Получив едва заметный тычок в бок от Акинфеева, Андрей смиренно опустил глаза долу и до конца встречи «не высовывался».

«А, всё-таки, упадок уже чувствуется. Недолго вам жировать царствовать за счёт Руси, Украины да других соседей», - сделал он заключение. (Андрей ошибался, плохо помня хронологию тех исторических событий. Верно, что уже следующий царь из династии Романовых навсегда прекратит платить дань крымскому хану. Ну, дак, ведь и царь-то тот был сам Петр Первый, не зря Великим прозванный. А до полного поражения и присоединения Крыма к России пройдет ещё более ста лет, и ещё немалых бед и страданий принесут на русскую землю эти потомки чингисовой Орды)...

Из посольского дворика посланцы ненадолго попали в «Фонтанный» дворик, где Андрей безнадежно пытался вспомнить хоть строчку из стихотворения Александра Сергеевича Пушкина, но кроме названия «Бахчисарайский фонтан» так ничего и не вспомнил. «Да и об этих ли фонтанах писал Пушкин? До того времени ещё лет двести, наверное, какие-то другие фонтаны внимание Александра Сергеевича привлекли», - успокоил себя Андрюха. Мысль додумать не позволили, их спешно провели в Зал Дивана.

Зал также поражал своим богатым убранством и великолепием: пол был выложен мраморными плитами, посреди зала тихонько журчал фонтан. Украшенные фарфоровыми изразцами стены имели два ряда высоких овальных окон, оформленных цветными витражами.

Потолок и узкий балкон над входом были набраны из искусственных резных деревянных элементов.

Хан Ислам-Гирей восседал на троне, обтянутом цветным сукном и украшенном золотым шитьём. По левую и правую руку от него на низеньких диванах располагались калга-султан, нурэддин и другие ближайшие сановники. Правитель Крыма изо всех сил старался показать свою божественность, недостижимость, лишь кивком головы поприветствовав московских посланников. На лице выделялся крупный хрящеватый нос, глубокие морщины на щеках и в углах полных, резко очерченных губ. Волнение хана выдавали его бегающие в густой тени ресниц чёрные, навывкате глаза, никак не желавшие остановиться на каком-то предмете, да нервно перебирающие чётки униженные перстнями толстые пальцы. Наконец, не выдержал, сбежал со своего возвышения, когда дьяк с помощью Долгова стал распаковывать внесённые слугами тюки с мягкой рухлядью, открывать сундуки с драгоценностями и ларец с золотыми монетами. Пальцы в перстнях струили соболиные меха, хватали большими горстями золотые, из ладони в ладонь пересыпали. Голос при этом становился колючим и грозным, наконец, сорвался на крик:

- Отчего так мала дань московитов? Обещано было втрое больше? Даже нищие литвины платят мне дань соболями намного больше, а ведь известно всем, что соболя в их лесах не водятся. Польский король свою дань повозками везёт, а не в таких тючках малых! Что московский князь Алексей самый бедный?

- Государь - царь и Великий князь Всея Руси Алексей Михайлович..., - начал было оправдываться Проестев.

- Как смеешь ты, собака русская, перебивать и перечить моим словам? Какой ещё Царь? Да ещё Великий? Он данник Орды, он мой данник! А чтобы ты знал, жал-

кий гяур, любой из мох сыновей имеет право на престол Московский. Так ещё со времён Батыевых заведено!

«Эк, хватил! Да когда это было-то?!» - Подумал посланник, а сам продолжал бубнить своё:

-...заверения шлёт в вечной добрососедской дружбе и полном уважении к достопочтенейшему владельцу Крыма. Поиздержалась казна московская, недород у нас который год, урон большой несём от набегов ногайских...

- Это ты мне о дружбе говоришь, москвит? Раньше казаков на нас натравливали, так в прошлом годе князь ваш Сёмка Пожарский вместе с ними воевал наши улусы под Азовом. Стольник Васька Грязной¹⁴, воевода нынешний, на Воронеже денно и ночно струги строит. И не только в Воронеже, но и в Лебедяни, в Козлове, других городах на реках. Те струги несметные воинские припасы везут к границам нашим! Воевода в Валуйках Федька Байков новую крепость за одно лето отстроил! А Бутурлин в Белгороде, а Ромодановский в Тамбове? - захлебывался в истошном крике Ислам-Гирей.

- Дык, стару-то крепость на Валуйках твои людишки пожгли дотла по весне, - робко вставил дьяк Акинфеев.

- Что?! - задохнулся от гнева хан, схватил дьяка за редкую бородёнку, начал собственноручно волтузить.

- Сгною собак русских, псам скормлю, на галеры продам! В зиндан всех, в железа заковать, - украшенная алмазами чалма сорвалась с головы «великолепного»

---

14. Василий Тимофеевич Грязной (по др. данным, Грязнов) воронежский воевода с ноября 1646 по май 1648 года. Не путать с В.Г. Грязным, опричником Ивана Грозного, после опалы царя был направлен на юг воеводой, в одном из боев пленён крымчаками. Много лет провёл в плену в Крыму, российские архивы хранят очень большую и исторически ценную переписку Ивана Грозного с В.Г. Грязным, который, будучи в плену, пытался играть роль дипломата или информатора московского царя. Не всегда удачно, однако.

хана, обнажив большие розовые залысины. Топал ногами, слюной брызгал.

Посольские дали безропотно скрутить себя налетевшей охране, ждали развязки. Теми же переходами подталкиваемые копиями жирных гвардейцев их чуть ли не бегом отогнали в дальний конец ханской резиденции, спустили по лестнице в глубокую яму - зиндан. Сверху с жутким скрипом загрохотала чугунная тяжеленная ляда, не оставив пленникам и лучика света.

Ошеломлённые, некоторое время помалкивали. Наконец, прозвучал удивительно спокойный для данной ситуации голос Проестева: «Ну, коль сразу не вбили, может, и поживем ещё».

- Степан Матвейч, а ты, никак, бывал в таких передрыгах? Уж спокоен больно? - заметил Чибисов.

- Поживи с моё, вьюношь, не то пережить придётся, - и помолчав немного, - а волноваться, трепыхаться, тяжкой смертушки ждать, не с руки нам. Думать надо, как избежать её.

В полной темноте потянулись бесконечные часы, дни, недели пленения, когда каждый прожитый в вонючей яме день равен месяцу. Дни отсчитывали по один раз открываемой по утрам тяжёлой ляде, когда вооружённые слуги спускали на верёвке кувшин степлившейся воды, куски тухлой конины и остатки черствых лепёшек. Воротившего нос Андрея Григорий поучал: «Терпи и ешь всё без остатка, не то загнёшься раньше времени, недругам на потеху!»

Андрей явно скис, часто грезились близкие, плыли перед широко распахнутыми в темноте глазами. Вставали образы то матери, то Алёнки, то вдруг сослуживцев по Северному Кавказу, то Мирона Смаги. Пытался заставить себя заниматься физическими упражнениями, но не хватало

ни сил, ни желания. Бывалые друзья его по несчастью шутками и подначками пытались расшевелить Андрея, но получалось плохо. «Терпи казак - атаманом станешь!», - заканчивал свои нравоучения Долгой, но Чибисов лишь играл желваками в темноте и ниже опускал голову.

На четвертый или пятый день Степан Матвеевич неожиданно спросил Андрея: «Слыхал я, шибко грамотный ты? А вот с закрытыми глазами письмо написать сможешь?»

- А какая разница, что с открытыми глазами, что с закрытыми, всё одно, не видно ни черта! - заметил Андрей, но мысленно насторожился. - Да и как писать? Нечем и не на чем.

- Не суетись, вьюношь, кошель-загашничек вот мой держи, у него подкладка светлая, на ней и напишешь. Писать пальцем будешь, проткнешь до крови, у Калистрата Петровича, никак игла припрятана в подкладке кафтана.

Долго примерялся Андрей, выводя сухим пальцем на вывернутом загашнике всего три слова. Когда понял, что справится, ткнул иглой в палец, и вывел коряво, расплывчато, но кому следовала записка, без труда понял бы: «МЫ ЗИНДАН ХАНА».

Следующим утром Проестев попросил охранника передать просьбу прийти нурэддина для разговора якобы важного. По-татарски он говорил весьма сносно. Охранник поухмылялся, покачал отрицательно головой, затем алчно уставился на посеребренные пуговицы на кафтане посланника. Спрятав в глубокие карманы шаровар вырванные с материей пуговицы, ухмыльнулся и громче обычного хлопнул лядой.

- Кто ж тебе, Степан Матвеевич, так пуговицы накрепко приточал, еле отгрыз их, - сплевывая, спросил Долгой.

- Жены-любы моей, Варвары Никифоровны работа,

- вздохнул коротко посланник и замолчал надолго.

Утром следующего дня пришел нурэддин Гази-Гирей, племянник хана, сын его старшего брата Мубарак-Гирея, приказал охране спустить лестницу и долго шептался с вылезшим и усевшимся на край ляды Проестевым.

- Ты, Стёпка, меня своими подарками не попрекай, я и так для тебя немало делаю. Видишь вот, не закованными сидите, пропитанье сносное. Аллах всемилостлив, успокоится хан, тогда и говорить с ним буду о судьбе вашей.

- Не мочно мне без вестей жить, помоги, Газиюшка, весточку слугам в Кафе оставшимся дать. Чти сам, а хошь толмача позови, нет здесь ничего тайного. Только чтоб знали служилые, что живы мы покамест. Ты меня не первый год знаешь, в долгу никогда не оставался.

- Попробую, хоть и трудно это.

- Какое там трудно для такого влиятельного человека в этом ханстве.

- О подарках твоих, кстати, - переключился на свою излюбленную тему ловкий издоимец - Тут ведь пока своего добьёшься, стольким знатным мурзам, беям уважение окажешь, самому-то лишь шерстинки с мехов и останутся.

- А ты не сумлевайся, Газиюшка. Пошли лучше человечка верного из армян, али греков с товаром в Черкасск, разыщет пусть атамана Наума Шелудяка, поклон от меня шлёт, на словах передаст, что, мол, «приспело время». Наум Васильич и отдаст ларчик, мною у него до худших времен оставленный.

Гази-Гирей морщил лоб, вздыхал тяжело, не раз помяная, что за тяжкие заботы на свои плечи взваливает, наконец, пообещав попробовать, семеня кривыми ногами, припустился в ханские покои.

Через несколько дней вышло нашим пленникам послабление; посланника Проестева и дьяка Акинфеева перевели в пустующее жилище одного из недавно почив-

ших бездетного бея, неподалеку от ханского дворца. Держали также под замком, с сильной охраной, но кормить стали исправно. Атамана Долгова с Андреем, поскольку московскими послами не числились, перевели в хозяйство татарского мурзы из рода Ширинов, запирали и днём и ночью в глинобитном сарае. Питание от зиндановского мало чем отличалось, та же тухлятина, да гнилые овощи.

На ночь в глинобитный их сарай пригоняли с раб-бот десятков полоняников, в основном из крестьян с Черниговщины, надорванных изнурительным трудом на местной каменоломне, забитых плетью надсмотрщиков. Всю ночь они надрывно кашляли, кляли сквозь сонное забытьё горькую свою судьбинушку, бога молили, чтобы побыстрее избавил их от страданий татарского полона. Было два валаха, затурканные до бесчувственного тупого скотского состояния. Было два русских из городков порубежных. Служилый казак казачей слободы Ельца Володька Рябой, взятый в полон всего год назад раненым в бою под Яблоновым. Он ни на минуту не оставлял мысль и строил планы побега, либо предавался мечтам, как соберут его слободчане полоняничные деньги и придёт за него денежный выкуп. За вздорный, непокорный характер доставалось Володьке чаще других, и кровавые рваные рубцы редко успевали заживать на его костистых широких плечах и тощей спине. За ним, частенько избитым до полусмерти, ухаживал другой русин, мужичонка неопределённого возраста, с кривым вытекшим глазом, хромый на одну ногу. В первый же вечер он пристально вглядывался в Григория и Андрея, но, не проронив ни слова, отошёл в свой угол на пыльную гнилую солому.

Днями позже поутру Андрей услышал сдавленный шепот: «Что жа, так и не признаешь меня, Григорий? Я-то помню тебя, Гришка ты Долгой, сын Васильев, лет на пять-

семь всего старше меня».

- Постой, погоди, неужто из наших, из Шацких? Чьих же будешь-то?

- Узнал тебя, почитай сразу, хоть и немало годков пролетело, обличьем ты вылитый отец, да и порода ваша Долговская во всём просматривается. Меня и узнать не пытайся, меня, поди, и матушка родная не спознает. Тридцать лет, почитай, в неволе татарской, из них восемь лет на галерах-каторгах.

- Не томи душу, брательник, говори, хто ты?

- Рожак я шацкий, полкового казака Богдашка Черемисинова сын. В родном доме Четырой звали, поелику четвёртым сыном в семье был. Помню ещё сестру мою старшую Матрёнку хто-то из ваших Долговых сватал.

- Точно, энта дядька мой Микита. Сгинул, однако, Микитка где-то в степях в стороже. А Матрёнка жива. Да уж не Матрёнка, а бабка Мотря Долгая, детей, внуков - куча!

- И-э-х!, - всхлипнул Четыра сдавленно.

- Так мы нынешним годом указом царским под Тамбов на Лысую Гору переселены, службишку тянем помалу. И бабка Мотря с семейством там, и Черемисиновых семьи три никак. Нет, четыре семьи, точно, Булая Черемисинова забыл. А из Богдашкова корня в семье Иван старший.

- Какой Иван? Не было у нас Иванов.

- Я уж не помню точно, только старшие твои братья, кто от старости, кто во время мора помре, а Ивашка, тот, поди, посла тебя народился. Он лет с десятков назад в службу поспел, вместо когой-то из братьев старших. Про отца с матерью и не спрашивай. В нашем возрасте редко у кого родители живы ещё. Покоятся наши с тобой на погосте шацком.

И вновь послышался сдавленный стон-всхлип старого полоняника.

- Четыра, про себя Расскажи, как в полон попал? Пошто не выкуплен был донине, почему не сбѣг?

- Больно вопросов у тебя, Гриша, много, тут за неделю всего не обскажешь. А у меня от уже услышанного сердце, того гляди, зайдѣтся. Прилягу ненадолго. Скоро уж муэдзин с минарета закричит, а чуть погода и бичи слуг мурзы защелкают.

- С тобой-то кто? Сын, никак? Похож обличьем, да и росточком вас Долгих всех бог не обидел, - Андрей догадался, что речь о нём, насторожился, ожидая ответа Григория.

- Почитай, что сын, - затем твердо: - Как есть сын, родный.

В груди Андрюхи сдавило, слеза непрощенная, предательская потекла из глаз, хорошо, что темно было, рассвет едва забрезжил.

- В 1618 году было это, - продолжил вечером следующего дня Четыра, - королевич польский Владислав в очередной раз воевал Русь, московского трона добиваясь. До Москвы дошёл, а в подручных у него черкасское воинство гетмана Петра Сагайдачного. Удачлив был гетман, быстр и жесток в действиях своих. Путивль взял, Ливны, Елец, к Михайлову подступился. Под Ливнами самого князя Микиту Момстрюковича Черкасского полонил. Посольство московское с Хрущёвым во главе, что в Крым с ежегодной казной двигалось, захватил. Стон великий стоял по всему порубежью. Жгли и зорили всё подряд. Словно забыли, что такие ж православные. Одного только полону взяли 20 тысяч человек, да всё больше молодых ребятёнков, парней да девок, - Четыра закашлялся, долго, натужно, до выступивших на глазах слёз бухал давно застуженным горлом. - Августа 6 дня, как раз на Спаса Преображеньев день, один из полковников Сагайдачного, корсунец Иван

Вергун да есаул его черкашенин Монастырский со своими людьми Шацк взяли и сожгли. Оборонять-то особо некому было. Ты, Гриша, должен помнить, что беломестные да полковые казаки, да стрельцов большая часть тогда к Алатырю ушли, ногаи в то время тот уезд воевали.

- Ещё б не помнить: воротились, а вместо городка, домов наших головешки чёрные, в воздухе пепел чёрный летает, и чёрного воронья грай душу рвёт, - Григорий аж зубами скрипнул.

- А у меня и ныне перед глазами: брёвна крепости, острога пламенем занялись, посадки со всех сторон запалены, людишки мечутся, добро своё, животы спасают. Конные черкасы тем временем лютуют, рубят с плеча кто на пути встаёт, полон молодёжи стоняют на выгон к Шаче реке. Многих тогда взяли: мещерянина Ивана Олферова дочь, девку Олександру, у Петра Акулова сын был взят, Анашком звали, лет четырнадцати, у Ивана Воронина сына Ивашку, лет шестнадцати, у вдовы, у Ульянки Селезнихи, взяты были два сына - Савка лет двенадцати и Бориска лет пятнадцати, у Богдашковой жены Гладышевой взяты были два сына: Васька пятнадцати лет и Радька лет двенадцати, у Терентия Чернова десятилетнего внука Савельку, а у Максима Юшина - племянника Тараску, лет тринадцати. Всех и не помню уж. Знаю только, что были взяты и дети Плотниковых, Кузнецовых, Иконниковых, Шиняевых и других многих семей Шацка города и уезда¹⁵.

- Послушай, Четыра, через год-полтора после замирения с Сагайдачным обмен пленных был объявлен. Некоторые из ребят и девок вернулись.

- После об этом и мне ведомо стало, да поздно было, я и несколько десятков детей шацких да ряжских

---

15. Из отписки шацкого воеводы царю Михаилу Фёдоровичу в 1620 г. о пленённых войсками Сагайдачного жителях Шацкого уезда.

черкасы перекопским татарам гуртом запродали. Мы к тому времени уж в Крыму кайданами бренчали.

- Впрочем, бренчали не все, - раздумчиво, тяжело вздохнув, проговорил Четыра, - замолчал надолго, словно принаравливаясь, как поднять, как осилить ещё один неподъёмный камень тяжёлых воспоминаний собственной, навек порушенной жизни.

- Пока степью нас к Перекопу гнали, я всё время вместе с Сидоркой, сыном Ивановым держался. Соседями в посаде шацком были, с детских лет вместе. Ослаб в дороге Сидорка, босу ногу к тому же о камень сбил, нарыв через день случился, а на второй на ногу уж не ступить. Так я, почитай, полдня его на закорках пёр. Хрипел от натуги дюже, да всё сотника черкацкого умолял взять Сидорку на повозку. Умолял, божился, что сам его выхожу. Ухмылялся сотник, да видно такая верность в дружбе в их Сечи запорожской в чести была, смилостивился. К Перекопу дружок мой уже сам ковылял по малу.

- Про то, как горе мыкали, как голодом морили, как плетью татаровя потчевали, и не рассказать. В Гезлёве¹⁶ девок наших отобрали, на рынки свели невольничьи, а к нам паша турецкий, что в гарнизоне воинством османским командовал, через толмача обратился. Предлагал добром иттить в войско янычарское, тут же столы с яствами выставил, одежду справную предлагал, а главное, от всякого полона избавленье. Дело за малым - веру православную поменять, обасурманиться, знать. Не многие на то решились, однако ж, решились, и с ними... О! Ужас! Сидорка мой! Энтих пятерых враз к столу, а прежде

---

16. Гезлёв – в н.в. Евпатория. На месте небольшого поселения османами в 1475 г. был заложен город-крепость Гезлёв, со временем ставший одним из значительных городов Крымского ханства, крупным центром торговли, в том числе работорговли, второй, морской столицей государства..

кайданы расковывать. Как налопались от пуза, паша и говорит им: «Вы теперь не полоняники, а свободные подданные Блистательной Порты, а эти гяуры рабы, а рабам надо указать их рабское место на этом свете!» И каждому из пятерки той плети вручают, гоните, мол, до зиндана. Недолго сумленье на лицах их было, споро за дело взялись, как бы не лютее татаровой на вчерашних братьев по несчастью налетели. А боле всех, замечаю, Сидорка старается. Шепчу ему сквозь зубы: «Что ж ты, сука щербатая, творишь?» Щербинка у него с детства эдакая была, приметная. «Бога побойся, я тебя, за родного брата почитал!». Да только, где там. Наверное, страх чтоб в себе заглушить и совести остатки, ещё больше расходится, налево направо так и секёт. Вот тогда - то и досталось мне. Будто кто в глаз уголек раскалённый бросил. Достала Сидоркина плеть. Мотаю башкой от боли нестерпимой, реву, а на руке сукровица да то, что от глаза осталось. Вышиб мне глаз иуда проклятуций, тогда и окривел я. С того времени вместе с глазом я вроде как и собственное имя потерял, забыли все, «Кривой», да «Кривой», зовут так и хозяева и такие же бедолаги, как я, невольники, - Четыра вновь натужно закашлялся и потянулся в свой угол на солому.

На следующий день Четыру и ещё двух наиболее слабых рабов отправили в горы для заготовки топлива, и рассказ свой он продолжил только на третий день.

- Расстались мы с Сидоркой и другими отступниками в тот же день, после других моих собратьев распродали по разным местам, что уж больше не довелось свидеться. Годы шли, хозяева менялись, жизнь только, рабская доля не менялась. В европейской Турции камнем дороги мостил, затем в Греции кожа квасил, в вечном пару и вони легкие надрывал, на солеварнях килу наживал, это уж в Сирии

было. И все эти годы мечтой о мести жил, всё дружка своего повидать надеялся, какие только кары и муки адовы для него не выдумывал. Вся моя жизнь порушенная на нём замкнулась.

- Скажи честно, Четыра, ну пусть не тогда, когда в янычары отбирали, позднее, неужто не было умысла веру сменить, получить послабление в жизни? Известно ведь, что басурмане закон чтут, по которому принявший веру магометанскую не может быть рабом.

- А ты, Долгой, меня не пытай, не батюшка, чай, да и я не на исповеди. Я эти тридцать годков, может, верой только и жил, не токмо умом, сердцем чуял, что отступлюсь коли от веры отцовой, не долго протяну. А сумленья были. Были, чего греха таить. Когда первый раз в бега подался, неделю на север шёл, вышел к Дунаю и ночью переплыл его, за бревно уцепившись. Да только рано радовался, что до земель православных рукой подать. Обложили турки в горной расщелине, так, что ни выбраться, ни руки на себя наложить неспособно. До полусмерти забитого, обратно на каменоломни привезли, - Четыра замолчал надолго.

- Года через полтора, уже в Греции дело было, грек один вывез на повозке под кучей кож, затем тропы в горах показал, как в сторону валахов, запорожцев податься. Вновь Дунай пересёк, и надо ж такому случиться, почитай, в тех же местах вновь пойман был. Видно, не только беглые из полона, но и дозоры турецкие все тропы заповедные знали. Я ещё полдня бёг, за собой турок, словно свору собачью увлекая. Загнали меня, как зверя, к скалам приперли, тут не выдержал я. Руки вверх воздев, страшно ругался, спрашивая, чем прогневил я всевышнего, за что нечеловеческими муками наказывает сына своего верного, пошто не слышит он моих молитв, пошто не даёт возможности жить не скотом, а человеком. Каюсь, братья,

близок был, чтоб бога отринуть. До сего дня понять не могу, как совладал с собою.

Андрей жадно слушал рассказ старого полоняника, не переставая удивляться, сколько тяжкого, невыносимого лиха могло свалиться на одного человека, какой природной силой и духовной мощью надо обладать, чтобы не только выжить, но и не сломаться. Не переставал удивляться и тому, что такие масштабные исторические события, свидетелем которых он оказался, или вообще не упоминаются в школьных программах по истории, или упоминаются вскользь, как незначительные эпизоды. Непростые, порой драматические и трагические страницы взаимоотношений Московии и Украины, сотни лет изнурительной войны России с Крымом и его патроном Османской Империей как то не укладывались в привычные лозунги и постулаты «его» времени «о вечной и нерушимой дружбе народов».

- А с Сидоркой я всё ж таки встренулся. Лет эдак через двадцать. В Сирии это было, поднялось там восстанье супротив османов, многие тысячи крестьян, да городских ремесленников поднялось тогда. Командовали ими князьки местные. Рабы с соляных копей тож примкнули. Поначалу удача сама в руки восставшим шла, а потом князьки местные за власть драчку учинили, каждый захваченных в бою пленных в собственных рабов стал превращать. К нам, рабам вчерашним, а ныне сподвижникам восстанья, примеряться начали, как вновь кайданы накинуть.

А тут и войско янычарское кораблями со Стамбула пришло. Такое началось! Много жестокостей довелось повидать, но такое впервые. Площади городов, улицы селений кровью были залиты. Таких свирепых воинов не приходилось встречать. Со словами аллаха и именем правящего в ту пору султана резали всех без разбору от младенца до старика глубокого. Отряд наш из рабов

вчераших на глазах таял. Остатки в несколько десятков янычары в горы загнали, в одном из ущелий окружили. Поняли мы, что погибель неминуемая пришла, прощаться друг с другом начали. Сдачу врагу на милость - и в мыслях не держали. Обнялись мы; литвин с Полоцка, шляхтич с под Кракова, сечевик белоцерковский, да я - из служилых казаков шацких. Больно сдружились мы, одной цепью на солевых копях скованы были, в восстанье всё рядом, плечом друг дружку подпирали. Тараска-сечевик оселедец за ухо заложил, тряпицу с раны на плече сорвал, саблей вострой поигрывает, рот в оскале злом кривит: «Ну, что, братья? И наш час пришел, становись по праву-леву руку. Покажем напоследок ублюдкам султанским, что кровью детской умываются, как славяне бьются!

Знатная сеча вышла, не одному янычару довелось собственной кровью умыться. Долго не могли справиться, разорвать кулак наш и поодиночке перебить. Издалека стали с пистолей расстреливать, сулицами забрасывать. Не бесконечны силы и у нас оказались - одолели басурмане. На меня, уж подраненного не единожды, сотник янычарский наседать начал, остервенело вертел ятаганом, от собратьев моих отесняя. Борода чёрная, на голове тюрбан с башлыком красным, а весь перёд от бороды до сапог некогда зелёного цвета в кровище, словно у мясника фартук. Вижу, что обличье его мне кого-то напоминает, а уж когда рот открыл, я щербинку знакомую заметил. Кричу ему: «Что, Сидорка? Как служба басурманская? Много ли душ загубил христианских? Видать, беспорочно султаньям турским служил, до высоких чинов дослужился?»

Сотник янычарский поначалу бег своего ятагана замедлил, затем и вовсе его опустил, уставился на меня удивлённо. Рот раскрыл, чтобы спросить чего-то, да мне не до речей его было. Рубанул я саблюшкой кривой бухарской,

всю ненависть свою в удар вложил: «Сдохни, иуда!»

Ненависти в ударе много было, а силы уже не осталось - рассек я плечо, ключицу разрубил, на большее меня не достало. Сам почитай замертво на колени рухнул. Стоим друг пред другом на коленях, а руда горячая с обоих льёт, багрить серые камни под нами. «Четыра?!» - в глаза мне глядя, Сидорка спросил. Слово произнёс, словно тяжёлый жёрнов с места сдвинул, столько в нём боли и муки. Ещё янычарам своим крикнуть успел, чтоб не добивали меня, а раны перевязали.

Я кое-как с колен поднялся, послал его ко всем чертям с его помощью, не на него гляжу, а на побратимов моих. Ходят деловито янычары, приканчивают обеспамятевших от ран друзей моих. Не выдержал я. Можга от картины жуткой, можга от потери крови, в пыль свалился замертво.

Очнулся я, вижу, раны мои омыты, перевязаны умелыми. Передо мною на камне Сидорка-янычар сидит, ждёт, когда в себя приду. «Прости, говорю, что не до смерти тебя, Сидор, срубил, силёнок в руках не хватило, да и глаз, тобой выбитый, подвёл». Молчит, только глядит пытливо, чую, спросить чегой-то хочет. «А ты спрашивай, Сидор, спрашивай, не стесняйся. Я те всё, как есть, обскажу. Как горе десятки лет мыкал, как мечту лелеял заветную – с тобой поквитаться. Как побегом на сторонку родимую возвратиться, отцу матери в ноги поклониться, свечу в нашей церкви Архангела Михаила поставить, за всех от полонного терпенья на чужбине сгинувших. Спрашивай, а я отвечу, как вестей с родных мест с каждым новым полоном в туретчину пригоняемым жадно ждал. Поверишь ли, дождался и я. Да можга тебе неинтересно? А всё ж таки послухай. Про всех остальных умолчу, не для твоего уха басурманского рассказ об отчине нашей. Токмо про твоих расскажу. Отец твой, славный казак Иван, да упокой

господь душу его, в степях с крымцами голову сложил, только коня и привели на двор осиротевший. Продала маманька конька того, и корову со двора свела, овечек тоже распродала. Всё деньги собирала полоняничные, на Москву потом пешком добиралась, передала собранное посольству московскому, что в Крым отъезжало. Всё для выкупа твою. Да всё бога молила за сынка родного, всё ждала. Понятное дело, не дождалась. Ныне жива ли, нет, не ведаю. С того времени, как с тем полоняником шацким, с которым пути-дороги пересеклись в неволе турецкой, почитай уж боле десятка лет минуло».

- Что же дальше было? - нетерпеливо Григорий Долгой спросил.

- Встал Сидорка-янычар с камня, так слова и не проронив, ушёл с глаз долой. А наутро нашли его мёртвым среди камней в речушке горной, вены себе ятаганом вскрыл. Не знаю, не дано мне знать, что перед тем, как руки на себя наложить, думал. Не могу, да и не хочу верить, что совесть в нём проснулась, и перекститься за упокой его многогрешной души рука не подымается.

- С тобой-то, дядька Четыра, что потом было? - Андрей спросил с дрожью в голосе.

- Что было? А что быть могло? Янычары, поскоку им заступник мой невольный таперича не указ был, вновь в кайданы заковали, и через месяц я уж тяжёлым веслом на галере-каторге ворочал. Пошто не убили - не знаю. Пожалуй, всё ж из-за жадности. Хоть и не велика с меня увечного тогда прибыль была, а всё ж не задарма на галеры отдали.

На каторгах я цельных восемь лет жилы рвал. Самому невдомёк, как удалось выдержать такое, некоторые и полгода не выдерживали. Только там понял, что такое неволя настоящая, каменоломни, копи соляные, это семечки.

Не было на моей памяти, чтобы кто-то освободился. Один выход: издохнуть от труда непосильного и за борт на корм рыбам. Только легенды среди галерных рабов ходили, что де восстали где-то, захватили судно и в страны заморские ушли. Слыхали, что случаи не единожды были, будто казаки запорожские али донские каторги штурмом брали, освобождали рабов. Удача та всё как-то мимо меня шла.

- Как же так, Четыра, ведь в последние лет 10-15, почитай, через каждые два года посольства московские в Крым с поминками наезжали, деньги полоняничные везли, а в обратный путь сотню-другую полоняников выкупленных вели, - спросил Долгой. - Да и мы, служилый по прибору люд, в стычках с крымцами, ногаями всегда стремились полон ухватить. Потом их всех в Москву гнали, а там уж партиями для обмена готовили. Отчего же тебя не сменяли, не выкупили?

- Это ты, Гриша, верно говоришь - сотню-другую выкупят, поменяют столько же. Знал бы ты, друже, сколько полону в Крым с ранней весны до поздней осени гонят, нескончаемый поток, река-рекой тянется. И всё это Крым, зверь всепожирающий плотает. Как-то галеру, на которой веслом ворочал, бурей сильно потрепало. Пришли в Кафу для починки. Цельную неделю стояли в бухте, пока мачты, снасти чинили. И каждый день, собственным глазом видел, два, а то и три корабля из Кафы уходили в дали заморские. А в трюме каждого многие сотни невольников стоя битком набиты. Уразумей, атаман Долгой, каждый день два-три корабля! А ты про сотню-другую. Да и кому я нужен был улогий, увечный? Я ведь и с галеры ухитрился с дружкой одним, казаком хоперским сбечь. В Тамань галера пришла, вот нас и послали с охранником съестных припасов закупить. Придушили мы того охранника собственными цепями, в каких-то старых брошенных лабазах до ночи

хоронились. С городка ночью выбрались, степью трое суток на север шли, одной цепью скованные. Веришь ли, на увал поднялись и куреня донских казаков увидели, да и разбезд казачий, никак, на соседнем кургане маячил, но опять не судьба! Налетели ногаи, только арканы и свистнули. В Крыму на этот раз меня даже не продавали, бросили связанного нонешнему хозяину, за долги какие-то прежние. Дюже тот ругался, что такую старую рухлядь ему суют, в чём душа держится. Потом подошёл, рассмотрел знаки на теле моем, языком зацокал. Ведь каждый хозяин своего раба таврит, тавро калёным железом ставит, так же как на скот свой собственный. А у меня тех хозяев перебывало, дай бог. Вижу, говорит, не раз ты в бега подавался, ну да у меня не сбежишь! Навалились на меня его слуги, а он собственноручно ножичком вострым чиркнул мне под правым коленом, жилы какие-то жизненные повредил, и стал я не только кривым, но и хромым. Сотню метров ещё смогу проковылять, а дальше ползком только. В каменоломне сейчас я сижу всё больше, камня на дворцы их тесаю, - Четыра вновь зашелся, утробным кашлем, отполз в свой угол на солому.

Дней через пять вновь пришёл навестить полоняников Прюестев, на сей раз оживлённый и радостный.

- Ну, кажись, кончается наше житьё полонное, ослобожденье нурэддин обещал днями. Сменил, никак, хан гнев на милость, и письмо ответное царю Алексею Михайловичу, вроде как, уже готово. Не иначе вновь в вечной дружбе клянётся, да про ежегодные поминки-дань напоминает.

- С чего бы это подобрать хан изволил, можа он от рожденья такой добрый да щедрый, можа энта мы не в добрый час к нему заявили, - ухмыляясь, расспрашивал Долгой посланника.

- Тут, смекаю я, в другом дело. Человечек верный от

Наума Василича весточку принёс, регулярное московское войско во главе с дворянином майором Лазаревым с Валуек на юг движется. Путь держат на Черкасск, а куда повернут, не ведомо. Может, на юрты низовые казацки, а может, и к Азову подступятся. А оборонять город тот турецкий ни у турок, ни у крымцев силёнок ныне недостаточно. Вот, поди, и пытаются ослобожденьем нашим царя московского умилоствить. Тут, надо полагать, не в Бахчисарае судьбинушка наша решается, а не иначе как в самом Стамбуле, - Проестев довольно потирал руки. - Да и ларец с золотишком, что у атамана в Черкасске до срока оставался, своё дело сделал. Оно жаль, конечно, на другое мыслил я деньжонки те пустить, да ничего не поделаешь, свобода она, брат, дороже денег любых.

- Тут дело такое, Степан Матвейч, придётся тебе ишшо разок раскошелиться. Пару полоняников, что с нами вместе горе мыкали, выкупить надо бы, - вставил Григорий остороженько.

- Да ты, Долгой, с ума никак спятил, откуда деньги? Сам ведь знаешь, как липку нас обобрали, и полушки завялящей не сыскать. Опять же добираться до Кафы как собираешься? Али, думаешь, крымцы нам с почестями аргамаков подведут под сёдлами золочёными? И не думай о том, и в мыслях не держи. Тут самим бы выбраться поздорову.

- Степан Матвейч, - голос Долгова затвердел, лицо багровостью наливаясь стало, - ты меня не первый год знаешь, я хоть и прозваньем Долгой, а в долгу ни перед кем никогда не был. Приедем в Черкасск, долю мою, что с бою взяли и подуванили, себе всю возьмёшь, мало будет, на Тамбове, чего не достанет, добавлю!

- Свою долю я тоже всю на это дело пускаю, - вставил Андрей, - помогай Степан Матвейч!

- За кого ж так хлопчете? Ты никак, Григорий, брата родного в полоне встретил?

- А, почитай, что и так, - молвил Долгой убеждённо.

Через пару дней посланнику вечером показали елецкого Володьку Рябого и Четыру, и показ этот доброго впечатления на Проестева не произвёл.

- Ты кого мне подсунуть решил? Энтото Рябого? Да у него на роже разбойной вся его подноготная расписана, от таких, как он, одна смута, да властям неповиновенье. Про Кривого и думать не смей. Куды его? Ни в службу не гош, ни в работники. Да и дотянет ли живым до городков порубежных, одному богу известно.

- Зря ты, Степан Матвеич, Рябой - казак справный, вояка отменный. Он свою кровь уже пролил, когда на пути очередной орды под Яблоновом стоял насмерть. Послужит ещё. Коли в Елец не уйдёт, в Тамбове оставим, у нас в служилых людях, тебе ведомо, нехватка сильная. Что до Четыры касаемо, тут как хошь думай, а по мне не в мочь его тута оставлять, он такого лиха хлебнул - на десятерых хватит. Коль уеду без него, вовек не прощу себе энтото. Грех-то будет на нас великий, никакими молитвами не отмолить.

- Ты на мене не дави, Долгой, я человек государев, копейку государственную беречь поставлен. Интерес государственный блюсти обязан.

- Знаю я твой интерес, дворянин, знаю, - лицо Долгова налилось кровью, цедил сквозь зубы, - знамо дело, как печёшься, дворянчика какого, али сынка боярского ты всеми правдами в полоне отыщешь, любую деньгу заплатить готов. Видал, как ты в Кафе интерес государев блюл! За Корочанских детей боярских, что перепившись в полон угодили, ты скока заплатил? А? За троих всего? На энти деньги, почитай, с десяток горемык выкупить можно было.

Проестев глаза выпучил, от негодованья позеленел весь, задохнулся, слова связного не может вымолвить: «Да, я! Да вас! Как смеешь, холопья морда!»

- Полегче, полегче, Степан свет Матвеич! - неожиданно успокоившись, проговорил Григорий, - Долгие отродясь в холопах не бывали. Расстарайся лучше, отыщи армян бахчисарайских, али греков, пусть денег ссудят, а за нами не пропадёт. А коли не найдёшь денег, никуда я от сюда не двинусь, за это тебе в Приказах на Москве ответ держать! Поспешай, посол, поспешай!

Андрей решительно стал плечом к плечу с Григорием:

- В таком случае и я остаюсь!

- У, племя иродово, так вас разздак, ну, ужо погодите у меня! - с досады Проестев сплюнул и выскочил со двора.

Прошло не менее двух недель, когда улажены были все вопросы, касающиеся миссии Проестева, и его посольство двинулось сухопутьем из Бахчисарая в Кафу.

Посланник, дьяк и Долгой восседали на закупленных для этой цели конях. На четвертом, предназначенном для Андрея, сгорбившись, сидел, недоверчиво озираясь по сторонам, Четыра. Андрей вёл коня в поводу, ступая по острым камням вдрызг разбитыми ичигами. «Ничо, ничо! Потерпишь! - Проестев ухмылялся, глядя на Чибисова, - в другой раз подумашь, прежде чем старшим перечить».

Володька вёл в поводу коня посланника, на привалах с показным подобострастием помогал дворянину слезть с лошади, кошму расстилал для отдыха. Так же с готовностью подставлял сложенные ладони, помогая тому в седло взобраться.

От примечавшего всё Долгого не мог, однако, ускользнуть полный пренебрежения и нахальства взгляд Рябого, когда не видел того посланник. Во взгляде том, в ломанном изгибе ухмыляющегося рта читалось: «А нам

что, мы люд терпеливый, от поклона спина только согнётся да не сломается. Нам бы тока до земель вольных добраться, в первую же ночь сбегу, только и видел ты меня, дворянин служилый!»

Четыра так до конца и не верил в своё освобождение. Всё осталось позади; и долгий торг с хозяином, мурзой из рода Ширинов, заломившего неподъёмную цену, и подначки его многочисленной родни не продешевить московитам. Забрешившая надежда сменялась холодом отчаянья, когда собранных денег, точнее, самую малость их, не хватало на выкуп. Благо, дьяк Акинфеев выручил. Кряхтя и бормоча под нос что-то, отойдя за угол, начал вскрывать ножичком подкладку своего, некогда добротного кафтана. Андрей недоумевал, как удалось тому сохранить потаённую «заначку», крымцы ведь десяток раз обыскивали. Чибисов шёл, не обращая внимания на проморгзлый ветер с ноябрьским дождём, на сбитые кровоточащие ступни ног, на колкости Проестева, предлагавшего поменяться местами с Четырой. В душе звенела, радостно пела струна: «Домой, наконец-то домой!» Лишь раз пришла мысль: где он, мол, ныне твой дом? Пришла мысль и ушла вскоре. Не присосалась, как не раз бывало ранее, надоедливой щемящей тоской. Осталось только это: «Домой, домой, домой!»

***

Князь сидел в креслице в тени крепостной стены, хмуро глядел на столпившихся перед ним казаков. Были тут все, кроме ушедших в степь дозорных, отъехавших для сопровождения московского обоза до Хопра, да тех, кто стоял в карауле в Беломестном и Красном городках. Оставшиеся одеты разномастно, оторвали их от работ: кто

клин выделенной целины поднимал, кто жильё ладил, кто на строительстве церкви свой черёд отработывал.

«Ну и воинство, - с негодованием оглядывал их Ромодановский, - оборванцы какие-то, одеты кто в чём, рубахи от пота сгнившие, порты - заплата на заплате, большинство вовсе без обуви, ноги в ссадинах от пыли черны». Привыкший в Москве к полковым построениям стрельцов, а тем более вновь создаваемым полкам иноземного строя, князь неприязненно смотрел на сбившихся в кучу казаков: «И это защитнички порубежные, земли русской охранители, - всё более накаляясь, думал он, - рвань, босяки, про волю толкуете, мать вашу. Моя здесь воля, царём мне даденная!»

Рядом с князем, спину в поклоне не разгибает, голова казачий Молеев Фёдор. Менее месяца назад поставленный над городками и всем населением этой части тамбовских укреплений, он успел перессориться с большинством лысогорских поселенцев. Прежде всего допекал приходивших верстаться в служилые черемисов, мещеряков, да ещё всякие придирки-препоны чинил семьям татар касимовских иль алаторских, что на службу в эти края переселялись. А вот с властями ладил; не только воеводам, последнему дьяку приказной избы в Тамбове готов был завсегда кланяться. По другую руку от князя Андрей Колода стоит, в усах усмешку прячет, нагаечкой поигрывает. Сзади с десятков преданной личной охраны.

- Что, своевольничать у меня удумали? - Зычный голос Ромодановского над притихшей толпой гремел. - Пошто гостю московскому обиду чинили? Пошто людишек его секли? Я вам устрою здесь жизнь вольную, всяк своё место узнает, рвань, голь перекатная! Сенька Бузнев где? Где Пронка, сукин сын?

Из толпы выдвинулись Семён и Прокофий. Играя

желваками, десятник тихо и твердо к князю обратился: «Пошто лаешься князь-воевода? Мой отец имя имел, под Смоленском на царской службе голову сложил, мать покойница, царствие ей небесное, тоже не собачьего имени».

- Службу мы справно сполняем, - оттесняя Прокофия плечом, заговорил Семен. - Непотребу задумал начальный стрелец московский, вот и приструнили его малость!

- Дерзить мне смеее? Супротив слов моих иттить? Я вам укажу ваше место! Где Чибисов-найдёньш? Пошто воли моей ослушался? Зачем в сторожу ходил, когда я указал безвылазно в слободе сидеть? Всё, слушай моё слово: Пронку и Чибисова в Тамбов, пускай в порубе посидят, с ними сам разберусь потом. Тебя, Бузнев, с пятидесятника сымаю, покажу рядовым пока, - твёрдо говорил Ромодановский, при этом чутко прислушивался к нарастающему недовольному гулу толпы.

В это время с недостроенной ещё башни два дежуривших там казака начали наперебой кричать: «Со степи верхи хтой-то скачить! Верстах в трёх. Шибко пылит, коня, поди, запалит!». Другой вторил чуть погодя: «Никак из наших хто-то? Во, во, гляди и пика кверху с флажком красным! Сполах это, сполах, братья!»

Толпа, не дожидаясь указаний, рванула к землянкам, к оружию, часть в буераки, где кони стреноженные паслись. Некоторое время спустя, всадник влетел на площадку перед Красным городком. Лицо потом и грязью залито, без шапки, бешмет разодран, сзади в пыльных волосах кровь запеклась. Бухнулся ниц перед князем, не в поклоне, просто видать ноги не держали молодого казачка. Сзади, дрожа подгибающимися ногами, завалился на бок конь его.

- Беда, князь, беда! - осипшим голосом докладывал прибывший Ефимка Муровлев. - Большая орда татарская прёт! Сторожу нашу порубили почитай всю. Меня десят-

ник Михайла Мукин с вестью сюда отправил!

- А ну, тихо все! Воды ему дайте. А ты, казаче, отдышись, да сказывай толком, чево стряслось у вас там.

- Орда та немалая, тысяч с пять, так Михайла сказывал, незамеченной дальними дозорами прошла. Поначалу будто бы в земли елецкие, али лебедянские метила идти, потом резко в нашу сторону свернула. Десятник сказывал, что не иначе между Тамбовом и Лысой Горой пройти хотят.

- Когда ждать их следует?

- Да, никак, в дневном переходе они, батюшка-князь. Никак не далее.

- Так, примерно ясно всё. За дела, братцы. Слушай, Колода, мы сейчас в Тамбов спешно пойдём, стрельцов, пушкарей, казаков к бою готовить. Тебе скакать на Полковое, затем Татаново, Горелое. Подымешь там людей служилых. Всех до единого соберёшь, оружными, с боем огненным. Руководить сам ими будешь. Выдвигайся поближе к Кукосовым гумнам, жди моих указок, там решим, что делать далее. Коль на Тамбов пойдёт орда, в чём сомненье у меня, поддержишь городовых, коли на валовое строенье - ты ближе всех к ним окажешься.

«Коли с перепугу казаки не попутали, орда действительно огромная. Не сдюжить нам одним», -мыслил князь, досадливо морщась на без толку суетившегося рядом казачьего голову Молеева. Казаки тем временем быстро возвращались. «А не дурно, однако, - заметил про себя князь. - Одежа ладная, к бою приспособленная, сабли вычищены, пищали бережно в холстину завёрнуты». Без излишней суеты казаки в поводу с уже осёдланными лошадьми, разбирались по своим десяткам и полусотням.

- Семён, Бузнев, выдели казака спешно, пусть по

валу скачет, всех землекопов за вал, стрельцов охранных тоже. Вместе пусть оборону держат.

- Князь-воевода, прикажи им лучше телеги, что на подвозе заняты, в казачий круг ставить, челнавские стрельцы подскажут, как делать. Да чтоб от табора до табора огненным боем лихих людишек достать мочно было. И от татар отсидаются и оборонить помогут.

- А ить верно мыслишь, пятидесятник, - забыв о «разжаловании» Бузнева в рядовые, заметил Ромодановский. - Ещё, Семён, в Козлов казаков слать надобно, просить помощи у тамошнего воеводы Романа Боборыкина. Роман десяток лет назад Тамбов строил, ему дела все порубежные вельми знакомые, не откажет соседу в помощи. Только спешно надо. Дня пути до Козлова нам не позволено. С заводными лошадьми за полдня домчать надо. Выдели пару людей понадёжней, пусть не за валом козловским идут, а напрямик степью.

- Прокофия пошлю, надёжней не сыщешь, энтот с путя не собьётся, а кого с собой взять, пусть сам решает.

Прокофий указал на Андрея: «Был бы Смага, его бы взял». По поводу князевых сомнений относительно способностей Чибисова заметил только: «Андрюха у нас лошадиник знатный, хоть на коне, хоть с конём рядом скакать может, видал его в деле».

«Вот отродье казачье, казара хитрющая! Одним махом всё разрешили. Ни тебе арестантов, ни тебе разжалованных» - думал в это время Иван Иванович. Думал, впрочем, без злости, в усах самодовольную улыбку пряча. Наряду с тревогой, приходила уверенность, что с ордой они справятся.

- Еще, Семён, в челнавский городок человека пошли, упреди стрельцов, что может и через них часть орды попытается прорваться.

- Выслал уже людишек, и в Челнавский городок

и в Бельский, через пару часов до Польного Воронежа весь Козловский вал оповещен будет, - доложил Бузнев. При этом не прекращал давать распоряжения, в том числе и о сборе всех баб с ребятей близ острожков, чтобы при непосредственной опасности могли за их стенами укрыться.

Мимо отец Илия протопал, в штанах холщовых, в сапоги заправленных, поверх рубахи кольчуга серебром отликает, пищаль тяжеленная в руке: «Куды стать прикажешь, Сенька?» - густым басом спросил.

- Отец Илия, тебе старому лыцарю на стену лезть. Организуй там служилых. Зелье беречь, у нас с ним не шибко густо. Коль подойдут татаровя, наверняка бить. И только залпом. Они, да и лошадки их дюжа огня залпового не выносят.

- Ишь, Сенька, поганец, учить вздумал. А то без тебе не знамо нам, как с басурманиями воевать.

Часа три скакали Прокофий с Андреем, не останавливаясь, пересаживались на заводных лошадей, лишь изредка переходя на рысь. Прокофий держался балок и оврагов, опушек, рощиц и приречных зарослей. Встретили казачью сторожу из Бельского городка, рассказали о приближении татарской орды и, не мешкая, вновь отправились в путь. При подходе к Польному Воронежу Прокофий стал заметно осторожнее. Уложив лошадей в траву, с полчаса наблюдали за густым ивняком вдоль реки.

- Таится в кустах кто-то. Вишь, сороки стрекочат. Не пойму только, на этом или том берегу. Ну, да у нас выбор небогатый, переправляться всё же здесь будем, только немного вниз по течению отойдём, изгиб река там делает. Одежду в торока и к седлу. Саблю, однако, из рук не выпускай, неизвестно, как тебя тот берег встретит. За гриву Мухортого держись, он конёк справный, ему такие переправы не впервой.

Переправились без приключений, татары налетели позже, когда переоделись и выступили из приречных зарослей. Одновременно с метнувшимися вверх татарскими арканами, раздался предупреждающий крик Прокофия. Инстинктивно Чибисов ткнулся лицом в конскую гриву, и волосяной аркан лишь шлёпнул по спине. Два других метнувшихся в него аркана Прокофий успел рассечь саблей. Рванули вскачь от уже предвкушавших лёгкий полон татар, краем глаза отметив, что вдоль реки, саженьх в двухстах ломился сквозь кустарник ещё с десятков верховых.

- Мать-честная, да откуда же вас привалило? Ходу, Андрюха, ходу! Коняг не жалей, теперича жалеть поздно, кажись.

Обе заводные, привязанные к сёдлам, стали заметно сдавать и натягивать длинный повод. Досталось беднякам - в крупах торчало по несколько стрел.

-Руби поводья, Андрей, руби! - Прокофий вытаскивал притороченную пищаль, демонстрируя её преследователям. Знал, что при переправе порох отсырел, новый на скаку на полку не насыплешь. Татары, осыпая преследуемых градом стрел, приближаться на расстояние огненного боя всё-таки не рисковали. Мухортый и белолобая кобыла Прокофия тем временем стали замедлять свой бег, что и немудрено было после стольких часов скачки. Татары стали обходить с двух сторон. «Замкнут сейчас колечко и засыпят стрелами», - невесело подумал Андрей. - «Черт, и гранаты нету, сдохнуть, если уж не по героически, то хотя бы по человечески, не дадут». Что вытворяют крымчаки с взятыми в полон служилыми людьми - он был наслышан.

Припав к гриве, Прокофий озирался по сторонам, искал выход из передраги, в которую угодили. Искал и не находил. «Ну, что, Проня, так хреново, кажись, ещё

не было. Знать, придётся смерть примать. Ну, дак что ж, помирать всё одно рано или поздно надоть».

Спасение пришло неожиданно, когда уж перестали на него надеяться. Слева с вершины поросшего донником холма грянул пищальный залп. Не очень слаженный и многочисленный, но усиленный эхом долины довольно впечатляющий. Одновременно из-за отлога холма выезжал, выравнивался в линию для конной атаки отряд в полтора десятка козловских детей боярских. Сверкая серебром наплечных и нагрудных пластинчатых доспехов, обнажив тяжёлые клинки, ринулись под гору наперерез погоне.

Уклоняясь от встречного боя, крымчаки повернули коней назад. Погоня теперь уже за ними результатов не дала. То рассыпаясь в степи поодиночке, то съезжаясь по двое-трое, они осыпали стрелами вырвавшегося вперёд одинокого русского воина.

Прокофий тем временем сообщил о цели своего «поспешенья» в Козлов старшему из отряда спасителей. Сын боярский оказался малым сообразительным и расторопным. Дал свежих коней, пару проводников и, не мешкая, в путь отправил. Пообещал за лошадьми казачьими доглядеть, вернуть их в Заворонежской слободе на обратном пути гонцов тамбовских.

Вновь пару часов бешеной скачки, и вот на холмах показались бревенчатые стены и башни Козлова-крепости. После обмена приветствиями с сопровождавшими детьми боярскими дежурившие воротники открыли массивные из целых дубовых плах ворота, указали путь к съезжей избе и воеводскому дому.

Боборыкин встретил их у хозяйственной части усадьбы, у конюшен. Слушал внимательно доклад Прокофия, одновременно давал распоряжения о вызове необходимых служилых людей, о сборе стрельцов, детей боярских.

Андрей внимательно рассматривал основателя его родного города Тамбова. Невысокий ростом, коренастый, резкий и уверенный в словах и движениях. Тёмное от загара, покрытое сетью морщинок лицо, с взглядом серых, казавшихся усталыми глаз, усы и борода аккуратно подстрижены.

- Никак Пронька, сын Борисов? Из казаков шацких? Узнал, узнал тебя, - морщинки разгладились. - Тогда в бытность мою воеводой в Шацке совсем вьюношей был. Ах, время, времечко. Отец-то жив? Слыхал я, на Лысую Гору вас перевели служить. Кто из знакомцев моих переселился?

- Да, почитай, вся слобода беломестная и переселилась: Гришка Скворец, Григорей Долгой, братья Бузневы, Буданцовых семейство и остальные. Что ж до батюшки мово – погиб батюшка, в бою с ляхами под Смоленском.

- Царствие небесное казаку, достойно жил, достойную смерть принял, царствие небесное, - истово перекрестился Роман Фёдорович. - Ну а на Лысую Гору загляну при случае.

- Передай Ромодановскому, Прокофий, что сотни четыре, от силы пять, наберу и вышлю ему в подмогу, пушек затинных четыре. Верхами всех пошлю. Стрельцам, что безлошадные, коней со своих конюшен дам. Не позднее послезавтра у вас будут. Пусть не взыщет князь Иван Иванович - большего не смогу дать, за оборону Козлова и черты Козловской с меня спрос.

- Вам же возвращаться, не мешкая, лошадей дам, оставишь их потом в Челнавском острожке. Да ещё письмо моё свезёшь, лично в руки вручишь голове стрельцов челнавских Якову Дементьевичу.

После отъезда гонцов присел Боборыкин, призадумался. Встреча с шацким казаком Прокофием воспоминания навеяла. Вспомнились годы его воеводства

в Шацке и Тамбове, Яблоне и Белгороде, теперь вот Козлов. Редкие выезды в Москву. Вроде бы расположение и милости царские и от Михаила Фёдоровича и от Алексея Михайловича, и высокое званье царского стольника, а результат один и тот же. Вновь воеводой в порубежный украинный город-крепость. Вновь бесконечное береженье Московии от вечно голодных крымских, азовских да ногайских орд. Организация сторожевой службы, строительство крепостей и острожков, тяжбы с местным служилым людом и соседями воеводами. А одновременно с этим походы и стычки с татарскими ватагами, бои для отбития русского полона, нескончаемая вереница потерь и утрат.

«Ныне, конечно, не то, что 10-15 лет назад, прорехи в обороне как латанный-перелатанный кафтан были, людей нехватка, сам сутками из седла не вылезал. Валы теперь земляные укрепленные по всей черте Белгородской, городки стоялые да жилые для людей служилых. Кто, как не он, доказывал в Московских приказах необходимость строительства сплошной оборонительной линии, кто, как не он, доказывал преимущество земляных укреплений над деревянными? Татары уж редко за черту теперь пробираются, хотя эта орда, пожалуй, пройдёт, силища прёт немереная, несладко будет у Ромодановского. Ну, да нечего, даст бог, сдюжит».

Владимир СЕЛИВЁРСТОВ

Гибель Тамбовского триумvirата

(фрагмент из романа)

Фон дер Лауниц Владимир Фёдорович, тамбовский губернатор с 28 августа 1902 года по 31 декабря 1905 года. Будучи столичным градоначальником убит террористом в Санкт-Петербурге 21 декабря 1906 года.

Богданович Николай Евгеньевич, вицегубернатор тамбовский с июня 1905 года. Убит террористами 15 декабря 1905 года.

Луженовский Гавриил Николаевич, старший советник тамбовского губернского правления с 7 апреля 1905 года. Убит террористкой в Борисоглебске 16 января 1906 года.

Владимир Иванович Селивёрстов - прозаик, член Правления Тамбовского отделения Союза писателей России, адвокат, ветеран МВД. Автор серии исторических романов, в том числе о тамбовском правителе Г.Р. Державине, о губернаторах: П.А.Нилове, Д.Р.Кошелеве, А.М.Безобразове, И.С.Миронове, фон дер Лаунице. Организатор творческих встреч и литературных концертов «Трегуляевские среды».

Убийство градоначальника.

Обедня по обыкновению завершалась водосвятием. Несколько холодных тяжёлых капель заставили Владимира Фёдоровича вздрогнуть. За духовенством из церкви потянулись приглашённые. Грациозно спускалась по скользкой беломраморной лестнице ослепительная красавица принцесса Ольденбургская Евгения Максимилиановна, поддерживаемая известным богачём Сипягиным. Двумя-тремя ступенями выше твёрдо ступал сам принц Александр Петрович с двумя рослыми адъютантами по бокам. Следом, теснясь и толкаясь, остальные - действительный тайный советник, главный медицинский инспектор флота Кудрин, вездесущий Плющик-Плющевский, академики, профессора, врачи, сёстры милосердия в высоких накрахмаленных до снежной твёрдости косынках с серебряными крестиками. Владимир Фёдорович, чуть замешкавшись, тоже поспешил на выход. У крайней колонны он наткнулся на столь энергический взгляд, словно на него вновь брызнули водой. Но магнетические глаза вдруг потухли, а их обладатель, смешавшись, стал шарить по карманам. Бегло осмотрев его, градоначальник Петербургский успокоился. Вполне приличный молодой человек, летами с четверть века, не более, высокий, хорошего сложения. Белоснежная манишка, галстук, дорогой фракный костюм, лакированные ботинки указывали на принадлежность к состоятельному классу. Почти красивое, удлинённое лицо, обрамлённое острой бородкой, а сверху длинными, выющимися рыжеватыми волосами, умное, интеллигентное немного напряжённое, нервное, ну да мало ли по какой причинности - у каждого свои неприятности. Таилось в нём какая-то несовместная смесь славянина с южанином.

Владимир Фёдорович, поспешил мимо и, догнав принца, пошёл рядом, чуть поотстав от принцессы.

Вспомнив о вчерашнем взрыве на Гороховой, начал поворачиваться к его высочеству, чтоб поделиться, но окружающий мир взорвался оглушительным шумом. Он возник не вовне, а внутри головы тонкой нестерпимой кинжальной болью, острой и резкой, как нервный высверк от неловкого сворота шеи. В мозгу появился почему-то тамбовский вокзал, дети, бегущие за ним по перрону и он, стремительно и неостановимо, улетающий от них.

По инерции тело ещё поворачивалось, но вокруг быстро сгустилось затмение, на мгновение прерванное оранжевой вспышкой, превратившей темноту в зябкую черноту. Он уже не почувствовал, как грудь пронизала вторая пуля - вслед за зрением потухло и сознание. А вокруг запоздало и бесполезно кричала, стонала бессильная толпа

- Будет стрелять, будет стрелять! - Принц Ольденбургский могуче схватил тонкую руку с револьвером и поднял её кверху, одновременно пытаясь свалить стрелявшего. Прозвучали ещё четыре выстрела, но пули ушли в стену, не причинив никому зла. Один из адъютантов выхватил шашку и с сильного замаха рубанул по голове с вьющимися рыжеватыми волосами. От страшного удара череп рассёкся надвое и освобождённая кровь брызнула во все стороны. У жизни и смерти общее только одно - обе наступают после рождения.

Высочайшее утверждение

Почти весь август 1902 года в северной Пальмире моросил мелкий надоедливый дождичек, будто в вышине, миллионы птиц пописали. Аудиенция высочайшая назначенная на восемь утра, затягивалась. Лауниц уже по третьему кругу обходил начинавшие краснеть рябины, тополя, клёны Нижнего и Верхнего садов. Подолгу останавливался на лестницах Большого каскада,

любуюсь золотыми фонтанами. Охрана не столько в целях безопасности, сколько от безделья, уже раз пять останавливала его, вежливо приветствуя, но настырно проверяя документы и пригласительный ярлык.

От нечего делать, он стал думать об императоре. Дожил до возраста Христова - 33-х лет. Любимая одежда - повседневный мундир командира гвардейского полка. Обожает войсковые смотры, но далёк от полководческих талантов и устремлений. Дворцы меняет почти ежедневно. Сколько он его видел - всегда производил впечатление скромного, даже застенчивого человека. Говорили о нём разное, подчас совершенно противоречивое: любезен и резок до крайности, подозрителен и готов довериться первому встречному проходимцу. Истая религиозность, тщание в исполнении церковных обрядов и мистицизм, вера в колдовство и шаманство, светская обходительность и площадная ругань.

Лауниц - кадровый русский офицер, давший присягу и много лет служивший под двухглавым российским орлом - символом самодержавия, с волнением и сердцебиением ожидал увидеть императора.

Николай встал с болью в левой ноге, а потому находился не в духе. Вчера он подписал бумагу по отправке последнего транша в Иран по обязательствам займа. Принималось оно два года назад, и никто не мог предположить, что Россия за это время упадёт в тяжелейший промышленный кризис, и эти деньги окажутся крайне нужными. Как там пословица у мужиков? «Отдай жену дяде, а сам иди к б....» «Вошёл без предупреждения единственный человек, наделённый таким правом, министр двора Владимир Борисович Фридерикс. Приблизился и замер в выжидательной позе.

- Что у нас на сегодня?

- Закон об изменении судебных учреждений. Докладывает министр юстиции. Утверждение гражданских губернаторов.

- Давайте губернаторов.

Фридерикс положил перед монархом два проекта.

Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА РОССИЙСКОГО из Правительствующего сената Тамбовскому губернскому правлению. По именному его императорского величества Указу, данным Правительствующему Сенату в Петергофе, августа 28 дня, за собственным его ВЕЛИЧЕСТВА подписанием, в котором изображено: Архангельскому вице-губернатору статскому советнику Фон-дер Лауницу ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ПОВЕЛЕВАЕМ быть исправляющим должность Тамбовского губернатора.

Во втором: Тамбовскому губернатору, Камергеру Действительному Статскому Советнику Ржевскому и Помощнику Начальника Главного Управления Уделов Камергеру, Действительному Статскому Советнику графу Мусину - Пушкину всемилостивейше повелевалось быть губернаторами: первому Симбирским, второму Минским. Обоим оставлялось придворное звание камергеров.

Когда прибежал запыхавшийся порученец поручик Салтыков, Лауниц грелся на выглянувшем солнышке.

- Владимир Фёдорович, ну что же вы, ей - Богу! Требуют высочайше и скорейше!

Повернулся и бегом бросился в Большой дворец. Лауниц сначала пошёл быстрой походкой, но не выдержал напряжения и тоже затрусил, чуть подволакивая левую, когда - то раненую в Румынии ногу.

В дверях соткнулся с Ржевским и графом Мусиным - Пушкиным. Бывший тамбовский губернатор поймал в объятия нового:

- Стоп, стоп, стоп! Дайте-ка я вас поздравлю. А то так и не пришлось за недосугом дела сдавать. Вице-губернаторами обошлись. Желаю успехов и здоровья. Губерния, прямо скажем, - Ржевский призвал глазами в свидетели графа, - обширнейшая и в управлении неповоротливая, как телега несмазанная. Народ тяжёлый, своенравный и своевольный. Мужик тамбовский работающий, но упрямый. А бабе хоть кол на голове теши, всё равно по-своему сделает!

Салтыков вынужден был прервать,

- Простите, ваше превосходительство, ждут-с высочайше! Некогда-с.

Ржевский крикнул во след:

- Увидимся сегодня на обеде у Плеве!

Войдя в громадное помещение, к которому как-то не применялось название «рабочий кабинет» Лауниц приблизился к царю, стоящему за высоким резным бюро вишнёвого дерева, вытянулся и представился, чувствуя, как закипает от волнения кровь в жилах...

Что бы ни говорили о Николае - он император, лицо, обладающее величайшей властью на всей земле! Магическая энергетика шла от этого человека, на вид, обычного, более похожего на гимназического учителя, нежели неограниченного правителя самого большого государства мира! «Велик царь земли русской!» - Прошептал он молитвой.

От необычайности переживаемого перехватило в горле, озябли руки, ноги. Император оторвался от чтения, в знак приветствия наклонил голову и задал вопрос совершенно неожиданный:

- Как вы, Владимир Фёдорович, думаете, за какие качества вас на два трёхлетия избирали предводителем дворянским Харьковского уезда - одного из самых немалых?

От внезапности царской логики Лауниц смешался и не нашёлся с ответом. Он лишь пожал плечами... Николай усмехнулся:

- А вот князь Святополк - Мирский считает, что за выдающиеся умственные способности...

Лауниц понемногу приходил в себя и стал понимать - император подробно изучил его формулярный список. Вопросы сыпались один за другим.

- Чем вы обосновываете участие земства в экономическом подъёме жизни крестьянства? В чём вы видите нынче, через тридцать лет, вред Берлинского конгресса?

Он совершенно не помнил, что и как отвечал, но чувствовал - в склад и в лад. Когда же монарх спросил про преимущества десятипольной системы, то, сев на любимый конёк, понёсся вскачь без остановки. Наконец, по тону императора, Лауниц понял, что это напутствие....

- Ваше назначение, Владимир Фёдорович, неслучайно. Вы выдвинулись в среду держателей власти только с помощью собственных качеств - воли, ума, благородства. Признаюсь, меня привлекли ваши глубокие мысли о губернском устройстве, и я во многом с вами согласен. Ваша русская душа и неутомимая энергия нам импонируют. Вы приятное исключение среди бездарностей вцепившихся во власть. Напротив - я бы сказал, хе-хе, власть должна держаться за таких, как вы! Она в вас нуждается больше, чем вы в ней! Помните, как только станет наоборот, вы прекратите быть начальником и превратитесь в чиновника. Чему вы изумились? Ничего нового я не сказал, лишь констатировал существующий факт. Взгляд царя упал на грудь Лауница:

- Я вижу на вашем мундире боевые награды. За что же и где заслужены, господин статский советник? Бывали ли в походах противу неприятеля, в каких сражениях довелось соучаствовать?

Перечисление давно ушедших событий успокоило Лауница,

- Против турок, Ваше величество. 23 августа 1877 года перешёл с полком румынскую границу у местечка Скуляны, а потом и Дунай. Участвовал в сражении под Горным Дубняком под началом генерал-адъютанта Гурко и взятии в плен всего неприятельского отряда при штурме Телишской укрепленной позиции. В стычках и боях при Петровени, Врецы. Под неприятельским огнём при разработке дороги через Балканы в Гурьяновском ущелье. При авангардных боях под Филиппополем. В трёхдневном бою в войсках Западного отряда при окончательном поражении и рассеянии всей армии Сулеймана Паши и взятии в плен почти всей его армии... Ранен тяжело и контужен не был - Бог поберёт, Ваше величество. Что же касается наград, то имею следующие знаки отличия: Святой Анны 3 и 4 степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 2 и 3 степени с мечами и бантом. Святого Владимира 3 и 4 степени, светлобронзовую медаль в память Турецкой войны, Румынский железный Крест в память перехода через Дунай, Особый Знак за службу по гражданскому управлению в Болгарии, серебряную медаль в память в бозе почившего императора Александра .

Лауниц прервал себя, поняв, что разговорился черезчур, затомив самодержца многословием. И оказался прав - Николай собрался закончить аудиенцию:

- Тяжёлое бремя взвалил я на вас, Владимир Фёдорович! Но кому нынче на Руси легко? Да поможет вам господь наш всемилостивый. При крайней нужде обращайтесь прямо ко мне вне церемоний, царь покосился на Фредерикса, беспокоящегося за срывающийся график работы императора, - за дверью уже ждал управляющий министерством внутренних дел Плеве.

Солнечный мальчик

От Петергофа до Невского, где в пыльной гостинице «Бристоль» поселили за казённый счёт Лауница, путь недалёкий, но достаточный для размышлений и свободной игры ума.

В последнее время, особенно в дороге, Владимир Фёдорович всё чаще стал оглядываться, всматриваться в жизнь свою прошлую, прожитую. То ли потому, что лета скатывались к полувеку, то ли родственников всё чаще провожать стал на погосты. Рождения своего он, как и все, не помнил, но многочисленные тётушки и дядюшки столько раз повторяли свои рассказы, что уверился, будто видел себя как бы со стороны...

На свет появился неожиданно - матушка по молодости заблудилась в расчётах и обманула сама себя дней на десять. С приступами в доме суетня поднялась, беготня, суматоха, охи да ахи. Послали за повитухой, да поздно - рано утром 10 августа приняли его на свет Божий две тётки, юные красавицы, чем потом очень гордились.

Эх, Каргашино! Светлые добрые тёплые места и люди такие же - любящие и милые... Имение родовое, деду Николаю Ивановичу Карачинскому принадлежащее. Повеял из тех лет нежный ветерок детства с привкусом пирогов, малинового варенья, кисловатого дыма, осенних костров в парке, поцелуев любящих, благополучных людей и сплошного праздника, если только у праздника есть запах. И первая смерть близкого человека - любимого деда, бравшего его на колени, качавшего, говорившего матери:

- Много радости увидишь ты через него! Хороший он будет человек, славная у него головка, солнечный мальчишка.

Тогда у гроба, в восемь лет начал он осознавать пре-

дела жизни человеческой, неизбежную её окончательность. Повзрослевшие, обретшие прекрасную законченность линий тел и лиц, тётки подвели его к могиле и зашептали:

- Запомни, Володя, когда человек рождается, происходит торжество духа над плотью, а когда умирает - плоть побеждает дух...

Тогда он мало что понял, но слова и неприличествующие моменту, счастливые, после недавнего удачного замужества, глаза тёток, запомнил.

Каргашино... милое Каргашино. Дворовые и крепостные дети. Он играл с ними охотнее, чем с дворянскими. Крестьяне в глаза "мужичим барчуком" звали. Вспомнился маленький Архип, которого учил чтению, а тот его нехитрым премудростям рыбной ловли. Как сидели по целым дням под одним тулупом, а вечерами тщательно его вычёсывали, избавляя от последствий общения с пастушонком. Выплыл из тьмы образ старого заслуженного генерала Лишина, друга семьи.

- Вовка! Подай-ка лоб! - с напускной строгостью приказывал ветеран, усмехаясь в необъятные седые подушники. Подходил осторожно, опасаясь наказания, но старик целовал в подставленный лоб, журил добро:

- Сорванец ты этакий, атаман, разбойник, ступай, не шали больше, уши надеру.

И, качая головой, посылал вслед:

- Молодец, мальчишка!

Как долго тянется детство и как коротко воспоминание о нём! Вот он стоит, разом подросший, повзрослевший, в центре площади Пажеского корпуса рядом с такими же, как он, отпрысками лучших российских фамилий. Началось неумолимое запойное чтение - История Эллады, герои Рима, Купер, Майн Рид, Жюль Верн, Толстой, Гоголь, Некрасов, Достоевский... русские былины, исторические

романы Костомарова, Ключевского, Карамзина.

Последнее построение, выпускной класс - 10 августа 1867 года. Производство в офицеры совершал сам император. Монументальная фигура царя, заслонила весь мир.

Сколько ни гадал потом Владимир, а объяснения не находил - почему изо всего строя именно возле него? Что заставило обратить монаршее внимание на вытянувшегося-тянувшегося вверх, вслед за государем, кадета? Навсегда впечатались в память безукоризненной лепки линии носа, рта, подбородка, ярко-голубые глаза, загорелая кожа, слепяще сверкающие на солнце сапоги. Коротко стриженные волосы, обрамляющие высокий лоб. Привычное, величественно-спокойное выражение вдруг сломалось, сменившись мягкой, милостивой улыбкой.

Тогда императору оставалось жить до бомбы террориста, разнёсшей его венценосное тело на куски, четырнадцать лет. Кто бы мог знать...

Лауниц очнулся от воспоминаний поднял голову и обомлел с холодным потом - с высоты, сквозь низко летящие тучи, на него падал царь Александр, прищурившись усмехающимися чугунными глазами... Надо же - невесомые воспоминания с многопудовым памятником встретились...

Но жизнь прошлым не насытишь, прошлое, значит, умершее, отжившее, а жизнь настоящим питается и будущим живо. А дальше? Дальше был корнет 15-го драгунского Александрийского Его Величества полка, поручик Гродненского гусарского... Как быстро улетели годы под копыта коней! Сколько их сменить пришлось? Пять или шесть? А потом был театр военных действий, где умирают всерьёз и навечно, а не понарошку и на время...

- Прибыли, ваше превосходительство, - крикнул кучер в широком красном кушаке, хотя Фон дер Лауниц имел

чин военный полковника, а по гражданскому ведомству статского советника. Тут впервые и почувствовалось: в генеральской должности состою...

Случайная встреча - знамение Божие

Свершившееся назначение вопреки ожиданию не возбудило, а успокоило. После монаршего приёма и благословения вселилась в него давно забытая озорная молодецкая сила, кою он молил Господа сохранить на всё своё губернаторство. Всё! Сбылось! Содеялось! Достигнуто! Правитель губернии - лицо в истории остающееся в силу только должности одной. Подлежащее занесению в скрижали истории, архивы бумажные и память людскую.

Но тут же устыдился мелкостному своему тщеславию. Забот предстоит больше, чем почёта. Вспомнил грустную улыбку монарха:

- Тяжёлое бремя взвалил я на вас...

Лауниц физически ощутил тяжесть, будто и впрямь навалились на него миллионы людей, коими теперь предстояло ему управлять, заботиться о них, оберегать жизни и имущество. Под железными коваными сводами Московского вокзала гулко, протяжно и тоскливо прозвонил отправительный колокол.

В отдельном двухместном купе управляющего министерством внутренних дел первого вагона курьерского «Санкт-Петербург - Тамбов» рябило в глазах от начищенной меди и бронзы. Напротив друг друга, на диванах, обитых вишнёвым бархатом, сидели двое, каждый в своём роде и деле выдающийся человек. Вновь назначенный управляющим делами Тамбовского гражданского губернатора Фон-дер-Лауниц и отправленный в ссылку-

командировку с понижением в губернское полицейское управление, полковник корпуса жандармов Протасов Владимир Александрович.

День у обоих выдался суматошный, необычайно насыщенный встречами и расставаниями, показавшийся бесконечным. Он настолько утомил, что глядя каждый на себя в зеркала на стенах, они не могли от него отрешиться и мысленно находились ещё там, в только что минувших событиях.

Друг о друге знали понаслышке, как-никак, в одном министерстве службу справляют, но встретились впервые. Пересекшись взглядами, представились и устало замолчали, думая каждый о своём.

Скоро оба почувствовали, что утомление сменяется томительным, становящимся неприличным безмолвием, но ни Лауниц ни Протасов первым не решались нарушить его. По чину оба полковники, но по должности губернатор, конечно, выше и значимее советника губернского полицейского управления. Оба, видимо, мысленно согласились с этим доводом, и Лауниц, кашлянув, начал.

- Не жалко столицу оставлять, Владимир Александрович?

- Да было бы о чём жалеть. О несостоявшемся генеральстве? Ха-ха! Смотрите, сколько у нас общего - я уезжаю от генеральской должности, а вы едете заступать на неё. У меня генеральство позади, у вас впереди, и, скорее всего, в отличие от меня, вы его получите. Или действительного или генерал-майора. В нынешнюю военную годину всё больше воинские звания нороят присвоить. Как вы думаете, Владимир Фёдорович, с чего бы это? Весомость должности придать большую? Или тому, кто её занимает?

-А какая разница? Думаю, нам с вами, Владимир

Александрович, всё же надобно пребывать в хорошем расположении - в родные края едем, дорогой мой одноземец. Что бы ни говорили, а прав гений: «И дым отечества нам сладок и приятен!»

- Кому приятен, а кому и глаза ест. Вы на белом коне, победителем, первым лицом губернии, а я со сломанной карьерой, третьеразрядной полицейской крысой...

- Э-э э э, дорогой мой, не зарекайтесь, не вам говорить - в жизненном море свои волны то вознесут, то опустят, кажется, уж и на дне... потом, глядишь, вынырнул... взлетел... воспарил.

- Не подумайте, что я неврастеник занудливый, просто несправедливость всегда очень больно кусает, и рана потом долго гниёт и ноет. Давайте лучше о пенатах наших коренных... Говорят, в этом году уродились озимые хлеба... А если тамбовские окорока вспомнить? Обе столицы только их и предпочитают - надрежешь, а он розовый, как солнышко рассветное, и капельки росы выступают... Эх, пальчики оближешь, а ежели под рюмичу можжевеловой, то язык отъешь!

- Да, в губернии, по последним данным, почти треть миллиона свиней. А последние года птицеводство на вид вылезло. Выгодно оно даже крестьянину, хоть и небольшой, но постоянный доход - курица, утка, гусь - категории экономические, если брать затраты на содержание. А во владельческих имениях оно стало отраслью значительной, выгода есть использовать многие отбросы при очистке зерновых продуктов. В Борисоглебске и Козлове купцы из Германии и Финляндии обосновались. Закупают яйца на экспорт за границу в громадных количествах, говорят, в Париже яишницу требуют в ресторанах только из тамбовских яиц, такого жёлтого желтка и такого белого белка кроме Тамбова больше нигде не сыщется...

- Охо-хо! Винопитие общелюдное, Владимир Фёдорович, даёт развитие обширнейшему в нашей губернии делу. Виноугодие и пьянство самый прибыльный порок человеческий. Сорок заводов денно и ночью курятся по всему краю необъятному. Спирту за прошлый год произведено по расчёту на 40 градусов больше трёх миллионов ведер, что более чем в позапрошлом на 8%! Даже ежели некоторые крупные заводчики захотят сбыть его в казну, то и то сверхприбыль будут иметь несусветную.

Вон светлейший князь Волконский три винных завода имеет да такого качества выкурки, что всё подряд гонит за границу через Либавскую таможду.

-Люди, милейший Владимир Александрович, ныне и присно пить будут. Человечество без этой отравы жить не может, тысячелетиями доказано. Бахус и Вакх - божества не слабее Адониса с Гермесом. Но справедливости ради, как кавалерист и кавалергард, хочу убедить вас, в краях наших едва ли не лучшее коневодство в России и по сей день культивируется...

Раздался подобострастный стук в дверь. Лауниц крикнул:

-Войдите!

Возник усатый, в накрахмаленном до снежного хруста сюртуке вагонный проводник:

-Ужин подавать прикажете или погодить-с?

-Этак через полчасика, как смотрите, господин полковник?

-Да, в самый раз.

-Так вот ещё Петр Великий в войска для ремонта лошадей закупать велел в Тамбовских местах. Лучшими считал по рысистойи и выносливости. А потом орловские рысаки появились. Конезавод графа Орлова всех за пояс заткнул. Говорят, до того лошадей любил, что говаривал не однажды:

-Если б мог, вон на эту вороную красавицу сам бы запрыгнул!

-А может, и смог бы. Они, братья Орловы, хомуты голыми руками рвали. Все пятеро по полтора центнера в голодном виде весили, а после трапезы и все два. Екатерина Великая в Крым тоже на тамбовской гужевой тяге путешествовала. Наместнику Державину Гавриилу Романычу персональную благодарность за выделение двух тыщ тяжеловозов объявляла. Так что коневодство в губернии на прочных ногах стоит. Крестьянство от него хорошие заработки имеет на извозе. Конных заводов более двусот насчитывается. Во владельческих преимущественно рысистые и упряжные выращиваются, а в госплеменных - для нужд армии. До сих пор, с лёгкой руки Петра, Семёновский и Преображенский полки на тамбовских коняшках службу правят! Фуражёры и ремонтёры полковые по полгода в Козлове и Лебедяни живут.

И вообще, повертье мне, старому лошадику, коннозаводство составляет одно из любимейших занятий населения местного, помещиков, купцов и поселян простых. Потому и в табуне общем губернском не менее миллиона голов насчитается. Что, не верите? Точно!

-Дело не в вере. По отчётам губернского правления в МВД на 1 января прошлого года числилось чуть больше шестисот тысяч.

Оба, внимательно глянув друг на друга, рассмеялись, поняв, что перед отъездом одни и те же документы листаны.

Протасов, продолжая улыбаться, полез в толстый, жёлтой кожи дорожный корф.

-А не разбавить ли нам наше суховатое мужское обшество дамским?

Извлеки бутылку коньяка «Мадам Клико», предложил:

-Не откажите в удовольствии!

Лауниц, глядя на бутылку, похожую на женскую фигуру, согласно кивнул.

-Перед ужином пользительно. О! У меня же есть дольки лимонные в сахаре. Так и написано на банке «Незаменимая закуска для коньяка!» В Петергофе мне шепнули - любимое лакомство великого князя Николая Николаевича.

Лауниц достал ядовито жёлтую жестяную банку.

- Ого - цветом, вприглядку закусывать можно!

Под уютный баюкающий стук колёс, голубоватый неяркий свет настольной лампы, мягкое тепло выдержанного в огромных дубовых бочках виноградного спирта ещё более сблизило попугчиков, и разговор постепенно но неизбежно перетёк в интимно-политическое русло.

- Слава Богу, дорогой Владимир Александрович, наша родная сторона настолько патриархальна и консервативна, что ни сном ни духом ни о каких революциях не мечтает. Тьфу, тьфу, тьфу, постучите по дереву!

- Думаю, вы слишком хорошего мнения о тамбовском народе и вернее всего добросовестно заблуждаетесь, исходя из недостаточной осведомлённости. За два дня в МВД всего не прочтёшь! Вот вам сжатая справка. Нырнём на минуту вглубь веков. Вам не хуже меня известно, как яро поддерживали пейзаю тамбовские бунты русские, жестокие и бессмысленные - Болотникова, Булавина, Стеньки Разина, Емельки Пугачёва. Ни разу не было, чтоб возмутителей с дреколем и рогатинами встречали. Всегда на их сторону вставали.

И последние тридцать лет кого только и сколько у нас не перебывало! В Тамбове и Липецке на сборищах своих «Земля и воля» к террору перешли. «Народная Воля» с «Чёрным переделом» корни пускали глубокие по сёлам и

деревням, эсеры, социал-демократы, кадеты, октябристы, социалисты и анархисты разномастных всяких - каждой твари по паре, а то и поболее. В конце концов, раскачали лодку с мордовско-татарским мужиком тронопослушным. Опоздали мы, потому что не успели. Они в народ пошли, а не мы. Мы за ними ходим-топаем, следим. Удивляюсь я, Владимир Фёдорович, слепорукости вышних гонобобелей наших. Согласитесь, какое амбре душистое от коньяка с лимонной корочкой? Так вот, дивлюсь я гусиной самоуверенности, близорукой глупости и, я бы сказал, дальнзоркому идиотизму Правительства нашего. Взять хотя бы ссылку и высылку неблагонадёжных элементов и революционеров из обеих столиц - величайшее ведь дурошманство! Вот вам последний ярчайший и показательнейший пример. Был Борисоглебск тихим патриархальным уездным городком, где страшнейшим возмутителем спокойствия и покушителем на власть числился прасол пьяный, за свояком-городовым гонявшийся с топором мясницким и криком на всю площадь Базарную «Порешу!»

- Так нет же! Прислали на жительство под гласный надзор полиции студента Алабышева, однокашника главного большевика Ленина. Кстати, вы знаете, что это его подпольная, агентурная кличка, псевдоним, а урождённый он Ульянов из нижегородских дворян, неплохих кровей и из приличной семьи, судя по надзорному делу. А вот, вишь ты, ударился во все тяжкие... И ведь талантливый человек, судя по статьям и публикациям. Да, вернёмся к нашим борисоглебским баранам. И что же? Естественно, заполучили партийную ячейку, называемую у них кружком. Честно вам скажу, изо всех этих партий разношерстных реседерепешников более опасуюсь. Они намного страшнее для державы, нежели те же эсеры. Эти индивидуальный

террор проповедуют, что абсолютно бессмысленно. Кроме пользы от, так сказать, скорых кадровых сменений, вреда никакого. Способствуют обновлению высшего чиновничества. Нет, народ за убийцами не пойдёт. Он у нас хоть и глуп, но не дурак. А те поумнее, придумали классовый террор всех дворян, промышленников и вообще состоятельных людей под корень и под чистую!

Эсеры за бордель и бедлам полуанархический, а социал-демократы за порядок строго централизованный и неукоснительный.

- Я, как вам известно, до нынешнего места, в Архангельске вицегубернатором служил. Так, к моему крайему удивлению, тамбовские крестьяне или, как вы изволили выразиться, пейзаже, чуть ли не целыми вагонами туда переселялись. Из серединной России на суровый север? Кстати, знаете, кто такие пейзаже? Мне вчера художник Арцибашев объяснил:

- Это, говорит, люди, изображённые на пейзажах, ха-ха-ха!

- Нет, пейзаже - это жители Пензенской губернии. А вы что, не знали - лет пять назад под триста тыщ тамбовских крестьян из губернии уехало. Лишние люди оказались. Почти десятая часть населения. Все дороги телегами, возами и тарантасами забиты были всё лето. Подались тогда обнищавшие семьи с надеждой за пазухой и с узлами в руках выбиваться из нужды в южные и восточные стороны отечества нашего - Дон, Кубань, Заволжье, Урал, Сибирь. Вам, как губернатору, небезынтересно узнать цифру - пятнадцать тысяч! Столько ежегодно покидают наши края, мигрируя в промышленные губернии - Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую. Аграрная наша родина, имея два процента всего населения, промышленных товаров производит всего один. Ненормальная диспропорция!

Проводник вагона принёс ужин. В серебряных глубоких и плоских, чтоб не перевернулись и не плескались, судках плавала в овощном рагу утка, переливалась радужная сёмга, круглили поджаренные бочки цинские стерлядки, выловленные в тихих омутах под Моршанском, - фирменное блюдо императорских Юго-Восточных железных дорог. Призывно пахли хрустящие заварные ржаные хлебцы.

Молодые, сильные мужчины со страстью набросились на еду. Прервавшийся было разговор продолжился после рюмицы смирновской.

- А меня, Владимир Александрович, больше волнует не внутренняя наша миграция, а внешняя. Вы, верно, и без меня заметили, что во всех цивилизованных странах усиливается недоверие и даже враждебность к иностранцам....

- Тут не мудрствовать надо лукаво, а обложить их налогами непомерными и особенно иностранных рабочих. Они нашим аборигенам туземным весьма вредную конкуренцию делают и понижение зарплаты.

К тому же среди них социалистов - пруд пруди. Они разносчики эпидемий революционных и эпизоотий крамольных о всеобщем равенстве, которого быть не может в принципе, как противоречащем природе всего живого. Близнецы и те характеры имеют разные - один добрый, другой злой. МВД вынуждено тратиться на заведение секретных шпионов на территориях соседних государств и возлагать на них неблагоприятную роль агентов-возмутителей.

- А не забыли ли вы, господин Протасов, об основополагающих принципах международного права? Свобода передвижения, суверенитет и общение народов. Цивилизованное государство, а Россия, я надеюсь, к таковым от-

носящаяся, не может позволить себе изгонять в массовом порядке иностранцев.

- Уголовников - да! Политических - нет! Кроме террористов я бы и от выдачи их избавил. Почему человек должен страдать за свои убеждения? Просто человечество не на самой высокой ступени развития находится. Уразумели же, наконец, что за религиозные культы никто не может быть осуждаем. А политические взгляды не то же ли самое, только в другой несколько ипостаси? И то и другое из области духовной жизни людской. Ещё древние римляне отказывались судить за образ мыслей.

- Эти самые иностранцы, в основном немцы, к нам сюда теорию Маркса своего о социализме и занесли. Он там прямо заявляет, что бытие определяет сознание, а не наоборот. А у нас, русских, всё шиворот-навыворот. Честь офицера, к примеру, у нас дороже самого бытия, то бишь жизни. У нас самое бесценное - само бытие на шестом месте после Родины, матери, чести, достоинства и защиты женщины. За любую из этих категорий русский, по крайней мере дворянин, не задумываясь, жизнь отдаст. Это что? Отсутствие инстинкта самосохранения или высочайшая степень развития человеческой природы? А может, идиотизм превосходной стадии?

- Да, в ваших рассуждениях есть зерно. Любой малаец или негр ради бабы и пальцем не пошевелит. Она для всего Земного шара создана для одного использования - чувственного наслаждения. Ну, естественно, как результат оно, для продолжения рода. И всё! Безо всяких мерхлюндий! Всяких там роз-мимоз.

- Не бытие, а битие определяет сознание испокон века в русской полиции, ранее именовшейся благочинием. Такое битие, что любой сознается даже и без сознания находясь, прошу пардон за игру слов невольную, в чём

хоть сознается - в убийстве Христа, покушении на честь Марии Магдалины при непорочном зачатии.

Смирновская начисто устранила должностные препоны в общении, и разговор перешёл в совсем уж откровенные сферы.

- Позвольте, Владимир Фёдорович, спросить, что чувствует и ощущает человек, в подвластии которого находятся два с лишним миллиона человек?

-Ощущаю я, дорогой полковник, искреннее желание если не сделать их жизнь счастливой, то хотя бы облегчить её поелику возможно. И ещё страх. Да, да, самый пошлый подлый страх! Боюсь не справиться с должностью тяжелейшей. Страшусь согнуться и упасть под гнѐтом её неимоверным. Ну ладно, теперь вы сознайтесь, о чём мечтает полковник МВД?

- О чём? Хотите верьте, хотите нет, с детства жажду увидеть, как зреют на склонах гор кофейные зѐрна.

- А вы знаете! Я бы тоже не против - сорвал и сразу кофе заваривай...

Невинность, непосредственность, очевидная детскость «кофейного» желания заставила обоих рассмеяться, а потом замолчать. Поезд мчался, тщетно силясь в тёплой августовской ночи догнать будущее, а два полковника унесли мыслями в прошлое. Что случится, не знает никто, кроме пророков и гениев. Потому мы чаще копаемся в прошлом, перелопачивая его по своему усмотрению, изменяя мысленно, поправляя и исправляя. Люди много чего знают про себя: когда оканчивается молодость и наступает зрелость, а за ней неизбежно подкрадѣтся старость, когда выйдет срок получать очередной чин, повышение в жаловании, когда наберѣтся достаточно выслуги и предложат уйти в отставку. Одного не знает никто - когда придѣтся умереть. Как странно и трагически

непостижимо устроено природой: знаешь, что умрешь, но не знаешь когда! Лауниц подумал, что дата своей смерти точно известна только самоубийцам. А всем остальным смертный приговор вынесен пожизненно! Что же останется после него? Представилась картина собственных похорон. Сколько же атласных подушечек с наградами понесут за его гробом? Вспомнился август 1873 года, когда он, юный кавалерист, на гнедом ласковом «Караване» сдал экзамены на ипподроме военном и принимал ещё дрожащими от напряжения и волнения руками от командира погоны корнета гусарского Александрийского, его императорского высочества великого князя Николая Николаевича Старшего полка. Радостное ощущение получения звания поручика, потом ротмистр, полуполковник, полковник... Теперь вот генерал-майор ожидается. Содержание губернаторское не очень широкое по нынешним временам - 5080 рублей с кормлением и госпиталем... Шиковать не придётся, но на приличную семейную жизнь хватит.

Сопутчики

Протасов по ввевшейся в кровь сыщицкой привычке перед отъездом заглянул в послужной формуляр Лауница и прочёл там: «Высочайшим приказом уволен со службы по домашним обстоятельствам. Осел в родовом имении Каргашино, где занялся с большими успехами полеводством. С 24 января по 1 марта 1897 года исправлял должность Харьковского Губернского Предводителя дворянства. 29 января 1901 года назначен Архангельским Вице-губернатором с переименованием в надворные советники. 16 августа 1902 года произведен в статские. Женат по первому браку на девице Княжне Марии Александровне Трубецкой. Имеет сына Владимира 1884

года рождения, дочь Марию 1885 года, сына Александра 1890 года, дочь Эмилию 1893 года, дочь Софию 1895 года, сына Феодора 1899 года. Вся семья - православные. Из потомственных дворян. Имеет два родовых имения - одно в Елатомском уезде Тамбовской губернии в 2000 десятин, другое в Харьковском уезде в 3500 десятин».

Протасов, кроме всех прочих, имел неприятную привычку после нескольких рюмок задавать собеседнику каверзные и ядовитые вопросы. Не удержался и сейчас:

- А скажите, дорогой Владимир Федрович, почему это высочайше вы назначены врио губернатора, а не сразу же исполняющим обязанности? Недоверие, испытательный срок или придворные игры подковёрные?

- Ни то, ни другое, ни третье. Плеве убедил государя всех министров и губернаторов вначале через врио пропустить, дабы за дело сразу рьяно брались - и.о. заслуживать. Вам налить? По напёрстку? Согласен! Если, Владимир Алексаныч, подумать неспешно, то все мы временно исполняющие обязанности. Каждый человек врио! Вон, посмотрите. - Лауниц кивнул за окно, где по перрону станции «Бологое» сновал народ. - Кишат, мельтешат, злятся, радуются, а того забывают, что вся наша жизнь врио и ложь и сколько ни ври - конец один!

Почти весь следующий день оба сокупейника проспали, качиваемые мягкими рессорами, коваными из лучшей в мире златоустовской стали, и убаюкиваемые басовитыми паровозными гудками. Тамбовский вокзал встретил мелким вечерним дождиком, ослепительным электрическим светом. За губернатором прислали золочёную карету, запряжённую великолепным цугом, а за Протасовым чёрную, покрытую облупившимся лаком полицейскую пролётку с двумя воронами.

Кроме кучера-городового, питерского полковника никто не встречал - невелика птица.

Протасов озлился, сам не зная почему.

- Куда прикажете, вашество?

- В гостиницу, да поприличнее.

- Ладно.

- Ладна у попа в кадиле, а мы с тобой туда не ходили! Гони и помалкивай.

Новый век в Тамбове

Ранним дорассветным утром в губернаторском Дворце ёжились от холода и дрожали от неизвестности собственной судьбы, неуверенности и необычности происходящего, управляющий губернской канцелярией надворный советник Александр Александрович Зейдель и не имеющий ещё чина младший секретарь Василий Павлович Фруентов. Они никак не могли выбрать внешнее положение: то ли вытянуться во «фрунт», то ли согнуться в почтительном поклоне. В связи с внешним, не определялось и внутреннее состояние - изобразить ли некое подобие собственного достоинства или расстелиться до полного лизоблюдства и чиновничества. Всё происходило от совершенного незнания нового губернатора, поднявшего их с постели ни свет, ни заря. Зейдель на всякий случай захватил роскошную, вишневого бархата папку «На доклад», с которой ходил к прежнему начальству, а Фруентов держал наготове большой блокнот и химический несмываемый карандаш «Фрид». Лауниц, сидевший за обширнейшим, никак не меньшим двух бильярдных, столом, приказал:

- Пишите!

Зейдель ткнул рукой подчиненному в блокнот. Фруентов от страха перелистнул чистый лист и вонзил острое карандаша в бумагу.

- Вступил сего числа в управление вверенною мне

высочайше губернию. О чём и уведомляю губернское правление для надлежащих распоряжений.

И не зло усмехнувшись, обратился к Зейделю:

- Сан Саныч, потрудитесь разослать во все города и уезды по принадлежности.

Начальник канцелярии, вмиг ошастливленный жданной фамильярностью «Сан Саныч!», первым признаком оставления в должности, увлёк к выходу подчинённого.

Тамбовчане ещё не привыкли к выпавшей им радости жить в двух веках - девятнадцатом и двадцатом. Лето девятьсот второго года выдалось жарким, засушливым и необычайно длинным. Время будто остановилось. Время, но не жизнь. Громадная губерния жила неостановимой чередой событий. Прибытие нового губернатора обсуждалось повсюду. Каждый чиновник выше восьмого класса питал надежды на положительные изменения в службе: чем чёрт не шутит - новая метла по-новому метёт, кого-то выметит, может, потрафит и пофартит занять его место.

Первой жертвой пал вице-губернатор Чоголаков.

МВД

Первое отделение

Первый стол вх-12

Исполняющему должность

Тамбовского губернатора

Фон-дер-Лауницу

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 15 сего октября за № 87 Тамбовский вице-губернатор ДСС Чоголаков уволен от службы, согласно прошению, по болезни, с мундиром, занимаемой им должности присвоенным.

Старший инспектор для надзора за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и за книжной торговлей в Москве Статский советник князь Урусов, назначен Тамбовским вице-губернатором.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше пресвосходительство.

За Министра Вн.Дел. Товарищ министра, сенатор Дурново.

Начальник четвёртого стола губернской канцелярии надворный советник Фурсов, а коротко и привычно - казначей, согнулся в полупоклоне перед Владимиром Фёдоровичем:

- Как изволите выдать выходное пособие действительному статскому советнику Чоголакову - в полном или усечённом виде?

-В полном это какво?

-Ну, в суммарном выражении: 4500 рублей - 1500 жалованье, 1500 - столовые, канцелярские расходы - 1000 рублей и 500 разъездных.

- Выдайте всё сполна, да сделайте так, чтоб ко мне он не заходил больше. Попрощались уже.

Новый губернатор расстался со старым вице из-за неисправимой его нерадивости и неистребимой склонности к поборам. Сено лошадям и то привозили ему ворованное. Лауниц вызвал бедоносного мздоимца и предложил: почётная отставка или позорное следствие.

- Выбирайте, господин действительный статский советник.

Чоголаков выбрал, третье - позорную отставку.

Новый вицегубернатор князь Урусов был молод - всего сорок один год. Кончил московский госуниверситет по историко-филологическому факультету со степенью кандидата и являл собою полное внешнее удовольствие - высок, породист, красив мужской мужественной красотой, столь нравящейся дамам, а также и внутреннее довольство-удачлив, образован, богат. До кратковременной службы в Москве, князь пребывал в Калужской губернии, где приобрёл завидный авторитет и уважение. За образцовое прослужение трёх трёхлетий в должности уездного

предводителя имел Святого Владимира четвёртой степени. Удостаивался места почётного председателя мировых судей. Непременный член губернского комитета Госбанка и Председатель Губернской земской управы. Уже на перроне тамбовского вокзала бравый усатый телеграфист Гомов, запыхавшись, вручил ему с удовольствием посланную вдогонку телеграмму:

«Ваше сиятельство, Князь Сергей Дмитриевич! Имею честь уведомить Вас, что очередным 28-м Перемышленским уездным Земским Собранием Вы единогласно вновь избраны почётным мировым судьёй на предстоящее пятилетие 1902-1907 годов. Прошу принять уверения в полнейшем почтении преданности, всегда готовый к услугам, Предводитель дворянства Собакин.»

Урусов владел родовым имением в Калужской губернии и уезде в 350 десятин и благоприобретённые исправной службой в Ярославской губернии и уезде в 350 десятин и в Мценском в 251 десятину. Образцовейший семьянин имел красавицу-жену роскошного славянского обличья Софью Владимировну, детей: сына Дмитрия 15 лет и прелестных белокурых дочек, Веру 10 и Софию 7 лет.

Поладили они сразу и бесповоротно.

- Заместителей многовато, помощников не хватает! Так что достаточно будет, князь, ежели вы станете не только по должности, но и в на самом деле, товарищем губернатора и в делах и в мыслях!

- Согласен, Владимир Фёдорович, с вами совершенно. Замещать не привык - привык работать!

Губернатор Фон-дер-Лауниц и бывший полковник корпуса жандармов, нынешний даже не заместитель, а помощник начальника губернского управления полиции Протасов, каждый по-своему знакомились с губернией. Оба они были уроженцами местных краёв, но большую

часть жизни прожили - один в Петербурге, другой в Москве, и тут друзей и обширных знакомств не осталось. Не встречались они уже несколько месяцев, но нет-нет, а вспоминали друг о друге с приятным чувством симпатии и дружелюбия. Как ни странно, но совершенно разные цели заставляли обоих вечерами появляться в одних и тех же местах, не пересекаясь по чистой случайности.

Губернаторша по причине многочисленности детских забот жила в Москве, поэтому Лауницу спешить в неуточные, неслужебные часы было некуда. Под покровом вечерней темноты он надевал неприметный серый костюм, брал в руки трость, чёрную шляпу и выходил на Дворянскую улицу, любимое место променада горожан.

За два месяца мало кто узнал его в лицо, поэтому в праздной толпе никто и не подозревал, что вот этот высокий, чуть начинающий полнеть и седеющий, импозантный мужчина в безукоризненно сшитом костюме, и есть новый начальник губернский. Он сворачивал с Дворянской на Базарную, где сразу же попадал под острые язычки дежурных проституток-зазывалок, стоявших возле своих заведений, двери которых были выкрашены в обязательный зелёный цвет, а номер дома освещался неизменным красным фонарём, как бы предупреждая о запрете для гимназистов и дам.

- Эй, барин, хошь прокачу? Вместе в рай уедем! Ну проходи. У нас и другие каталки есть, если мною гребуешь! Сладенького не желаешь?

Вспоминался недавний доклад полицмейстера, статского советника Константина Юльевича Старчинкевича.

- У нас, глубокоуважаемый Владимир Фёдорович, в губернской столице скопилось чрезмерное количество, непотребно выражаясь, продажных жриц любви.

-Кого, кого?

- Жриц любви, то есть легкомысленно нравственных женщин, жратву на любви с мужчинами зарабатывающих. Одним словом, продажных подстёг и платных проституток. По последней переписи, 348 персонш в поте лица и тела трудятся на развратной ниве. 28 девиц нетяжёлого поведения подверглось особым венерическим заболеваниям. У нас шлюх на три процента больше, чем в Воронеже, и на два с полтиной, нежели в Курске.

- Нашёл чем хвастать! Самая б...кая губерния на весь Московский округ. Позорища! А ты, господин полицмейстер, вроде даже и гордишься столь гнусным явлением? Kloака, а не город!

В вечерних сумерках зажглись разноцветные газовые фонари над «Славянской» гостиницей. На первом этаже помещался лучший в городе ресторан, недорогой, но чистый и сытный. По вечерам тут пела душеспитательные романсы местная вокальная знаменитость Клеопатра - пышная, увядающая, крашенная брюнетка, крестьянская дочь Агрипка из Беломестной Двойни. Три источника её материального благополучия: деньги содержанта купца Носова, гонорар за романсы и плата за услуги управлению полиции в качестве агентессы-осведомительницы, сливаясь вместе, создавали вполне достаточный ручеек для безбедной жизни, давая возможность отовариваться в лучших тамбовских магазинах на Гимназической.

В «Славянской» после первого же посещения Лауницем ресторации все знали о том, что сюда захаживает губернатор. Половые по долгу службы охраняли его покой, все они состояли на связи у околоточного надзирателя. Метрдотель Жора о высоких визитах докладывал своему негласному начальнику жандармскому ротмистру Полторацкому.

Только Лауниц не знал, что за ним по пятам кра-

дуются два опытных «наружника» Селёдкин и Трощилин, коим генералом Малининым, начальником губернского жандармского управления, поручена охрана губернатора, единственного по рангу и чину охраняемого должностного лица.

Лауниц, как и большинство выскопоставленных чиновников российской империи, вместе с мундиром натягивал на себя личину строгости и недоступности. Этому обязательному театру следовало уже не одно поколение, и он жил, развивался и совершенствовался. Так было проще и удобнее отмахиваться от бед и горестей людских, с которыми губернатор по должности своей сталкивался с утра и до вечера. Всё равно большинству из них он ничем помочь не мог. Чем, к примеру, можно помочь столоначальнику Губернской Думы Спиридонову в его личной беде и трагедии - юная его дочь Мария заболела самой опасной болезнью: стала революционеркой, вступив в новейшую политическую партию социалистов-революционеров, проповедующую индивидуальный террор.

Отец в страшном горе запил, а мать, почтенная дама из старого дворянского рода, по два раза на день падала в обмороки от сознания того, что дочь бомбисткой решила стать.

Неузнаваемый только самим собой, губернатор заказал рюмицу мадеры мадьярского розлива и расстегайчик со стерлядкой. Сегодня его одиночество прервалось неожиданно и неприятно, недосмотр половых и охраны дорого обойдётся им завтра - схлопочут штраф по мордасам!

- Позвольте, сударь, присесть за ваш столик?
- полувопросительно проговорил потрёпанного вида господин неопределённого возраста, усаживаясь напротив Лауница. Некоторое время он рассматривал его, а потом изрёк:

- Ненавижу людей самоблагополучных и довольных собою, они похожи на индюков, бессмысленно раздутых от внутреннего себялюбия и самомнения чрезмерного! Имеете против сего рассуждения что-нибудь?

Лауниц, не обращая внимания на выпад, спросил:

- С кем имею честь?

- Вы, может, и имеете, а я уже нет! И малой толики! Всё прахом пошло! Прожито, пропито. Кончилась жизнь никчёмная и бессмысленная. Простите, не представился - губернский секретарь Мосолов Иван Григорьевич, потомственный и столбовой. Да-да, из тех самых Мосоловых, из коих генералы и тайные с явными советниками вышли десятками, гордость империи Российской составив. А я позор фамилии нашей. Клеймо и поношение! Единственный за все веки и времена в роду пьяница горчайший! Слаб духом, а значит, и телом оказался! И-еэ-эх! Не угостите ли, достопочтенный, спившегося чиновника стаканцом перцовой? Согревает и в себя приводит несравненно с другими напитками горячительными. Я всё жду, когда же у меня от этих самых горячительных напитков горячка начнётся! Давно уж пора, по тому судя, как потребляются они мною непрерывно и продолжительно!

А вчера моя дражайшая Феофилакта Горинишна помахала мне ручкой и отказала долго жить, оставив наедине с горем неисправимым и тремя детьми-гимназистами. Болела сердешная и переживала, придёшь, а она одно и то же:

- Тебе, Ваня, и похоронить-то меня не на что будет. Ты, наказывала сердешная, не лезь уж в третий разряд-то, проводи меня, как простую монашку. А как это я могу допустить, ежели она была у меня губернской секретаршей, как-никак не последний чин по табелю о рангах имела!

Лауниц заказал Мосолову штоф водки, дал

полтинник и откланялся.

Наутро с начальника секретариата губернской канцелярии учинился спрос:

- Скажи-ка, Сан Саныч, у кого из чиновников супруга на днях изволила почить в бозе?

- Э-э-э-э, сразу у двух, Владимир Фёдорович: у Скобелева, титулярного советника из акцизного управления, и Мосолова, губернского секретаря казначейства губернского.

- Ну и как вы аттестуете Мосолова?

- Честный и порядочный столоначальник. Один грех за ним водится: любит за воротник залить безмерно.

- Да? Ну-ка пригласите-ка ко мне казначея Трощинского.

Советник, переполошившийся неурочным, а значит, малоприятным вызовом, прибежал вспотевшим, с красными от разыгравшегося давления глазами. Лауниц, пребывая на генеральской должности, звания высокого высочайше ещё не удостоился, а значит, называть его «Вашим превосходительством» никто не мог, но и «высокоблагородием» тоже не решались - обидновато для полковника на генеральском месте. Потому Трощинский, склонившись в полупоклоне, как и многие, отделался безличным:

- Чем могу служить?

- Губернский секретарь Мосолов вчера и сегодня имелся на службе?

- Нет-с. У него умерла жена, и он занят скорбными хлопотами.

- И когда же похороны?

- Завтра. Отпевать будут в Казанском соборе.

- Достаточно ли средств имеет ваш подчинённый, чтоб по-христиански, по обряду скромному, но достойному

передать земле супружницу и мать его троих детей, давшую им всем радость жизни?

- Должно быть имеет. За помощью не обращался. Правда, последнее время замечать я стал увлечение у него спиритуазными играми неумеренное.

- Да? Среди других прегрешений пьянство представляется мне пороком особенно грубым, низменным а, главное, совершенно бессмысленным. Но чем же вам покойница и дети-гимназисты не угодили? О них-то вы подумали? Как они теперь без матери и, как вы сетуете, при пьющем отце жить будут? Кем вырастут? Какими подданными? Правильными или преступными? Казначей вы может и неплохой, а начальник и тем более человек неизвестный! Ну-ка бегом ко мне Мосолова! Одна нога тут, другая там, вернее, наоборот!

Овдовевший, обалдевший от пьянства губернский секретарь никак не мог взять в толк, с какой стати и по какой надобности он вдруг, в мгновение ока оказался в кабинетной зале губернатора, где ранее бывать не приводилось по низости чина и должности. Он у казначея - то был всего раза два и то млел от страха и почтения перед начальством.

Потому и не сразу нашёлся, что ответить.

- На какие средства думаете хоронить супругу, Иван Григорьевич?

- Продал часы, канделябр и подсвечники, выручил десять рублей с божьей помощью.

Лауниц повернулся к Трощинскому.

- Сколько стоят самые скромные похороны в Тамбове?

- Смотри какие?

- Я же сказал, самые скромные.

- Ну в пределах ста-ста пятидесяти рублей.

Лауниц открыл ящик стола и вытащил две радуж-

ные, как павлиний хвост, ассигнации по сотенной каждая.

- Возьмите.

Мосолов неожиданно упёрся в смешной и нелепой гордыне:

- Не возьму, я не нуждаюсь в подачках!

- А это не подачка. Я даю в долг.

- Это другое дело, как смогу, отдам. Сердечно вам благодарен, - и добавил слова, понятные только им двоим, - я узнал вас, спасибо за вчерашнее и сегодняшнее. Вы спасли меня.

Прощаясь, Лауниц пожал Мосолову руку и тихо незло попросил:

- Бросайте пить! Вы погибнете, у вас ведь на руках трое сыновей. Подумайте о них. Кроме вас они никому не нужны! Ну, с Богом. Помогите вам Господь перенести вашу горе и преодолеть недуг ваш!

Торговля - движитель прогресса

Сияя набриолиненным фрагисом - симметричным пробором, ровной ниткой тянущимся через всю голову, не снимая с лица слащавую улыбочку, приказчик Горностаев, сладко пел столпившимся у прилавка дамам:

- Помада, милостивые государыни, приурочена из чистого жира, причём обработанного особливим способом. Она никогда не разлагается и не горкнет, что важно для укрепления волос. А уж минеральными жирами, ну там, вазелин и другая какая, простите, нефтяная чёрная дрянь, петроль разная, имеющая, как известно, известные недостатки, тут ими и не пахнет. А цена? Помада номер 999, а стоит сколько?

Одна из дам, удерживаемая за руку Пальминым Ва-

сиейем Ивановичем, вернула вопрос:

- Так сколько же?

Ответ сразил Пальмина наповал...

На улице он получил такой силы мизансцену, что прохожие боялись не только останавливаться, но и смотреть в их сторону.

- На вонючую твою водку и смердящие свои папиросы так деньги находишь, а на дешёвую помадку, без которой я, как женщина, не могу прожить, у тебя нет ни копейки! Тогда объясни, зачем ты женился на мне? Ну скажи, зачем? Если ты не можешь содержать красивую женщину, то содержи дурнушку. Вон их сколько бегают!

Через полчаса Пальмин, сидя в комнате самых дешёвых в Тамбове меблированных комнат «Айсберг», под аккомпанемент всхлипываний супруги, странным образом вплетавшихся в звуки пьяной фисгармонии за стеной, исторгаемых спившимся доктором по глазным болезням Илиодором Ивановичем Солодихиным, зарабатывал деньги.

На ещё неиспорченном листе он написал крупно: «ВОПРОС» и чуть ниже помельче: «рассказ», подумал и исправил на «эссе», потом вновь зачеркнул и вывел крупно «ЭТЮД».

Дальше потекло на бумагу легко и складно, будто в руке он держал не ручку, а волшебную палочку, превращающую мысли в слова:

«Однажды в зимние холодные сумерки, выходя из дому на свою обычную прогулку, я увидел, что на углу улицы, у фонаря, стоит закутанная в лохмотья фигура и держит какой-то узел на руках. Фигура стояла неподвижно, и холодный жестокий ветер злобно издевался над нею, свирепо терзая и разбрасывая её старые, разорванные лохмотья. Подходя ближе, я рассмотрел, что это стоит нищая с маленьким ребёнком на руках.

У меня защемило сердце, и я почувствовал нечто необычайное в этой картине; я видел на её мрачном фоне не только эту женщину с ребёнком, а тысячи, десятки и сотни тысяч таких несчастных, обделённых матерей и детей. Я сразу не знал, что я должен сделать, что я должен сказать и как я должен помочь им. Рука моя уже привычным движением сунулась в карман и вынула оттуда кошелек, я нагнулся доставать монету. Вдруг у меня над самым ухом раздался тихий вздох, я поднял голову и встретился не то с тревожными, не то с утомлёнными глазами ребёнка. Этот тихий детский вздох и этот детский тревожно-умоляющий взгляд так поразили меня, что я весь вздрогнул, ощутив мучительный толчок в сердце, в мозг.

И стало мне так болезненно жаль это крохотное невинное существо, с первых шагов своей жизни вздыхающее под тяжестью нужды, голода и холода. И стало мне безгранично жаль эту бедную, озябшую и голодную женщину, которая кроме физических лишений, обречена ещё на такую острую душевную муку, как постоянно слышать пронизывающие вздохи ребёнка, как постоянно видеть детские, умоляющие взгляды!

Негодование, возмущение и протест против несправедливости судьбы загорелись ярким пожирающим пламенем, и овладело мною сильное, как безумие, желание дать этим несчастным, на зло и наперекор их безжалостной судьбе, немножко счастья, хотя бы каплю, хотя бы на минуту, но счастья во что бы то ни стало. Счастья! Счастья! Но где взять его и как дать его им? Я в это время мог совсем немного, это немногое было бы ненастоящим счастьем, а лишь тенью его или, вернее, коротенькой «иллюзией счастья». Я решился...

Острая вонь пережаренного лука донеслась из общей кухни. Пальмин сглотнул голодный комок. Из кресла от

окна раздался противный голос его красивой жены:

- За твою бездарную глупую писанину никто не даст и полтинника, можешь не трудиться. Ещё немного, и я вынуждена буду идти на паперть, а может, и на панель. Во всяком случае, мне за меня дадут больше, чем тебе за тебя!

- Если бы не твоя паскудная скаредная натура, я бы не вылетел в трубу и не пошёл бы по миру с сумой! Всё, что давала газета, я тратил только на тебя! Надо мною смеётся весь город.

- Да, да, именно хохочет! Над твоим неумением содержать семью. А газетёнка твоя паршивая обанкротилась, потому что ты бездарный никчёмный журналист!

Госпожа Пальмина так сильно от волнения раскачалась в кресле-качалке, что юбка у неё по небрежению, а может, и от умысла, задиралась всё выше и выше, открывая ровные, полные ножки. У несчастного Пальмина чувство голода начало бороться с чувством вожделения. Она поймала его взгляд, направленный на нижнюю половину её тела, и произнесла приготовленную фразу:

- Только через ужин с бифштексом и красным вином! Вы не в силах выполнить даже законы первобытного общества: если хочешь женщину - накорми её!

Пальмин схватил со стола написанное и выбежал из комнаты.

Редактор «Тамбовского голоса» Александр Яковлевич Тимофеев даже не стал читать написанное.

- Опять гениальную ахинею накропал? Я сказал, тебя печатать не буду. Из тебя писатель, как из свиньи балерина. Ты не литератор и даже не репортёр, твоя профессия, вернее, призвание - н е у д а ч н и к, - растянул он по буквам.

- Ежели ты не заплатишь мне гонорар, я удавлюсь прямо в твоей парадной!

Тимофеев долго смотрел на старого приятеля, вы-

нул из железного ящика три рубля и отдал просителю.

- Это не гонорар, это пособие для самоубийцы - иди и вздёрнись. По крайней мере, может, тогда твою галиматью начнут читать. Конец жизни - начало славы.

Но Пальмин его не слушал. Зажав в руке купюру, он бежал сначала по Долевой, потом по Нижней и, казалось ему, что сжимает он в ладони прекрасное женское тело и кусок вкусного медового пирога.

Благодарность

Через полгода секретарь доложил, что на личный приём записался титулярный советник Мосолов. Вошёл уверенный в себе человек. Под сюртуком рисовалось начинающаяся полнота. На лице играла спокойная довольная улыбка. Лауниц сначала не узнал его и вопросительно приподнял бровь.

- Позвольте с благодарностью возратить взятый у вас долг.

- Вы мне не должны, я вам денег не давал.

- Ну как же, а 200 рублей на похороны жены?

- Это я давал покойнице, а не вам, потому вы и не мой должник.

Мосолов встал и низко, неподобострастно, а искренне и уважительно поклонился.

- Спасибо от меня и детей моих. Кто знает, как бы всё повернулось, не встретить я тогда в «Славянке» вас? Я и сыновья век помнить будем доброту вашу.

Мосолов дослужится до директора губернского казначейства, статского советника и двух Владимиров - 4-й и 3-й степеней. В революцию 17 года он запьёт и замёрзнет под забором возле собственного дома на Набережной. Трое сыновей его станут офицерами. Двое

погибнут при штурме Перекопа в Крыму. Третьему, самому младшему, ротмистру Луганского кавалерийского полка, доведётся в последний раз побывать в родном Тамбове вместе с конницей генерала Мамонтова, где он, обнаружив в собственном доме комиссара Мелентьева, собственноручно зарубит его златоустовским голубым клинком с надписью «За геройство и отвагу в войне с германцами».

Но всё это будет потом. Через четыре года после похорон матери они увидят могилу своего благодетеля. Отец, узнав о его гибели, купит до Питера четыре билета в третий класс. Один для взрослого и три детских. Сорвёт выращенные собственноручно возле дома алые розы, названные, в память покойной супруги «Феями». Через день они возложат их на могилу Фон-дер-Лауница и молча постоят. Четыре чёрные фигуры: одна большая и три маленьких. Чистенькие, ухоженные, опрятные. Мосолов, положив розы на мраморную плиту, скажет:

- Покойница, ваше превосходительство, просила передать вам. Вы там теперь оба рядом. Ближе, чем к нам-то. Спите спокойно. У нас тут во временной юдоли нашей всё плохо и не рассветает.

Елена ЧИСТЯКОВА

Вязаные носки

(повесть из цикла «Житейские истории»)

Мария Ивановна, пожилая полноватая женщина, удобно устроившись в кресле, вязала носки. Один был уже готов. Мягкий, беленький, с добавлением козьего пуха, а по резинке его пропущены повторяющиеся полосочки, розовые и голубенькие. Красиво получилось. Вот ещё второй свяжет Мария Ивановна и отправит в посылке вместе с конфетами внучке к дню рождения. Много она навязала на своём веку носков. Ниткой шерстяной весь земной шар можно было бы обмотать, особенно в войну постаралась. «Лицевая, изнаночная, накид, лицевая,

---

Елена Викторовна Чистякова - прозаик, педагог, работает в жанре фольклорного повествования с использованием самобытного южнорусского говора. Автор двух книг «Сказы деда Савватя», нескольких сборников «Современных басен», а также автобиографической книги «Бережком вдоль Громушки, бегущей по камешкам». Публиковалась в журналах «Губернский стиль» (г. Воронеж), «Литературный Тамбов», а также в сборнике очерков и рассказов, вышедших в издательстве «Художественная литература» (г. Москва). В октябре вышел из печати сборник повестей и рассказов «Житейские истории».

изнаночная, накид», - мозг машинально отсчитывал петли, не позволяя сбиться. Всё начинается с английской резинки. Она надёжно облегает ножку, не растягивается и не позволяет носочку сползти со ступни. Пальцы женщины мелькали, привычно перебирали пять тонких перезванивающихся спиц, чередуя работу каждой: лицевая, изнаночная, накид, - а мысли, как нить из клубка, тянулись сами собой, навевая воспоминания давно прошедших дней. Жизнь человеческая - она ведь как эта ниточка шерстяная - шероховатая, порой с неровностями, узелками, может и оборваться вдруг. Есть лицевая сторона её, этой жизни человеческой, а есть и изнаночная. Вдруг - накид - петелька, событие! Его надо достойно пережить, и дальше - лицевая, изнаночная, накид...

В четырнадцать лет Маша Чернышова поступила в ФЗУ и, окончив, отправилась работать на Котовский пороховой завод в цех по изготовлению дымного пороха. Жила с девчонками в общежитии. Домой в деревеньку с красивым поэтическим названием Смольная Вершина, что близ Пахотного Угла, ездила редко. В семье в ту пору было много детей, и все младше Маши. Правда, детишки помирали часто и не во младенчестве, как это бывало в те годы, а по малолетству. Заболел ребёнок, глядишь, и нет его. У матери сердце каменело от потерь этих. Маша всё видела, переживала и домой не больно-то тянуло её. А как началась война, да ввели военное положение, вообще перестала бывать в деревне. Отца на фронт не взяли, хотя ходил, просился. Годы не те да и болезни, немощи одолели. Будет уж с него, в гражданскую с лихвою оттрубил, ранен был. Теперь руки и в деревне не лишние. Мужская хватка необходима да ёмкое слово бабам вовремя сказать, надумать в чём, им не ведомом, в хозяйстве, по мужской-то линии в самый раз. Ушли мужики воевать, а они, бабы,

растерялись в быту, не поймут за что хвататься. Нервы сдавать стали, у многих характер поменялся за войну. Норов появился, а без него-то как?

Добрались фашисты и до тихого ранее Тамбовского края. Стали бомбить. Ну и смалодушничала однажды Маша, о чём жалела потом весь остаток жизни. Как-то раз, когда все находились в цеху на рабочих местах, раздался вой сирены, предупреждающий о налёте. Все заметались от неожиданности, а Маша с подружкой полезли под станок. Там, упав на колени и зажав уши ладошками, девочки зажмурились, чтобы не видеть и не слышать, что происходит вокруг. Охватила паника. Потом где-то совсем недалеко с противным стоном пролетела бомба, сброшенная с самолёта. Ухнуло с воем и треском близко, рядом. Всё заходило ходуном в цеху, стёкла со звоном и скрежетом посыпались, забренчало, залязгало оборудование. Послышался удаляющийся, противный до тошноты гул самолёта, а вслед ему надрывный стрёкот зенитных пулемётов и короткие, отрывистые, но звонкие выстрелы зенитных орудий. И всё стихло. Маша прижалась к полу, не в силах ворохнуть. Если бы бомба угодила в цех, то от всего завода и домов в округе осталась бы, пожалуй, только кучка пепла, с ужасом подумалось девушке.

Прошла какая-то минута, и всё ожило, сбежались люди, взволновано шумели, гомонили, а она лежала, медленно приходя в себя. В этот момент к ней пришло решение - бежать! Бежать куда глаза глядят! Лишь бы остаться в живых! А бежать-то некуда кроме своей деревни! Вернувшись раньше всех в общежитие, быстро покидала в сумку вещи свои и, выскочив на трассу, на попутной полуторке добралась Маша до дома. Её приезд родных не обрадовал. Это дело подсудное - самовольное

убытие с военного объекта, каковым являлся пороховой завод, да к тому же в военное время. Отец отправился к местному начальству. Вернувшись, решительно хлопнул по краю стола сжатой в кулаке фуражкой:

– Договорился! Завтра со всеми на торфяник! Ясно тебе, дезиртирка?

Маша согласно закивала головой. Стала работать она на торфянике изо дня в день. Вечерами вязали с мамкою и младшей сестрою для фронта носки, перчатки, варежки и шарфы. Однообразная, нудная, но необходимая работа. Лицевая, изнаночная, накид... Хотелось бы и себе кофточку связать, яркую, голубенькую, с орнаментом, да не время, к тому ж и пряжи весёленьких цветов не было. Только чёрная да грубая серая, как сама жизнь в войну. Чтобы выполнить взятую всей деревней и каждым двором норму, вязали там, где присядут, как улучат свободную минутку. Бывало, вязала Маша, сидя на кровати. сгорбившись, клонилась к коленям, вдруг на бочок падала головою в подушку и в мгновение проваливалась в сон.

Уставали все жутко! Бабаня сокрушалась:

– Ох, девки! Не помочница я боле, грабалки мое не цапають. Тольки скуляхтаю, напутлюхаю пряжу-та. Вред один от мене идёт!

– Будя тебе, маманя, - не отрываясь от спиц, перечила мать Маши, - ты вона на хозяйстве да с детьми. За имя пригляд нужон, мы кажнадённо крутимси, как всполошенныя. Хто ба хуть намякнул, када конец-та всяму, войне етай проклятущей?

Однако перелом в войне всё же произошёл, и стали прибывать в наскоро созданные в лагеря немецкие да и других национальностей военнопленные. А ещё в фильтрационные лагеря, тут же рядом, привозили солдат, попавших в окружение, шпионов разных, перебежчиков и

прочий подозрительный люд - до выяснения обстоятельств, как говорится. Жили в грубых, из горбыля сколоченных, щелястых бараках, спали на нарах. Их распределяли на торфоразработки, вырубку сухостоя, уборку валежника, общую чистку леса и разные необходимые дела. Рук-то и в деревне, и в округе не хватало. Содержали скверно, кормили впроголодь. И то сказать, никто в ту пору не жировал, все перебивались с хлеба на воду. Бабье отношение к пленным было разным, разделилось, хотя многие к тому времени уже и не снимали чёрных траурных платков, получая похоронки на близких своих - мужей, сыновей, отцов и братьев, находились и те, которые с жалостью и сочувствием относились к худым до прозрачной бледности, в тонких драных шинельках, стоптанной обуви, к голубоглазым и светло-русым молчаливым солдатам Рейха, изредка произносящим отрывистые слова на гортанном, жёстком, непонятном наречии, волею судьбы, войны и случая занесённым в тамбовскую глубинку. Соседка Чернышовых, Татьяна Дорофеевна, муж которой с первых дней войны был на фронте и писем давно от него не приходило, вынимая из печи чугунок с крупными разварными картофелинами, делила поштучно между своими детьми, не забывая отложить несколько, и приговаривала:

– А эти мальчикам отнясу, голодуют они.

Бабы фыркали на неё:

– Ты нешто сдурела, Дорофеевна! Фашистам нашу картоху!

Однако женщина, утерев слезу, вкрадчиво и незлобливо отвечала:

– Поглядитя на их, светятся наскрозь! Да неразумные оне, призвали, силком кинули в бойню. Мамки таперя плачуть тожа! А им жа, мальчикам, кушать хотца. Да уж не убудить от мене, сама не съем, – потом, грустно вздохнув,

добавляла, – а можить и мому хто поможить, коль чаво. Письмав давно нету, как ба не пропал без вести. Можамыкается тама, на чужбине-та!

- Во-во! Надейси, поможить немчура! Дяржи карман шире, - гневались на неё бабы, однако из рук картошку не вырывали, а когда Татьяна Дорофеевна клала в протянутую худую, костлявую ладонь гостинчик, отворачивались, чтобы не выдать своих чувств, утирая украдкой слёзы. А вот мать Маши Чернышовой вела себя иначе. Как только вдалеке появлялась колонна бредущих под охраной с работы пленных, она выскакивала из дома и, дождавшись их приближения, принималась зычно, переходя на визг, ругаться и голосить, размахивая сжатыми кулачками, проклиная фашистов, Гитлера, Иуду и Сталина вместе с ними, не заботясь о том, что её слышит множество ушей и как бы не вышло чего. Всё в ней клокотало, и боль её душевная требовала выхода. Если понятно, что могла выкрикивать про фашистов эта несчастная убитая горем женщина, то Сталин у неё вязался с жуткой, чёрной несправедливостью. Погиб её родной младший братишка, которого она вынянчила и которым гордилась, поскольку, окончив рабфак и лётные курсы, достиг он в жизни к своим молодым годам многого. Да не пришлось пожить, с первых дней войны пошёл добровольцем на защиту Москвы. Самолёты не были полностью укомплектованы парашютами и когда горели подбитые, с ними погибал и экипаж, не имея возможности спастись. Так и погиб её брат там, на Волоколамском направлении, под Дубосеково. Как перенести это?

– Не нашлося парашюта у няво, у Сталина етова! Сколь молодых ребят сгорело заживо! – она, каждый раз распаяясь, выла до хрипоты, соседи и муж уводили её силой, успокаивали, а назавтра всё повторялось.

Кто-то, завидев пленных, зазывал быстренько детей в избу и закрывал дверь на засов, задёргивал занавески, кто-то крестился и отворачивался. Сами пленные, не понимая слов, брошенных им в лицо, чувствовали неприязнь, ненависть людскую. Сутулились, сжимались под хлёстким бабьим гневом, убыстряя шаг. Однако, живя и работая ежедневно бок о бок, и между врагами злейшими, вынужденными мириться с присутствием друг друга, возникала некоторая уступчивость, даже расположение. Бывало, в ожидании разрядки на работу гурьбой стояли бабы, судачили в сторонке, а в отдалении сидели и полулежали на траве пленные, детишки крутились тут же, между взрослыми. Когда один из немцев, достав губную гармошку, принимался наигрывать, видимо, что-то родное, ребятня его обступала.

Просили, показывая руками, знаками, играть веселее. Кто-то из мальчишек начинал приплясывать, взбивая босыми ногами пыль. Все поддавались общему настроению, а какая-нибудь развесёлая шебутная конопатая девчонка лет восьми принималась голосить частушки:

Чего, фрицы, приуныли и носы повесили?

Видно крепких оплеух наши вам навесили!

А другая подхватывала:

От Тамбова до Берлина дороженька узкая,

Сколько Гитлер не кобенься, я победа – русская!

Немцы, не понимая о чём поют дети, смеялись, подбадривали их, хлопали в ладоши. Какой-то мальчишка лет четырнадцати поддерживал:

На осине две верёвки, любо-дорого глядеть,

Рядом Гитлер с Муссолини будет вскорости висеть!

– Гут, гут, зер гут! - улыбались дружелюбно пленные.

Следом народ принимался и за матерные,

скабрёзные, «с сольцой» частушки да куплеты, распаяясь ещё больше, будто били, рубили ими врага, веселье охватывало всех. То, что пленные ничего не понимали и что вот так можно выразить свою ненависть и к Гитлеру, и к войне, вызывало неистовый хохот, веселило. Смеялись, хватаясь за животы, конвоиры; стесняясь, прикрывая уголками платочков рты, хихикали пожилые женщины; заливались молодухи. А потом уходили в сторонку и, всхлиповая, утирали глаза. Это внезапное веселье немного отпускало всеобщее напряжение. Лицевая, изнаночная, накид...

Но вот однажды с Машей произошёл жуткий случай, начисто изменивший весь смысл её жизни. Каждый день на торфянике перед началом работы назначался дежурный у костра. Там, в сторонке, складывали свои вещи, узелки с едой женщины и оставшиеся мужички - старики да подростки - одни перешагнувшие призывной рубеж, другие ещё не достигшие. Дежурный разжигал костёр, собирал сучья, хворост и коряги, чтобы к приходу на обед людям было тепло и ждало их ведро горячего кипрейного чая с чабрецом. Уж чего-чего, а этим запасались, засушили. Все бугры весною и летом отдавали синевой с нежно-фиолетовым отливом. А запах! Упадёшь, бывало, в траву, окутают благоуханные ароматы мятные! Чудо!

В тот злополучный день дежурила Маша. Костёр горел ярко, но она решила ещё подсобрать валежника. День выдался прохладный и пасмурный. По небу бродили тёмные, наполненные влагой тучи и вот-вот могли пролиться дождём. Подкинув в огонь побольше сучьев, Маша углубилась в лесосеку, продираясь сквозь бурелом, перешагивая через канавы. Вдруг почудился сзади неясный шелест или шёпот. Остановилась, прислушалась. Нет, показалось. Пошла дальше. Неожиданно сзади захрустели

ветки, и не успела девушка оглянуться, как от сильного тычка в спину полетела кубарем и упала, стукнувшись головою о ствол большой ели. Пришла в себя от того, что стало тяжело дышать. Приоткрыв глаза, сквозь ресницы увидела, что на неё навалился здоровый мужик! В ноги её - она чувствовала - удерживая, точно клещами, вцепился кто-то другой. Ещё один хватал за руки, которыми от ужаса и страха размахивала Маша, пытаясь царапать небритую закопчённую морду, склонённую над нею, смрадно дышащую гнилым ртом прямо в лицо. Сердечко девушки затрепыхалось. Охвативший ужас ударил кровью в голову. она попробовала вывернуться, выскользнуть – не получилось! Мутные, немигающие глаза насильника вперились в неё, будто он боялся, что если моргнёт, образ жертвы, так удачно попавшейся ему в лапы, исчезнет. Липкие, не сдерживаемые слюны вождения капали на кофту Маши. Мужик утёр накопившиеся в уголках рта заеды рукавом шинели. Влажными, вспотевшими пальцами рванул ворот её рубашки, оголив девичьи груди.

– Да не дёргайся ты, сука! - прохрипел насильник, и все участники нападения пришли в движение, увидев обнажённое тело девушки.

– Давай, Васёк, а то мы не успеем, - подзадорил дрожащий от нетерпения голос за спиною насильника, и Маша почувствовала как ноги её раздвигают и пытаются задрать юбку. Юрким зверьком принялась Маша извиваться под навалившимся мужиком и тут же получила хлёсткий удар по лицу. На мгновение замолкнув, в отчаянии сделала она ещё одну безуспешную попытку вырваться:

– А-а-а-а, - протяжно, что есть мочи, по-волчьи звывала девушка, - а-а-а, по-мо-ги-те!

Крик тут же оборвался. Рот жертве глубоко, до самого горла, заткнули пучком сухой травы. Нижней

частью тела Маша ощутила холод пасмурного дня и поняла, что обнажена. Задранные, заломленные за голову и сжатые крепко руки свело судорогой, между лопатками больно вонзился и давил попавший под спину сучок. «Я погибла», - пронеслась в полуобморочном сознании стремительная мысль. Мрак стал наплывать, сознание меркнуть. И в этот момент откуда-то издали, будто сквозь вату, она услышала непонятное:

– Карл! Шнель, шнель!

В следующее мгновение насильник скатился с распластанной на земле Маши от сильного удара в висок. Она слышала, что завязалась драка, чувствовала как ослабел захват ног, и её наконец отпустили. Опираясь о землю, Маша медленно села, натянув непослушными, онемевшими руками юбку на колени. Её трясло. Скулы, раздираемые пучком травы, нестерпимо ломило. Кое-как, отдельными травинками, удалось вытянуть этот давящий до рвоты кляп, освободиться. Занятая собою, она краем глаза видела, как два немца бьют, катают и валяют её обидчиков из фильтрационного лагеря, насколько им силы хватает. А те не могут дать отпор, лишь машут кулаками. Всё от того, что у двоих уже спущены штаны и от любого, даже не сильного удара они путаются в штанинах и, как снопы, валятся на землю. Третий не стал дожидаться расправы и бросился наутёк, в чашу. Наконец, мерзавцы, кое-как натянув портки, процедив сквозь зубы угрозу заступникам Маши, согнувшись затрусили прочь.

– Гут, Йоахим, зер гут!- услышала девушка и увидела, как один из немцев, вытерев кровь с ободранной скулы, похлопал другого по плечу.

Шатаясь, поднялась Маша, отряхнула одежду, стянув с головы крепко завязанный на затылке тёплый платок, прикрыла им обнажённую грудь, и не зная как

выразить свою благодарность, наклонив голову от стыда и неловкости, молча ушла по просеке к костру. Там, делая всё машинально, умылась, надела предусмотрительно взятую на работу на случай похолодания телогрейку, застегнулась на все пуговицы, повязала платок на взлохмаченные, сбившиеся в колтун волосы и решила никому не рассказывать о том, что с ней произошло. Ни-кому! «Больше разговоров будет да расспросов, чем толку», - разумно подумала Маша.

Когда все сошлись на обед, то сильно удивились:

- Нешто холодно у костра-та, укуталася так? - спросила её одна из женщин.

- Да приболела я, знобит что-то, - сквозь зубы хриплым голосом процедила Маша, которую и впрямь лихорадило. Зубы выбивали дробь. Она попыталась не выдать своего состояния, глубоко вздохнув и взяв себя в руки, отошла в сторонку и, вся съёжившись, села, прислонилась к дереву. Лицевая, изнаночная, накид...

Начались мучительные раздумья, ночные размышления; днём-то всё отвлекало от мыслей. «Как же так, - думала девушка, мучаясь бессонницею, - как могло случиться, что спасли меня немцы, фашисты, враги? Кинулись защищать, не раздумывая. Кто я им? Чужая! Почему же рисковали, решились ради меня - двое против троих! Молодые, слабые, полуголодные парни - против мужиков? - Мысли теснились в голове, а ответ не находился - А эти из фильтрационного лагеря, кто они? Шпионы, перебежчики, стукачи? Или случайные солдаты, попавшие в окружение? Доказывай теперь, что невиновен! Но те, что напали на меня, они другие - наши, советские, так бы не сделали. У них дети остались дома, дочки такие же, как я. Как же можно? Которые в лесу были - твари, нелюди! - Маша тяжело, прерывисто вздыхала, и тут же вспоминала

о немцах. «Поди ж ты, и среди них бывают добрые люди! И всё же хорошо, что я никому не рассказала. Ох! Если бы пленные не спасли, эти меня в живых не оставили бы после всего, а если бы вдруг и оставили, я всё равно бы не жила, – с ужасом осознавала Маша, чего удалось ей избежать, -с таким-то позором и грязью! Нет! Нет, ни за что бы не жила!» Она плакала, уткнувшись лицом в подушку. И всё-таки поступок пленных немцев был для неё удивителен и непонятен. Лицевая, изнаночная, накид...

Жизнь шла своим чередом. Лето, мокрое и прохладное, подошло к концу. Много работы, осенние огородные дела – закружило. Но вязать для фронта носки, перчатки, варежки с провязанным отдельно одним пальцем для спускового крючка не переставали ни на день. Это стало обязанностью, привычкой, даже необходимостью. А если вдруг не вязала Маша, другим занята была, чувствовалось будто чего-то не хватает, что-то вроде не выполнено, руки некуда деть, пальцы всё время что-то перебирают. Часто вязать собирались в артель. Так-то керосина разве напасёшься? А тут сядут кружком вокруг лампы, поют и вяжут. Девчонок-малолеток учили те, кто постарше. Однажды пришла Маша и слышит хохот за дверью. Оказалось, одна девочка сдаёт готовые носки, а у неё в каждой паре один больше другого.

– Да как же у тебе так выходить, петли считать надо, – отчитывает её старшая, - а ну-кась, распушай давай! Навряд ли хоть один солдат с разными ногами будить.

Девчонка в слёзы:

– Не хочу, все пальцы проковыряла спицами до крови и опять по-новой что ли? - а потом и советует, - а вы сложите два больших вместе и два поменьше в пары.

– Хитра! А третью пару как, может саманосишь? Распушай, тебе говорю! - настояла всё же на своём старшая.

Лицевая, изнаночная, накид...

Ещё в сентябре 1944 года местные власти создали народ и сообщили, что собирают подарки, гостинцы, письма на передовую ко дню двадцать седьмой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, участвует вся область, каждый населённый пункт. А как соберут, тогда прицепным вагоном отправят в Тамбов, а уж там эшелоном на фронт. Стали готовиться по-серьёзному. Советские войска наступали, впереди зима, и солдат нужно было тепло одеть. И вот в один из октябрьских дней, загрузив подарки сразу из нескольких деревень, усевшись в кузов полуторки, заполненный тюками, мешками, ящиками и коробками, Маша и ещё две сопровождающие груз женщины из их Смольной Вершины отправились на железнодорожную станцию. Октябрь, под стать ушедшему лету, был холодным, с пронизывающими насквозь студёными ветрами и редкими солнечными днями. Маша по настоянию матери укуталась как следует да ещё взяла бабкину огромную шерстяную шаль. В ней как в домике, как в норке зверька – тепло и уютно. Отправляли три мешка, набитые вязаным, мёду пасечники дали, обязательно была махорка и пачками и россыпью, да кисетов для неё нашили, вышивкой украсили. По три пчёлки на каждом кисете изобразили, по-нашенски, по-тамбовски вышили, рассуждая:

– Пусть нашим бойцам будет тепло там, в окопах на передовой. Пусть знают, что мы думаем о них, и давят гадов фашистских до победного конца!

И действительно, советская армия продолжала наступление. По радио передавали регулярно даже о небольших успехах на фронтах, о продвижении наших войск уже по вражеской территории. Женщины в деревне вздыхали с надеждой:

– Родненькия! Уж не подвядитя! Надеимси на вас!

Сколько тепла душевного, любви вложено было в письма бойцам. Большую коробку добрых пожеланий и тёплых слов в придачу к гостинцам посылали из глубокого и надёжного тыла. Лицевая, изнаночная, накид...

Проверили и закрепили груз, наконец, тронулись. Маша села спиной по ходу машины. Завернувшись в шаль, угнездилась, обложила ноги мешками с вязанными носками, так теплее. Проехав не более двух километров, машина обогнала бредущую вдоль дороги небольшую группу пленных, человек в сорок. Тонкие драные шинелишки с поднятыми воротниками, пилотки надеты поперёк головы так, чтобы хоть верхнюю часть ушей прикрыть от холода, руки засунуты глубоко в рукава да карманы, разваливающаяся обувь с наполовину оторванными подошвами перевязана тряпками, примотана к ногам. Маша скользнула глазами по худым бледным заросшим лицам и вдруг узнала в двоих из них своих спасителей! Узнала! Да, да! Это были они! «Они! Как их там звать-то, ой, не вспомню. Но они же, они!» Девушку просто жаром окатило. Она и сама не могла понять, что с ней происходит. Заметалась на месте, засуетилась. Так разволновалась, что язык прилип к нёбу. Ком в сухом горле застрял, не проглотить слюну. Пальцы рук нервно подрагивали, сердце колотилось так, будто намеревалось выскочить из груди, веко левого глаза дёргал нервный тик. Она всё вспомнила! То, что пыталась, хотела забыть, вновь отчётливо всплыло в памяти! Всё, до мельчайших подробностей! И опять стало страшно, как тогда! Пленные, удаляясь, оставались позади машины. «Карл! Да-да! Одного зовут Карл! – чуть не выкрикнула Маша, – а другого, другого как-то, э-э-э... А-Ахим, кажется, или как-то так!»

Вдруг полуторка неожиданно для Маши остано-

вилась. Переезд! Шлагбаум опущен. Надо ждать, когда пройдёт поезд. Она сидела, слушая, как тихо, воркующе разговаривают между собой женщины, сидящие сзади, прямо за кабиной водителя. В голове Маши сумбурно теснились мысли, перебивая друг друга. Немцы, сопровождаемые автоматчиками, медленно приближались к переезду. После того случая в лесу Маша больше не встречала пленных. Видимо, их перебросили на другой торфяник, и она была рада этому, стараясь забыть случившееся. «Как же мне плохо... Рухну я сейчас», - не находила душевного покоя Маша.

Раздался перестук колёс по рельсам. Состав стремительно приближался, и всё же неожиданно, как-то выскочив из-за деревьев, совсем рядом, близко, пронёсся паровоз с чёрным смрадным столбом дыма. За ним пробежали выхваченные взглядом платформы с зачехлёнными орудиями, теплушками, танками и снова теплушками. Довольно длинный состав. Пленные в это время поравнялись с машиной, и тут Маша вскочила, скинула с себя шаль и стала быстро, помогая себе зубами, развязывать мешок. Она лихорадочно дёргала верёвочные узлы, ломая ногти, и когда ей, наконец, удалось их развязать, начала доставать и кидать пленным скрученные попарно в клубочки носки. На мгновение опешили и женщины в кузове, и конвой, и пленные. В реальность всех вернул пронзительный прерывистый гудок паровоза, который удаляясь сообщал, предупреждал следующий полустанок о своём прохождении. Немцы кинулись подбирать свалившиеся буквально на их головы подарки. Охрана встрепенулась и принялась, матерно ругаясь, расталкивать их прикладами. Женщины вцепились в руки Маши, били её по спине, по голове кулаками, пытались помешать тому, что она творила. А сама Маша, обезумев,

бросала и бросала носки в толпу. Пленные, согнувшись, резво подбирали и засовывали за пазуху мягкие клубочки, ещё не зная, что это.

– *Vas ist das? Vas ist das?* - обращались они друг к другу, не переставая шарить в грязи под ногами. Охранники, чувствуя всю безнадёжность своего рвения навести порядок, оставили эту затею и молча наблюдали за всем со стороны. И эта сумятица потонула в чёрном паровозном дыму, опустившемся и рассеянном, разорванном, размётанном ветром по округе, придавая происходящему жуткое и необъяснимое состояние нереальности.

Шлагбаум подняли, и водитель полуторки тронулся в путь через рельсы. Машина резко дёрнулась и все, кто до этого момента метался по кузову, повалились на мешки и ящики, потеряв опору под ногами. Поднявшись и усевшись на своё место, Маша будто замерла и продолжала держать в руках раскрытым полупустой мешок с носками. Она опустошённо уставилась в одну точку, не слыша и не понимая ругани позади себя. Потом женщины устали и, видя бесполезность своего возмущения, наконец, умолкли. Так и доехали до станции. Лицевая, изнаночная, накид...

На небольшой привокзальной площади машина остановилась, и водитель пошёл к зданию вокзала уточнить, где сгружать привезённое. Поведением Маши да и женщин он был раздосадован; если кто прознает про историю с носками, что он не сообщил о ней, куда следует, несдобровать ему, донесут. Поэтому в кабинете с прищипленным на дверь листком из ученической тетради, с надписью химическим карандашом «Представитель военкомата майор Юрьев Владимир Сергеевич» шофёр рассказал и о дорожном инциденте, и о том, что по вине Маши не полностью довезли то, что полагалось фронту, что проявила она, непростительное сочувствие к немецким

пленным, выкинув им прямо с машины большое количество шерстяных носков. И ещё сказал шофёр, что всем сердцем осуждает Чернышову Марию и негодует по поводу её, прямо сказать, антисоветского поведения. Майор Юрьев выслушал шофёра и попросил передать, чтобы женщины зашли к нему в кабинет для выяснения обстоятельств произошедшего.

Все трое нерешительно переступили порог кабинета и замерли у двери:

– Заходите, присаживайтесь, - пригласил майор, и когда те присели на стулья, на самые краешки их, продолжил, - ну, рассказывайте, как же это случилось?

– Да мы и сами ня знаем как. Не в сабе девка поди, чаво-та с ёй подеилось. Эта ж надоть додуматься, немчуре повыкидала носки да варежки, – вздохнула устало пожилая женщина, положив на колени натруженные руки и разглаживая ладонями передник, и добавила, - мы вить своим робятам вязали, заступникам нашим. А она вона чаво спроворила, бестолочь!

– Да точна, точна, видать захворала головою-та, - добавила другая, не желая навредить Маше или подставить её под наказание, решила, лучше уж объявить её больною.

– А знаете ли вы, - спросил, пристально глядя на Машу, майор Юрьев, - какое наказание может ожидать за такой проступок, да ещё и по законам военного времени?

Женщины понимающе закивали головами, зашмыгали носами, заёрзали на стульях от неприятного разговора.

– Да знамо дело, чаво уж!

Только главная виновница осталась безучастной и к угрозам, и к своей судьбе. Понутив голову и вцепившись руками в сиденье стула, смотрела она себе под ноги и носком ботинка что-то вычерчивала на затоптанном полу.

– Оставьте-ка нас двоих, поговорим, - вдруг попро-

сил Юрьев женщин. Те шустро поднялись и, подталкивая друг друга, вышли в коридор, нарочито плотно прикрыв за собой дверь. Поскрипывая хромовыми сапогами, майор медленно прошёл до окна, остановился, глядя на перрон через стекло. Извлёк из кармана галифе коробку папирос, открыл, и достав одну, постучал мундштуком о крышку коробки, затем убрал назад в карман. Дунул в мундштук, выгоняя мелкую махорочную пыль, щёлкнул трофейной зажигалкой, затянулся, выпуская вверх струйку сизого дыма. Он не торопился начать разговор, не зная, видимо, как к нему приступить. Маша тоже не изменила позу, так же сидела, опустив голову.

«Да, - подумал майор, - случай неординарный, прямо сказать. Что толкнуло девчонку на такое? Должно же быть этому объяснение, как бы вывести её на откровенный разговор?»

– Не озябла, пока ехали? - неожиданно для себя заинтересовался Юрьев.

– Нет. У меня шаль бабкина, тёплая, - живо откликнулась Маша.

– О! Это уже хорошо, что хоть ответила, - кашлянув, удовлетворённо заметил майор. - Может, есть хочешь? У нас тут в станционном буфете пирожки неплохие пекут, сладкие. Я попрошу, принесут.

– Да не, не надо. Mamka лепёшки дала с собой, после поем, – замотала отрицательно головою Маша.

– Ох, и завидую я вам, деревенским. У вас всё своё - ягода лесная, грибы. Я страсть как грибы люблю - солёные, рыжики, - признался Юрьев.

– Рыжики? - впервые вскинула голову Маша, распахнув серые огромные глаза, - волнухи-то вкуснее да белянки тоже.

– Ух ты, молодец, разбираешься! - похвалил Юрьев, - сколько ж тебе лет?

– Уж восемнадцать будет, зимою.

– Да ты старушка, гляжу, - хохотнул Юрьев, - и тут же неожиданно спросил, - а войне конец скоро, скажи, старушка? Наши-то победят, как думаешь?

Маша удивлённо оглянулась на дверь и с некоторым даже испугом, понизив голос, спросила, глядя в глаза майору:

– Да вы чего? Шутите что ли? Гляди, как гонят фрицев, только держись, - она искренне недоумевала, не зная как воспринимать его слова.

– А долго ли ждать победы-то, а? По твоему разумению? – не давая опомниться, опять задал вопрос майор.

– Да уж скоро, поди. Вот зиму бы пережить, а там... Весной, думаю, по крайности, к лету, - неторопливо ответила Маша.

– Вот и моя дочка так же пишет. Она в Вологде, слыхала про такой город? Эвакуировали всех моих туда, - вздохнув, грустно пооткровенничал майор да вдруг, прямо и без перехода, поинтересовался у Маши, - ты влюбилась что ли в кого из пленных, - умышленно не назвал он их немцами, - в одной же местности проживаете. Может, встречались где?

Маша резко вскинула голову. Большие серые глаза девушки тревожным мятущимся взглядом смотрели на майора. Она молчала, будто раздумывала: доверить ли чужому человеку свою тайну? Тередила, нервно перебирала, скручивала носовой платочек в пальцах. Майор не торопил, достав и закулив ещё одну папиросу, он отвернулся к окну.

– Они испоганить меня хотели да потом поди прибить, а эти, немцы, спасли, - услышал майор сказанные ему в спину слова и медленно повернулся.

– Кто - они? - осторожно, чтобы не спугнуть наметившуюся между ними доверительность, задал вопрос

Юрьев, опускаясь медленно на стул напротив Маши.

- Трое из фильтрационного лагеря, - пояснила де-вушка.

- Расскажи мне, Маша, всё по порядку... Как это случилось?

Лицевая, изнаночная, накид...

После откровенного разговора, пережив опять тот ужас, который старалась забыть, Маша пила воду, и зубы от волнения постукивали о стекло стакана. Утерев слёзы, по просьбе майора Юрьева она вышла в коридор. Ему нужно было собраться с мыслями, подумать, как быть дальше. Отмолчаться или просто отпустить восояси нельзя. Надо что-то решать, а это не просто. Ох, как не просто! Честно сказать, сам майор Юрьев Владимир Сергеевич, фронтовик, боевой офицер, на этой должности в райвоенкомате недавно, две недели всего. Отправлен в тыл по ранению. И вроде сначала, после госпиталя, было всё ничего, вернулся в часть, доложил о прибытии, да не прошло и пары дней как завозился, дал о себе знать оско-лок в боку. Ни вздохнуть, ни выдохнуть.

«Значит так, - размышлял майор, - ею руково-дила жалость. Жалость и чувство благодарности. Оно возникло внезапно, как только она увидела спасителей в бедственном положении. Логично. Так бы, может, и забылось и вдруг... Неожиданная встреча! Да-а, бывает. Наш народ жалостливый и благодарный, это так». И вдруг, помимо воли и желания майора Юрьева, в его памяти живо всплыло воспоминание совсем недавнего, произошедшего с ним на фронте, в Восточной Пруссии, куда войска третьего Белорусского фронта с боями вошли в начале октября. Он же, выписавшись из госпиталя, где лечился не меньше месяца, догонял свою часть. Первая встреча с немцем - не с солдатом, с гражданским, с ребёнком

- произошла случайно. Это был немецкий мальчик. Владимир Сергеевич и не заметил бы его вовсе, когда шёл по разрушенной пустынной улочке небольшого немецкого населённого пункта, городка, а может, и деревни, сразу не поймёшь. Уж очень их деревни не похожи на наши. Искал майор Юрьев штаб своей части, которая расположилась где-то недалеко, в одном из уцелевших домов. Искал, чтобы представиться, доложить о прибытии из госпиталя для дальнейшего прохождения службы. Навстречу никто не попался ни из военных, ни из местного населения. Шёл он по ориентиру, указанному работником комендатуры. Под ногами скрипел битый кирпич, пахло гарью, дымом. Дома без крыш, с пустыми глазницами выбитых окон. Погода пасмурная, промозглая, вот-вот польёт дождь, надо бы успеть попасть до него под крышу. В мокрой одежде ходить потом не хотелось.

«А тут и притулиться, чтобы переждать на случай дождя, негде. Одни развалины», - грустно подумал майор. Он прибавил шагу, торопясь пройти до конца этой улочки, подозревая уже, что идёт в неправильном направлении, но быть уверенным до конца всё же не мог. Вдруг за поворотом целое, не разрушенное здание? В углу, образованном двумя тесно стоящими рядом, один чуть впереди другого, серыми домами из плитняка, что-то шевельнулось. Оглянувшись, Юрьев увидел скрючившуюся худенькую фигурку ребёнка, сжавшегося и сидевшего в этом, как ему казалось, надёжном уголке. Под взглядом военного мальчуган в страхе закрыл грязными ладошками закопчённое лицо. Одежда его состояла из рваного тряпья, ботинки стоптаны, без шнурков. На плечи накинут тёплый клетчатый женский шерстяной платок. Рыжие волосы взъерошены. Майор не остановился, пошёл дальше по улице. «Как здесь очутился, этот ребёнок, - взбудоражил он себя вопросом, - видно,

все погибли или потеряли его? Голодный, наверное. Дать бы ему поесть, да как, - размышлял майор, - увидят если, скажут, что фашистского выкормыша жалею», - замечались его мысли. Он несколько минут ещё брёл до конца улицы, и убедившись, что выбрал неверное направление, остановился. Помедлив мгновение, стянул с плеча вещевой мешок, расположившись на камнях, развязал. «Я всегда всех жалел. Нищих после гражданской войны, бездомных, животных. Неужели ребёнка, пусть даже немецкого, вражеского, не накормлю? Я же не тварь безжалостная, в конце-то концов», - он, решительно запустив руку в мешок, достал две пачки ржаных галет, кусок сахара, отрезал ножом сало, вложил между двумя ломтями хлеба и отправился в обратный путь, опасаясь теперь, как бы пацан не убежал. Да бежать было некуда. Мальчишка сидел на том же месте, всё в той же позе. Бледный, с тёмными кругами под огромными небесного цвета глазищами. От худобы черты лица заострились. Майор наклонился над ребёнком, и тот, будто боясь удара, натянул платок на голову и закрыл голыми руками, в сетке тонких просвечивающихся через бледную кожу жилочек, свои острые плечики.

– На, поешь, - сказал Юрьев, протянув мальчику еду. Потом, перебрав в уме весь свой запас немецких слов и, наконец, вспомнив, настойчиво произнёс: - *Эссен, эссен, киндер!*

Ещё не веря, мальчик боязливо взял протянутую еду и громко сглотнул слюну.

– *Данке шон*, - прошелестел он одними губами и с жадностью принялся есть.

Лицевая, изнаночная, накид...

Решение о том, как поступить с Машей Чернышовой, пришло к майору неожиданно быстро. Он, выглянув в коридор, пригласил всех зайти.

– Ну вот что, - объявил майор Юрьев, - подарки отправим через двое суток. Тебе, Мария, даются сутки. Завтра к вечеру мешок с носками должен быть здесь. В этом случае хода делу не дам. Если иначе получится, тогда сама понимаешь, Мария. Всё примет для тебя неприятный оборот, ясно тебе?

Маша утвердительно закивала головой.

Обратной дорогой Машу опять ругали на чём свет стоит и лупцевали. Она сносила всё стойко, молчала, понимая, что женщины ведут себя так от безысходности и от жалости к ней же самой. И правда, как за сутки можно ли связать сорок-пятьдесят пар носков или варежек? Уму непостижимо! Дома отец отхлестал Машу вожжами, сильно отхлестал.

– Да ежели и мужуки возьмут в руки спицы, все сядим, дажа малЪя, да бабаня вона, всё одно - делов ня будит. Да иде жа взять-та их, носки-та ети! Ну и уговила ты нам, доча, развясёлаю жизнью! - плакала мать Маши, узнав о случившемся.

Они было принялись сгоряча вязать, мать да Маша, да сестра её, однако за бессонную ночь осилили лишь четыре пары. Ещё десятка два по родне собрали. В Смольной Вершине в основном две фамилии у деревенских – Чернышovy да Чернобыловы. Друг другу-то хоть, может, и дальняя, а всё же родня, не оставят коли что.

Утром одуревшие от бессонницы и переживаний домашние стали собирать Маше узелок с собою, не видя другого выхода. Посадят в тюрьму девку. К такому выводу пришли все домочадцы. Ближе к полудню в дом ввалилась целая толпа соседей, Машиных подруг, бригадир пришёл и даже сторож колхозный. Мать Маши, как увидала их, завyla будто по покойнику.

– Рано выть-та взялись, - прервал их бригадир, -

дело поправимая. Об табе, Мария, народ озаботился, своё отдали, что в избах было. Выручить надумали. Вези и сдавай, пока не поздно. Так-то вот!

В дом затащили мешок, под завязку наполненный носками и варежками...

Мария Ивановна Чернышова закрыла последнюю петлю. Обрезав нить, аккуратно заправила крючком хвостик и положила на стол в пару к ранее связанному готовый носок. Провела, будто прогладила, по ним рукою. Закончила работу, закончилась и история из жизни. Лицевая, изнаночная, накид...

Юрий РАССТЕГАЕВ

Рассказы

В Москву, разгонять тоску

Юрка открыл глаза. В небольшой с сырыми стенами комнате заводского барака, где проживал он с младшей сестренкой и родителями, никого не было.

Пацан осмотрелся. Утром жилище выглядело не так убого, как вечером, при свете тусклой электрической лампы, свисавшей на плетёном шнуре с высокого трёхметрового потолка.

Широкая кровать с панцирной сеткой, на которой спали родители, была аккуратно застелена белым тканевым покрывалом. Горка из пуховых подушек, мал-мала-меньше, доставала до верхнего края самодельного ковра, сделанного из старого байкового одеяла и прибитого гвоздями к стене над кроватью. На нём доморощенным художником был намалёван по трафарету заросший пруд, где плавали похожие на гусей серо-буро-малиновые

Расстегаев Юрий Николаевич - прозаик, член Союза писателей России. Родился в п. Новая Ляда Тамбовской обл., окончил Московский энергетический институт. Работал инженером, сотрудником милиции, пресс-секретарём Тамбовской областной Думы. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Публиковался в журналах «Подъем», «Щит и меч», автор шести книг прозы. Лауреат областных литературных премий им. А.К. Воронского, им. Г.Д. Ремизова

лебеди. Рядом с птицами, ступив по колено в зеленоватую илистую воду, уродливый олень с ветвистыми рогами трубил призывную весеннюю песню. По низу койки шёл аккуратно накрахмаленный, с выбитыми узорами подзорник, подвязанный белыми тесёмочками к её обшарпанному ножкам.

Юрка спал на деревянном топчане. Отец соорудил его сам, выпросив за бутылку спирта на заводской лесопилке необходимые деревянные. Лежанка была застелена матрасом и латаным-перелатаным ватным одеялом, простыней не было и в помине. Хотя отец и гордился творением рук своих, но спать на хлипком сооружении Юрке было жестковато.

И только детская кроватка, которую приобрели совсем недавно в рабкоопе в обмен на собранные матерью куриные яйца и сливочное масло, блестела никелированными спинками, вызывая в Юрке неподдельный восторг и зависть. Таньча не успела народиться, а у неё уже вон что имеется!

За окном рассвело, и сквозь неплотно задвинутые шторы в комнату пробивались солнечные лучики света. Они скользили по посудной полке с тарелками и эмалированными чашками, лавке со стоящим на ней медным двухведерным баком для воды, и упирались в некрашенный, придвинутый к окну обеденный стол. Лучи поддразнивали пацана, подмигивали и звали поиграться с ними в салки. Но сегодня у Юрки не было подходящего настроения.

С тех пор как родилась сестрёнка, Юрка стал в семье лишним. В этом он был твёрдо уверен, поскольку мать днями и ночами возилась с малышкой: купала, кормила манной кашей, стирала пелёнки. Бросалась к кроватке по малейшему шороху. Теперь его стали частенько оставлять дома по утрам одного. Юрка злился, ревновал, и проница-

тельный материнский взгляд безошибочно определил состояние мальчугана. Обняв сына, она целовала его в худые блёклые щеки, ласково гладила по белобрысой макушке и тихо, чтобы не разбудить сестру, шептала:

- Ты у нас уже большой мальчик, скоро четыре года исполнится, а Танюшка маленькая. Мы все вместе должны о ней заботиться. А ты мой главный помощник во всех делах. Ведь так?

Юрка угрюмо молчал. Он ещё и сам не разобрался: любит ли он сестру или она ему безразлична. Во всяком случае, было интересно наблюдать за крохотулькой, её неуклюжими движениями, агуканьем и ласковой улыбкой, которой она встречала братика, когда тот склонялся над её кроватью. Пацан набрасывал на голову сестры узорчатый носовой платок и с интересом наблюдал, как Танюшка усердно стаскивала его с лица своими неуклюжими крохотными ручонками. Однажды за эти проделки он получил от матери здоровенную затрещину и ещё больше озлобился.

Вскоре Юрка привык к утреннему одиночеству. Пока он спал, отец, перекусив на скорую руку, торопился в контору, где пропадал дотемна, готовя отчеты, сводя дебет с кредитом и подбивая баланс спиртзавода, где он трудился бухгалтером. Мать, взяв на руки сестрѐнку, уходила за парным молоком на ферму заводского ОРСа, где семьям спиртзаводских рабочих продавали в счёт зарплаты молоко гораздо дешевле, чем в магазине.

Юрка бойко спрыгнул с кровати, натянул клетчатую хлопчатобумажную рубашонку, короткие штанишки с ляпочками через плечо, вдвинул ноги в тряпичные комнатные тапочки и вышел в коридор. Коридор барака пугал мрачными углами, неуклюжими, наспех отгороженными чуланами и кладовками, в которых хранился уголь, дрова для печки и ненужное барахло. В одном из укромных мест,

под прогнившей половицей, Юрка припрятал драгоценный клад: складной ножичек со штопором и открывашкой, деревянный молоток с длинной ручкой, синюю лампочку с винтообразным цоколем, коробку спичек, украденных им из горнушки печки-голландки, и перегоревший керамический предохранитель-пробку.

Разложив сокровища на постели, он принялся играть. Игра, которую придумал он сам, называлась «Паровоз». В отверстие пробки он вставлял спичку серным концом вверх и двигал по нему спичечным коробком. При этом он ударял молотком по топчану и объявлял:

- Поезд отправляется на Москву! Ту-ту-ту, ту-ту-ту, - громогласно голосил Юрка, изображая паровоз, и водил коробком туда-сюда до тех пор, пока спичка не взрывалась ярким шипящим пламенем.

Спичка догорала, постепенно обугливалась и горбатилась в три погибели. Юрка радостно вскрикивал, поезд делал остановку на станции, высаживал пассажиров и заправлялся топливом на следующий перегон. Для этого машинист паровоза выковыривал ножичком недогоревшие остатки спички из керамической щели предохранителя и вставлял новую спичку. Состав трогался дальше.

Когда в коробке осталось совсем немного серников, внезапно произошла авария. Пробка упала на бок, горящая спичка попала на одеяло, из которого торчал клочок серой свалявшейся ваты. По комнате поплыл ядовитый, удушающий смрад. Юрка зачихал, закашлялся. Из глаз сами собой потекли слёзы. Он не понял, что произошло. И поскольку это была игра, не только не испугался, а наоборот, обрадовался:

- Паровоз без колёс, повалился под откос! - пришла на ум недавно прочитанная матерью считалка из детской книжки.

Едкий дым от тлевшей ваты всё больше и больше наполнял комнату, стало трудно дышать. И Юрке не пришло в голову ничего более, как спрятаться под одеяло. На всякий случай он набросил сверху пуховую подушку и замер, сжавшись в маленький беспомощный комочек.

***

Когда вернулась мать, соседка по бараку Анна Ивановна Гладышева мочила в тазу ватное одеяло. Посредине него зияла выгоревшая дырища величиной с футбольный мяч. Окно и дверь были распахнуты настежь, в прокопчённой комнате еще держался стойкий ядовитый запах гари. Юрка, как ни в чём не бывало, стоял в стороне и безучастно наблюдал за странными манипуляциями соседки. При этом он дрыгал ногой и старался извлечь из таза глухие бухающие звуки.

- Мамадя, молочка принесла? - бросился он к матери, уткнулся головой в подол её выходного, пахнущего духами крепдешинового платья. Мать осторожно отстранила от себя сына, обессиленно рухнула на табурет, едва не выронив из рук Танюшку.

- Анна Ивановна, что произошло? - Спросила она хлопчущую пенсионерку, хотя сама уже обо всём догадалась.

- Да что рассказывать, Екатерина Ивановна. Сами видите, что Юрка учудил! И как только жив остался?! Спасибо к товаркам в лото играть не ушла, намедни договорились. Но словно Бог меня удержал, ведь во всём доме никого, все на работе. Мальчонка бы заживо сгорел и нас по миру пустил. Я чувствую, дымом тянет, выскочила в коридор - и обомлела! Спасибо он дверь изнутри на крючок запереть

не догадался! Если бы промешкала минуту-другую - грех, он тут и был! Но, слава Всевышнему, вовремя успела. Разве ж можно этакое бедокура без присмотра оставлять... Никак нельзя!

Мать сидела и тихо плакала, а Юрка не понимал, отчего. Он чувствовал, что сделал что-то не так, что взрослые недовольны его поведением, но в чём состояла его вина, не знал.

- Мама, не плачь! Я больше не буду! Я в Москву хотел доехать, - оправдывался он.

- В Москву, разгонять тоску, - сквозь слёзы улыбнулась мать, счастливая тем, что всё благополучно обошлось. - Золото ты моё ненаглядное, - ласково поцеловала она сына.

«Вот и пойми этих взрослых: то плачут, то смеются», - рассуждал Юрка, уписывая за обе щеки пшённую кашу с молоком.

Дедушка Сталин

Юрка шёл, проваливаясь в пожухлый мартовский снег, и горестно голосил, утирая влажными варежками мокрые от слёз глаза.

Отец подарил ему командирскую полевую сумку из коричневой кожи, с пристегивающимися ляпочками на боку, целлулоидным планшетом для карт, отделением для бумаг, кожаными зажимчиками для ручек и карандашей. Сегодня в первый раз вынес её из дома, и вот, нате вам! Юрка вспоминал, как было дело, и тихо вздохнул.

На горке шумной ватагой теснилась ребятня. Лучистое весеннее солнышко ласково пригревало южный склон косогора, и кое-где уже проглядывали тёмные, дымящиеся теплом проталины. Ещё десяток дней, и снег сойдёт, исчезнет до следующей зимы. А как хочется скатиться с горы!

обойтись без них. Прокатиться на пузе или старой картонке не составляло труда, но с сумкой в руках сделать это было неловко. Он стоял на самом верху спускающегося к реке крутого косогора, сжимал в руках бесценный подарок и завидовал тому, с каким весельем и улюлюканьем неслись вниз ребятишки. Наконец, не выдержал, повесил планшетку на росший неподалеку разлапистый куст сирени, отцепил карабинчики, которыми был пристегнут кожаный ремешок. Избавившись от обузы, он стал искать подходящее средство, на котором можно было бы скатиться с горы. На глаза попался фанерный ящик из-под мармелада. Юрка приладил к нему ремешок, чтобы было удобнее затаскивать «санки» на горку.

Трудно описать ощущения, когда стремительно несёшься по раскатанному ледяному жёлобу! Спуск тянется бесконечной змеевидной полоской. Захватывает дух, глаза слезятся, ветер сквозит в ушах, обжигает лицо, проникает под одежду. Кажется, всё - это твоя последняя минута. Но вот ящик с вцепившимся в него мертвой хваткой седоком плавно затормозил и замер. Наступил сладостный миг торжества и свободы! Юрка радостно вскочил и, позабыв обо всём на свете, словно неуклюжий муравей пополз обратно в гору.

Накатавшись вволю, он неожиданно вспомнил про сумку, но её на месте не оказалось. Парнишка внимательно осмотрел всё вокруг, разбросал снег вокруг куста - отцовский подарок исчез!

Вошла мать, ходившая гулять с Танюшкой, увидев заплаканное лицо сына, удивилась:

- Ты что, плакал? Да, жалко! Что теперь будет? Уже и ты знаешь, а ведь недавно сообщили... Не надо плакать, сынок. Ишь ты, Господи, скукисился, лицо-то какое жалостливое. Воробышко, а тоже сердце имеет, - приговаривала мать, раздевая раскрасневшуюся от мороза сестрѐнку. - Ты от кого узнал? Радио, что ли, слушал?

- Вот ещё выдумала, разве про вора по радио говорить станут? Ребята сказывали, её Витька Прокофьев с дружками спѐр, а я не заметил, - зашмыгал носом Юрка. - Ты только папане не говори, а то вздрючит! Точно, вздрючит! Сумка-то фронтовая, он, сказывал, с ней две войны прошѐл.

- Это ты о чём? - удивилась мать.

- Ясное дело - планшетку папанину украли. Я её с собой на горку взял, да не досмотрел. Страсть как жалко!

- Господи, а я-то незнамо что подумала! Да ерунда это на постном масле, твоя сумка! Найдѐтся, а не найдѐтся, тебе отец новую справит. Тут вон, что в стране! Дедушка Сталин умер!

Мать неожиданно заплакала, утирая слѐзы подвернувшимся под руку фартуком. Вслед за ней наматывал сопли на кулак и Юрка.

В этот момент в комнату ворвалась Анна Ивановна, и прямо с порога затараторила:

- Чо деется, чо деется-то! Соболезнования со всех стран! Передают, сам Черчилль телеграмму прислал и Шарль де-Голль! Хоронить, сказывают, в мавзолее будут. Вместе с Лениным, сердешного, положат. Хучь и грузин. Траур объявили. Так что ты, Катька, зеркала-то прикрой. Чего-нибудь тѐмное набрось, одеялу каньѐвую, али отрез

какой чёрный. А то, не дай Бог, донесёт кто - за можай загонят!

Гладышева вдруг заголосила, запричитала:

- Ой, отец родной! На кого ж ты нас покинул, на кого оставил! Пропадём без тебя, сиротинушки, без мудрости твоей и заботы ласковой.

Сквозь полуоткрытую дверь мать заметила, как в коридор вошел председатель завкома Гаврилов. Торопливо поздоровался, сообщил:

- Пятого марта тысяча девятьсот пятьдесят третьего года в девять часов пятьдесят минут после тяжёлой болезни скончался наш вождь и учитель Секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров Союза СССР товарищ Сталин. Завтра в одиннадцать часов приглашаем всех на траурный митинг, который состоится в заводском клубе. Явка строго обязательна, приедут товарищи из области. Соседям передайте, а то мне все заводские дома обойти надо, да к выступлению готовиться. Чтоб явка была сто процентов, знаю вас, бабьё! - беззлобно погрозил пальцем профбог.

Маленький Юрка не мог разобраться в странном поведении взрослых. Он не понимал, почему плакала мать, причитала соседка, что требовал от них чужой строгий дядька. Почему после его ухода мать тут же бросилась завешивать зеркала старыми драпировками. Он молча наблюдал за разворачивающимися событиями из своего надёжного укрытия, из-за печки, и думал о наболевшем: нагорит ему за пропажу сумки, или гроза минует стороной.

Когда Гаврилов ушёл, соседка шёпотом, чтобы не слышал Юрка, сообщила:

- Кровоизлияние у него, кровь с мозгами смешалась, оттого и помер. Не дай Бог, Берию назначат, закрутить, ой, закрутить гайки! Уж лучше Маленкова али Булганина...

К вечеру пришёл отец, а следом за ним Юркин дед, Семён Сергеевич, который работал охранником на спирт-заводе. Протянул внучку «петушок на палочке», погладил по голове, похвалил:

- Молодец! Подрос, большой стал. Парень ённый, только худоват малость. Но ничего, выправится. Ну что, внучок, вкусно?

Юрка, аппетитно вгрызаясь в леденец, молча кивнул головой.

- Давай, Катюша, накрывай на стол. Посидим, выпьем за встречу, заодно и вождя нашего, дорогого товарища Сталина, помянем. Правильно я говорю, батя? - спросил отец. Дед промолчал.

Мужики пропустили по паре стаканчиков, похлеба-ли щей. Размякли, потянуло на разговоры:

- Ты, Колька, всегда правильно говоришь и складно. Чего уж там, нечего сказать - образованный. Как никак - бухгалтер. Только я тебе вот что скажу. Никакой он не дорогой, помер и помер, царствие ему небесное. Может, для простого люда жизнь полегче станет.

- Папаня, да что ты такое говоришь?! Со Сталиным войну выиграла, разруху преодолели, коммунизм вот-вот построим! Ты больше так не заявляй, не хочу слушать! Мы «За Родину, за Сталина» в бой шли, и умирали с его именем на устах. Да если хочешь знать...

- Тут у нас с полмесяца назад на проходной приговор суда вывесили, - перебил сына Семён Сергеевич, - чтоб читали и кумекали. Митьке Крюкову из сырьевого цеха пять лет впаили за то, что горсть зерна с завода вынести хотел. А у него трое ребятишек... Наш брат, охранник Стёпка Хрыч постарался, карманы у мужика вывернул. Да ты его знаешь, долговязый такой, дурашливый. Круглый год в брезентовом плаще с капюшоном ходил. Супостат-супо-

статом, мимо него ни одна мышь не просклизнёт. Скольким людям жизнь поломал! Народ в ежовых рукавицах держат, вот тебе и «дорогой товарищ Сталин»!

- Тише, папаня, не дай Бог, услышат! А почему ходил? Он и сейчас ходит, позавчера его смена была. Ещё поздоровался: здравствуйте, Николай Семёнович, как здорово... Стёпка правильный мужик, расхитителям социалистической собственности спуска не даёт.

- Сегодня арестовали, - как бы не слыша, продолжил дед. - Не посмотрели, что траурный день.

- Да ну? Не может быть! - удивился отец. - И за что?

- Да всё за то же самое. Что посеешь, то и пожнёшь. Кто-то из Митькиных друзей незаметно сзади подкрался, да ему в капюшон пшенички-то и подсыпал. Потом брякнул куда след... Что и говорить, сильна наша система. Сталин помер, а механизм, им отлаженный, ещё долго жернова вращать будет. И не дай Бог промежду них угодить - в порошок смелют!

- Христом богом прошу, папаня, таких вещей вслух не говори. Как бы чего плохого не вышло...

- А что может выйти? Ты, что ли, на родного отца доносы чинить станешь? Или Катька бегом побежит? Так я ей, заразе, быстро ноги кой-откуда повыдергаю. Правда, Катюха? - усмехнулся дед. - Хотя в жизни всякое случается. Вот со мной, например...

Дед внезапно умолк, будто собираясь с мыслями. - Поднеси-ка нам, ещё спиртика, что-то дюже в охотку пошло, - попросил он сноху.

Мать суетливо кинулась к шкафу, достала из потаённого местечка завернутую в тряпицу четвертинку. Мужики выпили, закусили, помолчали. Дед продолжил:

- Не знаю, как и сказать. Вот умер человек, и про него плохого говорить нельзя. А если он для меня ничего

хорошего не сделал, что же молчать? Молчать, я спрашиваю? Я и так всю жизнь молчал, потому, как боялся. Всех боялся: друзей, родню, знакомых! А тебя, Колька, и сейчас боюсь, ведь ты у нас шибко правильный. Да и как не бояться, если даже брательник меня предал? Но сегодня, в этот день, боязнь моя в землю ушла, на небеса испарилась, потому что, Он умер!

- О чём это ты, папаня? Что-то я тебя не пойму.

- Сейчас поймёшь, поймёшь... ты знаешь, что я в тридцать седьмом сидел в кутузке, как участник троцкистского заговора?

- Да ты что!

- А ещё потому, что в тридцать втором при коллективизации припрятал на погребнице овчины. Сам выделывал, вот этими самыми руками! А выходит - кулак, коль от колхоза добро укрыл. Об этом один только брательник мой двоюродный знал. Он-то, сволочь, на меня донос и настроил!

- Ну и дела! Да какой же ты кулак, коль всю жизнь на земле горбатился, света белого не видел?! И троцкист, ведь неграмотный ты, чтобы в политику играть.

- То-то и оно! Я о Троцком и слыхом не слыхал. Только в следственном изоляторе НКВД меня просветили, кто такой Троцкий и с чем его едят. Тебе тогда двенадцать годков исполнилось, Васятка десятилетку кончал, а Полинка вон, как Юрка, пешком под стол ходила. Ночью меня втихаря в «черный воронок» посадили и увезли в Тамбов. А мать твоя, Варвара Емельяновна, мудрая женщина, никому ничего не сказывала. На все расспросы твердила одно: на заработки в Москву подался.

Шила, конечно, в мешке не утаишь, слушок по селу пополз, что Сёмку с Комковки арестовали за контрреволюционную пропаганду и агитацию. Но толком никто ничего

не знал. А через полгода меня выпустили. В органах тоже добрые люди служили, следовательно разобрался по совести да справедливости.

Пришлось от косых взглядов из села уезжать. Казалось, схоронился, ан, нет! Пятно на всю жизнь осталось. Васятка Ленинградскую блокаду день в день испытал, там люди кожаные ремни варили и ели! Выжил, офицером стал, а сразу после войны его в кадрах пытали: правда ли, что твой отец троцкистом был? А он, как и ты, об этом ничего не знал. Поверили ему, ведь Сталин сам говорил: сын за отца не ответчик.

Мужчины сидели молча, курили самосад, обдумывая события. Что ждет впереди, какие перемены? А то, что они обязательно будут, никто не сомневался. Должны быть...

Юрка прыгнул на колени к деду, ласково погладил ладошкой по морщинистой, покрытой щетиной щеке, будто успокаивал старика, спросил:

Правда хорошо, что у меня оказалось три деда: ты, дед Иван и дедушка Сталин?

Юрий МЕЩЕРЯКОВ Рассказы

Плечом к плечу

Пара штурмовиков Су-25, отбомбившись в районе Файзабада по группировке полевого командира Фаруха, возвращалась домой. Боевое задание лётчики выполнили успешно, если не считать двух дырок в левом крыле у ведомого. Сначала всё шло, как и было задумано, вышли на цель и накрыли её точно, с первого захода, но уже после сброса пришлось понервничать, когда несколько крупнокалиберных пулемётов ударили по ним перекрёстным огнём. Повторный заход на цель делали с превышением высоты бомбометания, рисковать не хотелось.

Теперь штурмовики сжигали в своих двигателях

Юрий Альбертович Мещеряков - поэт, прозаик, член Союза писателей России, ветеран афганской войны, автор военной прозы. Печатался в журналах «Губернский стиль», «Литературный Тамбов», «Северное измерение» (С.-Петербург), «Подъём» (Воронеж), в газетах «Тамбовская жизнь», «Рассказ-газета», «Наедине», участвовал в различных сборниках. В своём творчестве много внимания уделяет патриотической тематике, продолжает традиции писателей-баталистов. В 2013 году в издательстве «Центрполиграф» (Москва) вышел роман «Панджшер навсегда», главное программное произведение автора. Живёт в Тамбове.

оставшееся горячее и уже начали медленное снижение. До Баграма, базового аэродрома, не более сорока километров прямой дальности, подлётное время три минуты, высота восемь тысяч над уровнем моря, полёт нормальный. Бездонное синее небо, чуть прикрытое вуалью перистых облаков, не привлекало к себе внимания пилотов, небо как небо, всё самое важное здесь всегда происходит на земле.

Пилот ведомой машины, капитан Левин, после передрыга в ущелье окончательно пришёл в себя, чуть расслабился и ожидал вскоре увидеть посадочную полосу своего аэродрома. С удовлетворением он отметил про себя: *проходим Саланг*, и посмотрел вниз на проплывающую под крылом горную хребтину, как вдруг на мгновение оцепенел. На серо-коричневом фоне земли вспыхнул и тут же скрылся в клубах пыли ярко-огненный шар. Подтверждая его опасения, на приборной панели противно заныла «Берёза», её сигнал нарастал. Вырвавшись из пыльного плена, светящаяся точка стала стремительно приближаться, оставляя за собой дымный след - *черт, это же ракета*. Он не ошибся, это была ракета, и она уже захватила свою цель.

- «Алмаз», я - 26-ой, нас атакуют!

- Правый разворот, уходи вниз! - Противоракетные пиропатроны штурмовики расстреляли ещё при бомбометании, хотя там они оказались излишней подстраховкой, оставалась последняя надежда на манёвр. Левин свалил машину на правое крыло, и она, набирая скорость, пошла навстречу земле. Неба не стало, вокруг от края до края, только земля, только изрубленные хребты Гиндукуша. Серо-коричневая планета стремительно приближалась. Ручку управления на себя. Адская многотонная сила надавила на плоскости самолёта, вытаскивая его из пике, кровь ударила в затылок, в глазах

потемнело. Ну, ещё, ещё несколько секунд! Ещё разворот. Нет, поздно. Самонаводящийся зрачок «Стингера» воткнулся в левый двигатель, и чужая ракета разворотила его изнутри. Штурмовик, закручиваясь в штопор и теряя куски обшивки, начал беспорядочно падать.

-26-ой, катапультируйся, я прикрою! - Но Левин и без команды уже нажал этот полузапретный, почти мистический рычаг - не добились в воздухе, добьют на земле, орёл или решка - и его как снаряд вырвало из кабины вместе с креслом пилота, а через считанные секунды он уже завис над Салангом на стропах парашюта.

У лётчиков свой страх, неведомый танкистам и пехоте. Их в воздухе всегда только двое: ведущий и ведомый, и если что случится с одним, второй может помочь только бортовым оружием. А что ещё будет после приземления? Об этом лучше не думать. Левин беспомощно болтался под куполом в ожидании, когда по нему начнут бить с земли, не дав даже опуститься. Мурашки бежали по спине, холод закрадывался в самое сердце. Одна надежда на командира. Майор Владимиров, пилот первого класса, умел выписывать в воздухе любые кренделя, но что он мог сделать сейчас?

- Я - «Алмаз-25». Всем, кто в воздухе! В районе Саланга сбит мой напарник. У меня на исходе топливо. Всем, кто в воздухе, на помощь! - Его штурмовик, выполнив боевой разворот, лег курсом на точку пуска зенитной ракеты и начал сближение с целью. *Вот этот бугор. Ну, получи, собака!* Две ракеты воздух-земля рванулись из-под плоскостей, но он продолжал снижение и, спустя секунду-другую, нажал на гашетку бортовых пушек - две длинные жадные струи снарядов ушли следом за ракетами. Цель заволочло облаками пыли, и Владимиров, взяв на себя штурвал, начал форсированно набирать высоту. Облетел вокруг Ле-

вина, тот махнул рукой, жив ведомый. Ещё пару кругов и надо уходить.

- «Алмаз», я - «Крапленный», иду к тебе, продержись три минуты. Уточни координаты падения «грача».

Везёт же старшинам. Их роты где-нибудь на операции, животами горы утюжат, а они, знай себе, бдительно стерегут ротное имущество, столовая рядом, банька рядом. Нет-нет, в командировку можно слетать, в Баграм, там цивилизация, то Аня Вески с концертом заглянет, то «Песняры» приедут, да и девчонки в медсанбате, как с конкурса красоты. Что есть, то есть, тут уж не отнять, везёт старшинам. Вот в такой командировке и оказался сейчас доблестный старшина мотострелковой роты Дмитрий Зданович. Вместе с Надеждой, полковой маркитанткой, он летал на базу за товарами для её магазина. Крепок был телом этот самый Зданович. Коренастый, плотно сбитый, он даже вызывал некоторую зависть у молодых офицеров батальона, да и те самые девчонки из медсанбата любили его или, скажем, искренне уважали. И знали, за что. Душа нараспашку, щедр, независим, холост ко всему прочему. Успел и жизнь посмотреть, и охотником, и геологом побывать, и на рыбацком сейнере ходил, и где он только не подвизался, теперь вот решил пройти и последнюю мужскую дорогу - войну.

Командировка заканчивалась, оставалось минут пятнадцать полёта до Рухи, большого горного кишлака, в котором располагался его родной полк. Внезапно дверь кабины пилотов открылась, и Сергей, молодой бортмеханик транспортно-боевого вертолета Ми-8, стараясь перекрыть шум двигателей и винта, громко бросил в салон:

- Рухи не будет, идём на Саланг, там «грача» сбили, никого ближе нас нет. - Надежда всполошилась, но тут же взяла себя в руки, у её магазина как-то мина разорвалась, и

войну она знала, в том числе, и по запаху тротила.

- Что мы будем делать?

- Лётчика спасти, - Зданович заметно оживился, - вот это дело, это по мне.

Вертушки тоже ходят парами, и два «Крапленых», как привязанные друг к другу, с левым креном и резким набором высоты пошли в указанный квадрат. Им труднее, чем самолётам, выжить в бою, и скорость и предельный потолок ниже, а потому и тактика у них другая, осторожная, осмотрительная, времени же для принятия верного решения на этот раз было в обрез. Шли по дуге, не приближаясь к горным вершинам и всматриваясь в каждый разлом неласковой земли. Судя по карте, в районе падения только скалы, и место для посадки будет выбрать трудно.

- «Алмаз», мы на прямой видимости, что с твоим напарником?

- Приземлился. Я наблюдаю его, жив. Духов рядом нет.

- Всё, уходи, мы им займемся, - легко сказать займёмся, но как же сесть в этой расщелине? Нужна разведка.

Невзирая на стресс своих пассажиров и груз, заполнявший весь салон, отстреливая тепловые шары-ловушки, вертолёт, как заправские пикирующие бомбардировщики, начали падать в ущелье. Их, конечно, засекали ещё на подходе, значит, надо уйти из-под огня, скрыться почти у самого дна. Слева и справа выросли отроги гор, до земли менее ста метров, но здесь опасны даже автоматы. Ставка только на неожиданность и маневр. Головную машину вёл майор Карпухин, говорят, пилот от Бога, и теперь у него появилась возможность это доказать. Скорость на пределе, как в калейдоскопе по обоим бортам мелькают отвесные стены и скалы и снова - скалы и стены. Теперь уже, как заправские таксисты, «Крапленые»

выписывали рискованные виражи, это был кураж, но и единственный шанс не получить пробоин.

- Справа по борту вижу купол!

- Выше по хребту вижу пилота, отстреливается из автомата.

- Второй, помоги ему. Я ухожу на круг, буду садиться.

Ведомый, чуть притушив скорость и изменив курс, не прицеливаясь, врезал длинную очередь из трёх пулеметов в предполагаемое место цели. *Держись, братишка, мы сейчас вернёмся.*

Надежда давно бы уже потеряла сознание, если б не уткнулась носом в широкую грудь Здановича.

- Ну-ну, не бойся, всё будет нормально, ребята классные, я с ними уже летал, - вертушку безостановочно бросало из стороны в сторону, а они, вцепившись в такелажные ремни и друг в друга, еле удерживались, чтобы не сорваться с места. Автомат колотил старшину по спине, и в голове у него образовалась каша из мыслей, воя турбины, фрагментов картины, рвущейся в иллюминаторах вертолѐта.

Двигатели взревели ещё сильнее, пассажиров вжало в сиденья, сердца одновременно ухнули вниз - Ми-8 резко пошёл вверх, но сквозь рѐв и свист старшина расслышал знакомые хлопки выстрелов. *Если в нас, то дело худо, ещё поджарят.* Выполнив круг, *вертушка* снова начала падать, и их сердца, перехватив дыхание, словно застряли где-то в горле. Надежда, что было сил, вцепилась ногтями в его спину, а Зданович успел подумать, вот в бане мужики смеяться будут: залюбил кого-то до смерти. Справа он увидел ведомого, тот шѐл много выше, почти горизонтально, а от его подвесок тянулись четыре седых шлейфа от выпущенных ракет. Снова началась жуткая болтанка, но вот вертушка зависла, словно вынюхивая

точку посадки. Время на секунды. Бортмеханик выскочил из кабины, открыл дверь и замер в нерешительности. Машину восходящими потоками воздуха качало из стороны в сторону.

- Серега, что?

- Митрич, мы сидим на одном колесе. Полметра вправо и без лопастей останемся.

- Лётчик, где?

Старшина сам выглянул в проём и увидел перескакивающего через камни лётчика. Тот бежал, постоянно оглядываясь назад, где-то рядом мог быть хвост.

- Митрич, мы не сможем сесть ниже, а тут почти три метра до камней, он не допрыгнет до нас.

- Что-нибудь сообразим, зови второго пилота.

Зданович лёг животом на днище и прокричал Левину: *давай!* Тот прыгнул, потом ещё раз попытался и еще, но у него ничего не вышло, ещё бы немного.... Борьба за жизнь на земле забрала слишком много сил, да ещё амуниция... Обернувшись в салон, старшина прокричал обоим вертолётчикам:

- Вот что, держите меня за ремень и ноги, я его вытащу, другого выбора нет, - он улёгся на живот и почти по пояс свесился вниз.

- За плечи меня хватай, потом за борт, я помогу, ну! Давай!

Левин прыгнул. Его пальцы клещами вцепились в руки Здановича выше локтей, но машину раскачивало, и большего сделать не получалось. Старшина, удерживая его за комбинезон и еле выдавливая из себя слова, прорычал:

- За ше-ею, - и чуть подтолкнул тело летчика вверх.

Его самого держали изо всех сил, надрываясь, упираясь ногами, плечами в борта вибрирующей машины, не осталась в стороне и Надежда. Схватившись одной

рукой за стойку сиденья, другой она тянула на себя старшинский ботинок и почти плакала от своей женской немощи. Карпухин не напрягал мышц, но по его спине медленным ручейком стекал пот - он ждал, он просто ждал. И он единственный, кто видел, что происходило вокруг. А он видел духов. Они бежали по тропе в предвкушении лёгкой добычи и через минуту-две могли открыть прицельный огонь.

- Второй, цель прямо по курсу, тысяча метров, чуть ниже гребня. *Бородатые*. Поработай по ним.

- Понял, выполняю.

- Постарайся.

Левин перехватился рукой за крепкую шею старшины. Она вздулась от дикого напряжения и удержала груз. Теперь Зданович добрался до брючного ремня, схватил его намертво и приложил к нему всё, что ещё осталось от его недюжиной силы, поднимая лётчика вверх.

- За бо-орт.

Пальцы Левина дотянулись до борта, взяли его, старшина это почувствовал сразу.

- Серега, тяни, его тяни!

Через минуту всё было кончено. Левин на коленях дополз до сиденья и упал на него, а Зданович так и остался лежать на полу салона, испытывая нахлынувшую на него усталость.

- Уходим.

Вертолётчики заняли свои места, и машина, подрабатывая себе тремя курсовыми пулемётами и набирая скорость, помчалась вдоль ущелья. Справа, высоко над ними, прошла пара прибывших на поддержку штурмовиков.

- «Крапленый», я - «Алмаз-17», что у вас?

- Порядок, клиента забрали, цел.

- Хорошо, давайте на базу, а мы тут еще подчистим.

О Рухе и разговора не вели, возвращались в Баграм. Надежда постанывала, вообще-то ей хотелось домой, в свой магазин, но от неё здесь ничего не зависело. Ещё никто не мог толком понять, что произошло, что они сотворили, даже Левин не осознавал своего спасения и только медленно отходил от психической перегрузки, словно оттаивал.

- Эй, пехота, тебя как?

- Зови Митрич, а сам?

- Слава, - он сполз на пол, поближе к старшине, - Митрич, я твой должник на век. Спасибо, брат.

- Само собой, должник, и чувствую, что ты не рассчитаешься.

В Союзе это назвали бы вечеринкой. Только синие, зеленые, камуфлированные куртки и регланы присутствующих да упрощенная сервировка на дощатых столах говорили о том, что здесь гуляют военные, настоящие военные. Народу собралось много. Вторая эскадрилья «Алмазов» пригласила к себе вертолётчиков, и уж, конечно, зваными гостями были Зданович с Надеждой, во главе стола сидел легендарный полковник Кротов, Командир. Значимость момента подчёркивалась запахом одеколонов, свежими подворотничками и начищенными ботинками, что в условиях боевых действий считалось особым шиком. Согласно рангу слово взял Командир:

- Коллеги, братья. Жизнь ещё раз показала нам, что на свете всё возможно. Возможно, если мы хотим победить, если мы действуем вместе. Я пью за наше братство, за то, что мы одной крови! - Эмалированные кружки издали дробный перезвон, и тёплая водка одарила присутствующих праздничным живительным пламенем.

- Слава, давай! Слово крестнику... - Голоса не утихали, природа не терпит пустоты, а весёлая компания -

долгих пауз. Слава, будучи за этим столом именинником, конфузился общим вниманием.

- Да, тут что говорить, мы с ребятами теперь родственники, я им должен каждую минуту своей жизни. Ребята, давайте за вас! Митрич, за тебя! - Хмель понемногу начал ударять всем в голову - кого расслаблять, кого бодрить, но строгая торжественная часть не могла быть закончена, пока не поднят и не выпит третий тост.

Встал Командир. Разговоры умолкли, и все поднялись следом за ним. В повисшей тишине разлилось нервное напряжение, глаза не встречались с глазами, а тревожно смотрели в глубину кружек, словно выискивая на дне, под слоем водки такую близкую и такую недоступную правду о тех, кого уже нет.

Выпили залпом и досуха. Командир попрощался и ушёл, а общий застольный разговор сломался, раздробился, стал переплетением будничных и почти фантастических армейских историй. Не говорили только о доме, о том другом нереальном мире, оставшемся в неведении, в довольстве, в радости. Разве они там поймут? Разве они знают, что такое настоящая жизнь и как дорого она стоит?

- Э-э... Вот неделю назад у соседей по МиГу ракету выпустили, ты знаешь, что он сделал? Он пошёл со снижением, гари на всю катушку, так она его не взяла, не успела, у неё ведь тоже есть предельный радиус.

- Ну, по идее надо на солнце уходить.

- Так-то оно, так, только пока будешь вертеться, скорость потеряешь, а там, как знать. «Стингеров» у духов стало много...

- Ладно, мужики, давай за женщин! За женщин на войне, за то, что они не дают нам забыть вкус жизни! - Гул одобрения, грохот отодвигаемых лавок слились в одну приятную музыку...

- За Надюшку...

За вечер с переходом в ночь выпили много, правда, с водки пришлось перейти на спирт и самогон, а поэтому утром Зданович встать не смог. Его, как гостя опохмелили, накормили и снова отправили спать до вечера. Надежде эти мужские штучки были непонятны, и она днём улетела в Руху с плановыми бортами, где обстоятельно доложила командиру полка, в какую историю они попали, и что старшину летуны так просто не отдадут.

- Ладно, пусть покуражится, - на том и порешили, тем более, что «звонил» Кротов и просил считать старшину в командировке.

Спустя еще сутки Зданович и сам решил раскланяться с гостеприимными хозяевами, поблагодарить за хлеб-соль, но случилось непредвиденное. На аэродроме, у вышки управления полётами, где он ожидал свою *вертушку*, внезапно возникла тревожная суета, лица диспетчеров стали сухими и сосредоточенными, почти тут же в небо ушла дежурная пара штурмовиков, а спустя пять минут на «уазике» примчался Командир.

- Над *Чарикарской зелёнкой* сбили «17-го». Там духов полно. У него нет шансов, пропал парень, - на ходу бросил старшине знакомый пилот.

- Ну, а вы-то что?

- Поквитаемся, Командир такие вещи не прощает.

И еще одна пара «грачей» с необузданным рёвом ушла на взлёт.

В закрытой от солнца масксетями беседке Зданович нашёл Владимирова и своего «крестника», они ждали команды на вылет и неторопливо курили. Левина временно пересадили на другую машину.

- Садись, Митрич, вертушек на Руху сегодня не будет, всем дали отбой.

- Знаю.

- Говорят, там сейчас очень горячо, взвод десантников отправили на высадку, как бы ребят понапрасну не положили, одним взводом не отделаешься.

- Бывал я со своими и в самом Чарикаре и в зелёнке, пришлось, лучше в горах воевать. А, в общем, везде не сладко.

- Командир через афганскую контрразведку связался с духами. Пригрозил им, если тело не отдадут или изуечат, с землёй кишлак сровнять. С него станется, он слов на ветер не бросает, это и духам известно.

К вечеру десантники доставили тело пилота. Сами они, благодаря плотной поддержке авиации, отделались двумя ранеными, а тот, кого они привезли, был нафарширован свинцом. Все ранения смертельные - не мучился. Последнюю очередь, по всей видимости, сделали уже в мёртвого, в упор, на большее, на бесчинства, не решились. Дорого он им достался даже на земле, как рассказали десантники, вокруг него лежало около двадцати трупов. Наверное, духи не предполагали, что он вооружён, а может, обкурились, вот он им и врезал в полный рост. Да и не было у него другого выбора, лётчику в плен нельзя...

Утром прощались с пилотом. На аэродроме со знаменем выстроился весь полк. После команды «Смирно!» Су-25 с бортовым номером 01, перекрыв рёвом своих турбин все звуки мира, ушёл в небо. На малой высоте, не считаясь с нормами безопасности, Командир рисовал фигуры высшего пилотажа. Прекрасная и грозная картина восхищала, тяжёлая машина казалась лёгким пёрышком в руках Мастера. Он прощался со своим пилотом, который до последней секунды оставался советским офицером, оставался в строю его полка. Последним аккордом стала «свечка», чёрная птица воткнулась носом в самое небо,

опрокинулась, свалилась в штопор и уже у самой земли, фыркнув двигателями, перешла в планирующий полёт. Командир ещё не сел, а в небо ушло звено, потерявшее своего товарища...

Торжественный спектакль продолжался. Он звучал мощью, гордостью, терзал человеческие души, играл на их потаённых струнах. Боевые машины писали ажурную вязь над телом ушедшего пилота, люди отдавали последний салют единоплеменнику, они прощались. Спи спокойно, брат.

Зданович стоял с непокрытой головой вместе со всеми, ошеломлённый, растерянный, и в его глазах непрошено набухали слёзы.

Таньча

Командировку пришлось прервать. Уже три месяца Илья Светлов мотался по стройплощадкам Западной Сибири - зима геологоразведке не помеха, особенно если весной должна начаться прокладка нового газопровода, а с ним строительство компрессорных станций, установка высоковольтных опор, и этим планам ничто не могло помешать. Теперь Илья спешил домой, в Перевальный, свой родной город. Повод для преждевременного возвращения был печальным. Не стало бабушки, бабы Маши. Но это было только половиной причины. Главное же, что мама очень сильно переживала утрату, необъяснимо сильно, поскольку бабушка, божий одуванчик, давно отсчитывала девятый десяток - вздохни да помяни - уход её всё-таки был ожидаемым.

Татьяне Михайловне Светловой, Таньче, как её звали когда-то в деревне, недавно исполнилось пятьдесят два года, она была расторопна, неусидчива, не умела отказывать в просьбах, вот и с мужем пришлось расстаться - где ему

«само образуется», ей - на три минуты работы, а уж насчёт кому-то помочь - с ним такая глупость не пройдёт. Дети как-то незаметно стали взрослыми, самостоятельными, разошлись по своим жизненным путям, и уж что-что, а помощи не просили, справлялись своим умом, не дёргали за живые нитки. Ей же во благо ли, в наказание досталось в одиночку ухаживать за престарелой матерью, которая всю жизнь прожила в своей деревенской усадьбе, дальше райцентра никуда не выезжала, а доживала век в скромной квартире дочери на третьем этаже городского панельного дома.

Чудна была баба Маша в последний свой год. Когда на центральном канале шла заставка программы новостей и кони-новости под мажорные позывные галопом рвались через телеэкран, она с полной серьёзностью заглядывала за короб телевизора, за телевизионную тумбу и с недоумением и злостью обнаруживала, что никакой конюшни там нет. Сначала это казалось смешным. Домашняя кошка Муся сразу заинтересовалась новой жиличкой. С сосредоточенным выражением кошачьей мордочки она толкала её мягкой лапой в бок, когда баба Маша лежала на диване, а если та пыталась её ударить, то Мусин интерес возрастал, она чувствовала противника, ходила вокруг дивана кругами, подняв хвост, подкрадывалась; начиналась настоящая домашняя охота. А бабушке было уже далеко до кошачьих игр, и приласкать она никого не хотела. Наоборот, бывало, подойдёт к большому настенному зеркалу, увидит отражение, старуху за стеклом, начинает ругаться на неё почем зря, да ещё кулачком своим немощным замахивается! Хотела прогнать соперницу, которая тоже размахивала кулачком, двум старухам в одной квартире никак не ужитья. Не доброй стала бабушка, когда её разум почти угас, сквозь знакомый безобидный облик проступало нечто

первобытное, стержневое, уже неподвластное сознанию, осыпались блёстки, скрывавшие натуру, исчезли обычаи и ухватки, привитые сельской обывательщиной, привычкой обманывать других и обманываться самой. Что осталось? Обнажённая правда, голая, неприглядная - сумеречная, как поздняя осень.

Однажды, когда Татьяна Михайловна меняла постель, она схватила её жестко за руку.

- Ты кто такая? Ты что тут делаешь?

Женщина, ради близкого человека, ради матери превратившая свой дом да и саму жизнь в санитарную палату, пропахшую хлоркой, от неожиданности опешила.

-Мам, ты что? Это я - Таньча, дочка твоя. Помнишь, ты меня в детстве так называла.

-Таньча, дочка? - Взгляд старухи на мгновение уплыл в сторону, - врешь ты всё, нет у меня никакой дочки.

Та готова была разрыдаться от вернувшейся из прошлого нелюбви, её снова бросали и снова она оставалась одна, как и во всю свою проклятую жизнь. Её бросали всегда. Даже когда она стала девушкой, никто не объяснил, что с ней происходит, отчего у неё, двенадцатилетнего подростка, по ногам течет нечистая алая кровь, страх и стыд обжигали лицо - вокруг одни мальчишки, её братья, у кого же было просить помощи? У неё не было сестры, с кем бы она отвела душу, и просто не было близкой души. Её всегда бросали, а она преданно, рабски держалась за свою большую семью, не зная другого пути в жизни. И вот Таньча смотрела в глаза своей старой матери сквозь нахлынувшие слёзы, смахивала их быстро, пытаясь держаться. Вдруг, в какой-то момент она почувствовала, осознала, почти обожглась, что к её матери снова вернулся рассудок, старческий взгляд стал сосредоточенным, жёстким, льдистым.

- Таньча? Ты? - Она помедлила, не отводя глаз,

прожигая её своими ожившими зрачками. - Пойдём со мной.

- О чём ты, мам?

- Я скоро умру. Чего тебе непонятно? Пойдём со мной, вместе будем. Чего тебе здесь одной-то оставаться?

И вдруг до Таньчи, до Татьяны Михайловны дошёл истинный смысл услышанного. Да, её впервые не бросали, она оказалась нужна на долгом пути в страшный потусторонний мир.

- Мама, что ты говоришь, как ты можешь? Я же ещё молодая!

Она схватилась руками за грудь, преодолевая удушье и не в силах остановить нарастающую боль, мать никогда её не любила, как будто видела в ней досадную ошибку, помеху. Таньча всегда это знала и сегодня по-настоящему испугалась, потому что верила в силу материнских слов больше, чем в любую правду, больше, чем в Бога. Она верила в проклятье.

- Врут все, нет никакого Бога. - Мать ходила в церковь, читала молитвы, зажигала лампы у икон в красном углу и вот теперь на последнем пороге бытия чудовищным раздраем звучала её внутренняя ухмыляющаяся сущность, - отнесут на погост, закопают и всё, сгниешь там в земле-то, червяки сожрут...

Илья прибыл в Перевальный с запозданием. На столике в прихожей его ждала записка, что похороны будут сегодня, что вынос тела в двенадцать часов из дома в Скарабеево, их семейного гнезда...

На дворе был март, сырость, неуют, но надо было спешить, и он не обращал внимания на промозглую городскую слякоть, на ветер, задувающий из подворотни. Старенькая «Лада», «десятка», что простояла в гараже все эти месяцы, как назло, не завелась, пришлось торопиться

на автовокзал, на рейсовый автобус. Слава богу, хотя бы на него Илья успел. До деревни добирался целый час, оглядывал из окна неприветливые просторы, ожидавшие тепла, ожидавшие таяния снегов, крика клювастых грачей. «Что там случилось с мамой, зачем я ей потребовался? Хорошо ещё, что руководитель проекта не стал упираться, отпустил да и премию оставил. Старшего брата, как тот ни объяснял, со службы не отпустили, в армии строго, бабушки не являются близкими родственниками... Ну вот, и Скарабеево...»

Тело усопшей в обычном сосновом гробу, обитом шёлковой тканью, лежало на сдвинутых столах, над ним, помогая друг другу, две монашки нестройными голосами, нараспев, читали заупокойную молитву. Приехавшие из разных мест братья Татьяны Михайловны неохотно общались между собой, тоскливо слонялись по старому неуютному дому, вызывавшему у них не ностальгию, а раздражение, день для них был бездарно потерян. Старый дом вслед их шагам поскрипывал половицами и по-настоящему чувствовал себя старым и никому не нужным; когда-то его строили всей семьёй, кирпичик к кирпичику, когда-то в нём кипела жизнь, слышался детский смех, теперь же пахло ладаном, как будто отпевали и хоронили именно его. Занудные голоса монашек продолжали скрести по душе, создавали атмосферу скорби, тяготили, в пору было задуматься о вечном, но быстрые взгляды мирян всё чаще скользили по циферблатам, поторапливая стрелки часов. Предательски пахло привезённой снедью, особенно сильно била в нос и тоже раздражала чесночная колбаса, уже нарезанная и разложенная на пластиковые тарелки. До поминок было ещё далеко.

Татьяна Михайловна к гробу не подходила. Она успела наплакаться ещё накануне, попросила у

матери прощения и сама простила все её случайные и неслучайные грехи. Народ уже собрался, и ей не хотелось, чтобы кто-то видел её слёзы и непроходящий страх. На маленькой кухоньке, пропахшей прелыми досками, кислой сывороткой, хранившей запах навоза с тех пор, когда здесь держали только что народившихся телят, она привычно чистила картошку, как и прежде, начиная с незапамятного голодного детства, в котором кроме картошки, чаще промёрзшей и гнилой, и есть-то было нечего. Мерно, успокаивающе бурчал котёл отопления, перегоняя кипяток и плотный раскалённый пар в трубы и батареи. В давнишние времена под это бурчание среди тканых половиков и старых овчинных полушубков хорошо спалось на русской печи, смотревшей теперь в мир, в кухоньку чёрным оскаленным зевом, в котором уж года два как никто ничего не готовил. Утерев очередную не прошенную слезу, Татьяна Михайловна, наклонилась над тазом, в котором отмокала от земли картофельная горка, протянула руку за очередной картофелиной, как вдруг с резким шипящим хлопком лопнул толстый прорезиненный шланг, соединявший котел с системой отопления. Из открывшегося патрубка котла под давлением рвался наружу раскалённый пар, обдавая женщине лицо, шею, плечо, грудь, конденсировался кипятком в шерстяном джемпере, в бюстгальтере. Она издала дикий вопль от страшной внезапной боли, вонзившейся в её плоть..

-Мама-а-а!!! Не надо-о!!!

Боль ослепляла мозг, но сквозь ярчайшую вспышку, поглотившую всё вокруг, она отчётливо понимала, что это мать зовет её к себе, тащит за собой, в непроглядную тьму, вцепившись сухими скрюченными пальцами едва ли не в самое сердце.

Обе монашки и женщины, отпевавшие покойницу,

помогавшие накрывать стол к поминкам, услышав крик, бросились в кухню.

-Таньча! Таньча!

-Ой, бабоньки-и...

-Джемпер режьте, джемпер! Нож давай!

-Как больна-а...

Боясь лишний раз неосторожно прикоснуться к пострадавшей товарке, женщины донесли Татьяну Михайловну до спальни, разрезали, разорвали на ней одежду, обнажив розовую, вспухшую, изуродованную волдырями кожу. Она пыталась глубоко дышать, но это причиняло страдания, боль была невыносима. В возникшей суматохе, где никто и ничем не мог помочь, вынос гроба с покойницей и сами похороны стали второстепенным событием, и неловко топтавшиеся мужчины подхватились, и наконец-то ушли.

Подходя быстрым шагом к дому, Илья был поделовому сосредоточен, иногда смерть как продолжение жизни естественна и не более того; у всех есть предел отпущенного и перед каждым человеком стоит только один вопрос: как распорядиться тем, что отпущено? Когда же уходит пожилой человек, все понимают этот уход, как само собой разумеющееся, у усопшего было время разобраться с собой, наделать ошибок и успеть их исправить, сделать свой главный выбор в жизни. Илья тоже это понимал, но видеть покойников вблизи ему раньше не приходилось, похороны ветерана в соседнем дворе три или четыре года назад в счёт не шли, и теперь, открывая дверь в дом, он собирался с силами. Было тихо и пусто, значит, унесли, но, не успев порадоваться этому обстоятельству, он услышал приглушённые всхлипы в дальней комнате.

Почти втолкнув его в прихожую, следом вбежала, влетела запыхавшаяся соседка Варя, в руке у неё был

небольшой баллончик спрея, белый с иностранной надписью, который она несла перед собой, как флаг.

-Илья, ты? Тут такое дело, такое дело... Проходи, не стой.

Сил плакать у Татьяны Михайловны уже не осталось, она только сдерживала стоны, а когда это не получалось, негромко выла от не проходящей боли...

- Мама!

- Сынок, ты приехал. - Её как будто отпустило, как будто она дождалась того, кто всё должен исправить, - она прокляла меня.

Увидев открывшуюся картину, Илья нелепо вскинул руки, он даже не стал спрашивать, о ком она сейчас так странно говорила. Какими-то неведомыми путями он всё-таки понял и сам. В доме было не жарко. Татьяна Михайловна, раздетая по пояс, закрывшись руками, сидела на низком табурете, на котором только что чистила картошку, ей было стыдно, неудобно перед сыном... даже в этот момент, когда весь мир разлетался на куски. Наконец, обозначилась Варя, несколько минут пытавшаяся прочесть надпись на немецком языке на том самом белом баллончике.

- Таньча! Это пантенол! Средство от ожогов. У бабки Купчихи внук прошлой осенью гостевал, вот и оставил. Сейчас мы побрызгаем и все пройдет.

Молодая восторженная женщина, радостная уже тем, что хоть чем-то может помочь, принялась осторожно обрабатывать страшные обожжённые рубцы. Густая белая пена, напоминавшая взбитые сливки, обволакивала кожу, охлаждала. Боль медленно уходила, а Татьяна Михайловна впервые за многие годы почувствовала себя одинокой маленькой девочкой, Таньчей, от которой в этом мире ещё ничего не зависит.

- Я столько для неё сделала, столько сделала...

Когда она стала старой, ненужной, её все прогнали, ни одна сноха не приняла. Никто, никто кроме меня ей не помогал, а она... Она прокляла меня... За что? Она сказала, что Бога нет.

Илья - инженер-проектировщик, строитель - всю жизнь работал со схемами, цифрами, расчётами, эпюрами и по роду своей жизненной стези никогда не прикасался к тонким духовным материям, ничего не брал на веру. И вот сейчас, как будто заново владея цифрами и расчетами, он также сухо, механически перечислял доказательства, из которых выходило, что Бог, тот самый, в которого уже семьдесят лет или больше никто не верил, существует. Он есть.

-Мама, послушай меня, послушай. Давай посчитаем вместе. Первое - ты наклонилась над тазом за мгновение до того, как лопнул шланг. Кто отвёл тебя? Соображаешь - нет? Второе. Твоё лицо почти не пострадало; ухо, щека, подбородок - это же ерунда, ну? Что могло быть - лучше и не думать. И главное. Откуда в этой глухомани, где ближайший телефон только в сельсовете, где зимой только на санях и ездят, откуда здесь взялся пантенол? Откуда? Получается, три. Мама, Бог любит тебя, и я люблю. Мы с Богом любим тебя, что тебе еще надо?

-Ничего мне уже не надо, присядь, - Таньча здоровой рукой погладила сына по голове, попыталась улыбнуться, в глазах блеснули слёзы, но в них не было ни обиды, ни отчаяния. - Получается, три, Бог любит троицу.

-Ну вот, стала соображать. Всё остальное, - он усталое вздохнул, - это испытания, кому - вечная мерзлота, кому - аравийская пустыня. Тебе досталась пустыня...

Командировка, ещё говорят, вахта, наконец, закончилась. Теперь дело строителей довести проект до конца, а у Ильи отпуск, целый месяц отпуска.

Таньча встречала сына с особой радостью, поворачиваясь с нему то левой, то правой стороной лица.

- Смотри!

Под полуденным солнцем лицо отсвечивало крепкой молодой кожей, первым июньским загаром, от пережитой беды на нем не осталось и следа.

-Смотрю, - он улыбнулся, - ты настоящая красавица.

-У меня такой хороший доктор был, мальчишка! Ему всего двадцать семь лет. Возился со мной, как с маленькой, облепиховое масло с рынка приносил специально для лица. Видишь, ни одного шрама, это всё благодаря ему.

-Ты говорила, Бог любит троицу, - Илья обнял мать и зашептал ей на ухо, - четвертая - Богородица. Это она пришла к тебе в образе молодого доктора, чтобы снять твоё проклятье, чтобы ты никогда не сомневалась в её сыне.

Он поднял глаза, увидел в красном углу икону Божьей матери с младенцем; икона всегда, сколько он помнил, висела здесь, на видном месте, но всегда проплывала мимо глаз. Отстранившись, снова посмотрел на помолодевшее лицо своей матери, потом - на икону, лучившуюся тёплым светом. Илья Светлов прижимал к себе мать и совершенно не по-инженерному размышлял: с Богом надо как-то определяться...

Валентина ДОРОЖКИНА

Скрипка, смычок и... любовь

Скрипач счастливым не был.
Но вдруг влюбился он –
Был на седьмое небо
Любовью вознесён.

Как скрипка ликовала!
И ликовал скрипач:
Ведь в жизни было мало
У скрипача удач...

Но краткосрочно счастье –
Любовь к другим ушла.

Дорожкина Валентина Тихоновна - поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России; автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии» (2004), справочника «Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков» (2006), учебного пособия «Литературное краеведение» для учителей и учащихся (2007). Лауреат многих литературных премий, награждена медалью М.А.Шолохова». Заслуженный работник культуры РФ (1997). Кавалер ордена Дружбы (2003). Почётный профессор ТГУ имени Г. Р. Державина (2009), Почётный гражданин города Тамбова (2010).

В душе – опять ненастье.
И песня умерла.

В безумство впал скрипач
И совершил ошибку:
Совсем забросил скрипку...
А музыка, хоть плачь,

И по ночам, и днём
Ещё сильнее звучала, –
Не умолкало в нём
Его любви начало.

Но осознание дара
Не прибавляло сил.
Смычок и скрипку – пару –
Он разлучить решил:

Поднявшись на чердак,
Он там оставил скрипку;
Не удержал, чудака,
Злорадную улыбку.

В подвал спустился он,
Смычок на гвоздь повесил
И стал почти что весел,
Свободой окрылён.

И ночь спокойно спал...
Но вот, уже под утро,
В сиянье перламутра
Он скрипку услышал.

Скрипач, вскочив с постели,
Прислушался: «Опять!»
И удержался еле,
Чтобы не закричать.

Откуда эти звуки?
Зачем они теперь?
И по какой науке
Через глухую дверь

Проникли из подвала,
Проникли с чердака?
Ведь скрипка без смычка
Одна б не заиграла!

Собрав остатки сил,
Он двери отворил...
А там, в восходе алом,
Любовь его стояла

***

Снова слов – великое множество,
Да вместить их все не дано...
Надо было иметь мужество,
Чтобы выбрать из них одно:

Либо слово – душе раздолье,
Либо слово – седьмая печать...
А пока пребывала в раздумье,
Стало поздно уже выбирать.

И растрачено время напрасно,
И не греет живой огонь:
Слово вспыхнуло и погасло
И упало пеплом в ладонь

***

В душе моей – отметинка:
Молюсь теперь легко...
Чиста, прозрачна Сретенка,
И небо – высоко.

И с верой православною
Просторно – ввысь и вширь:
Там – церковь златоглавая,
А дальше – монастырь.

И так свободно дышится:
Ушёл из сердца страх.
Лампадки свет колышется,
И молится монах.

Светло в его обители,
Из окон – прежний вид...
И Храм Христа Спасителя
Нетронутый стоит.

Яблоня

Метели упали с разбега,
Сугробы-стога намели,
И ветки под тяжестью снега
Склонились до самой земли.

Зима моё тело сковала:
Стою, от мороза бела.
Но я никогда не стонала,
Весну терпеливо ждала.

Природа терпению учит,
Не сетую я на неё...
И вот первый солнечный лучик
Обрадовал тело моё...

Весна наступила, и снова
Такая вокруг благодать!
И, снежные сбросив оковы,
Я стала зелёной опять.

Теперь бы ветрам не поддаться –
Поможет небесный покров! –
Ах, если б ещё мне дожждаться
По осени дивных плодов!

Музыка и слово

Опять, словно с небес, стекает
Волшебных звуков акварель.
Что это? – скрипка ли рыдает,
Печалится ль виолончель?

И слышится Оттуда слово...
Кто для тебя его прорек?
Зерно златое иль полова –
Тебе награда, человек?..

И, что бы мы ни говорили,
Как ни пытались рассуждать,
Подвластно только Высшей силе
Особым даром награждать,

Связать Божественными узами
Земную силу родников:
Один родник - рожденье музыки,
Другой – рождение стихов.

Михаил ВОЛЧИХИН

На 2-й Полковой студенческой улице в Тамбове.

Не Париж, не Тибет,
не Москва, не Гавайи,—
я иду по тебе —
говори, Полковая.
Говорите ненастные
тополя, говорите
о булгаковском Мастере
и Маргарите.
О восторженной вузовке
и о санскрите,
говорите о музыке,
о друзьях говорите.
Нас давно поезда

Волчихин Михаил Васильевич родился в 1958 году в деревне Егоровка Знаменского района Тамбовской области. Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. С 1987 года живет в городе Жердевке. Работал в редакции местной газеты, в настоящее время работает в ПАО «Ростелеком» Стихи М.В.Волчихина опубликованы в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъем» (Воронеж), в коллективных сборниках. Автор двух поэтических сборников «Ясень» и «Мы возвращаемся». Через все стихи автора красной нитью проходит любовь к малой родине, к России.

разбросали по карте,
но стучится, что за
километрами памяти.
Не уйдёшь по тропе,
не заполнишь, как пустошь,
не притянешь к себе,
от себя не отпустишь.
Я иду сам не свой,
и прохожих не знаю,
по второй Полковой,
точно весь наизнанку.
На ветру, на виду
кружит память, как чибис.
Я уехал, а душу
точно не вывез.
Этажи, багажи –
грусть-печаль вековая –
через город и жизнь
пролегла Полковая.

Не дай мне, Бог!

Не дай мне, Бог, пройти и отвернуться
от той земли, где прадеды лежат;
не дай мне, Бог, забыться и споткнуться
в эпоху распродаж и дележа.

Не дай мне, Бог, прибиться к хищной стае,
от матери отречься и креста;
не дай мне, Бог, своих детей оставить
без притяженья отчего гнезда.

Не дай мне, Бог, лишить кого-то крова
иль вырубить плодоносящий сад;
не дай мне, Бог, не полюбить святого
и грешника камнями забросать.

Не дай мне, Бог, предать однажды друга
на перекрёстке тысячи дорог,
и даже в рабстве проклятого круга
не дай мне, Бог, не дай, не дай мне, Бог.

Не дай мне, Бог,
в отечестве быть ссыльным,
быть ратником рассеянных дружин;
не дай мне, Бог, скитаться блудным сыном
и возвратиться, но уже чужим.

Не дай мне, Бог, в пути разбиться снова
на тех же самых кочках до крови,
не дай мне, Бог, сказать пустое слово,
в котором – ни надежды, ни любви.

По Руси

Не знаешь, откуда берётся грусть,
тоска и любовь к дорогам,
как будто вдали проступает Русь
перед родным порогом.
Почувствуешь тяжесть житейских пут
и райскую радость нищих,
как будто тебе открывают путь,
который ты в сердце ищешь.
Когда по земле расставляют силки

и в сеть загоняют ветры,
потянет в поля целовать васильки
и обнимать рассветы.
Когда под ногами сжигают наст
и души сжигают, – ты же
простишь, кто однажды тебя предаст
и кто отречётся трижды.
Расскажут потом о таком-сяком,
причудливом человеке,
который пошёл по Руси босяком
бродить в двадцать первом веке.

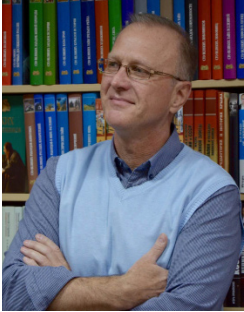
Край

Захватчу любовь с обидой,
допоздна оставлю быт.
Край ты мой полузабытый,
как же нам с тобою быть?
Что-то в нас переменялось,
что-то в нас перевелось -
то ли совесть, то ли милость,
то ли русское авось.
Про любовь, да не про нашу
тиражируют роман.
Всё-то нынче - на продажу,
всё-то нынче - на карман.
Загляжусь светло и просто,
как гляжу на образа, -
грустью отчего сиротства
переполнятся глаза,
небо, кажется, прольётся,
белым облаком рябя...
Как не вычерпать колодца,

так не вылюбить тебя.
Но как быть теперь, не знаю,
знаю только, что от бед
свою душу наизнанку
с болью вывернет поэт.

Книга памяти

В книге переложены страницы,
листьями отмечены вдвойне,
точно приглашение поклониться
землякам, погибшим на войне.
Списки, обозначенные датами,
поимённо, строчка за строкой,
тех, кого оставили солдатами
в бесконечной памяти людской.
Сердце, может быть, и не расплатится –
по России реки солонь,
только боль родства и боль землячества
не уходит со времён войны.
В толстом томе, но не утомительны,
списки, как набат и бабий всхлип:
деревеньки, имена, фамилии,
и затем – погиб, погиб, погиб...
Показалось мне в осенней замяти
русских городов и деревень,
что для многотомной Книги памяти
опадает жёлтая сирень.

Олег АЛЁШИН

Мара*

Войду не в лес, а тёмный парк трудов забытых,
Где циркуль властвовал, шагая взад-вперёд,
Вымеривая белизну колонн, увитых
Плющом, и тишь дубов аттических пород.
Когда-то католическим мужским хоралом
Кирпичный грот парил над суетой запруд.
Дочь Дельвига, укрывшись в кресле покрывалом,
Пыталась позабыть дневной напрасный труд.
Не знаю для чего, решил собрать гербарий –
Наглядное пособие прогулок без друзей.
Но не ботаник парк – гуманитарий,
Точнее, кем-то обокраденный музей.
Деревья голые, как рама без картины,
Печально обрамляют жизни пустоту.
Повсюду липкие растяжки паутины

Олег Алешин, поэт. Работал преподавателем, журналистом, дворником. Сейчас трудится в аппарате одной из парламентских партий. Член СП России в 2001 года. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, семинар Юрия Кузнецова. Автор шести поэтических сборников, публиковался в известных литературных журналах и альманахах.

*Родина поэта Е. А. Боратынского.

Безвольно ловят тёплый ветер на лету.
Гербарий мой наполнился холодным светом
На сером мраморе. Немногое, увы,
Что сохранилось в Маре имя Лизавета
Среди дорог, заборов и сухой травы.

Асеевский парк

*Говорят, что одна из дочерей фабриканта Асеева, которая была
нездорова, любила кататься на ослике по усадебному парку...*

...Мертворождённые фонтаны,
Скульптуры, не познавшие резца...
И только сырые каштаны
Забыть не могут мрачного жильца.
Его безумное дитяти,
Как встарь сквозь сумрак мрачных колоннад,
Въезжает на седом осяти
В пропахший гнилью старый барский сад.
И как-то жутко мне от тени
Легенды этих мест...
Но ерунда:
В былое тень куста сирени
Играет с каждым, кто пришёл сюда.
Но взгляд безумства воспалённый
Мне чудится из каждого угла,
Как свет, от жизни отрешённый,
На синих гранях битого стекла.

***

Стараюсь соответствовать ландшафту:
Я также скушен, неприметен и уныл.
Кольцом свинцовым немца брудершафта
Жонглировать нет ни желания, ни сил.
Зима пустым грузовиком застряла
Меж городом и тлеющим вдали селом.
Промозглый ветер, словно вышибала,
Вашей толкает. Кто-то каторжным кайлом
Стучит на улице. Без права переписки
С вчерашним днём, без права быть самим собой
Пока живу по адресу своей прописки.
Бежать мне некуда. Я отпустил конвой.
Платонов был здесь и старик Державин,
И Лермонтов проехал как-то стороной.
Теперь их имена над скипом старых ставен
Внушают мне не смысл, но утренний покой.

Евстахий НАЧАС

Ночная гроза

Сверкала молния над Цной ночной,
всех ослепляя: недруга и друга.
Но дом мой не ковчег и я не Ной,
а грешник, как и многие в округе.

Раскаты грома рвали небеса,
как мины под Пальмирой твердь земную.
Такой была на Троицу гроза
и был финал её непредсказуем.

Висел стеною ливень проливной
и я, Господь – свидетель, испугался,
что тот потоп, когда спасался Ной,
с такой грозы ночной и начинался.

Евстахий Начас – поэт, журналист, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1940 году в селе Ярчевцы Тернопольской области (Украина). Окончил филологический факультет Тамбовского педагогического института. Работал учителем в Красноярском крае. Автор многих книг стихов. Заслуженный работник культуры России, лауреат областных литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова».

***

*«Молитесь, просите, кайтесь...»
Святая Матрона Московская*

Молитесь, просите и кайтесь,
земля почернела окрест.
От прошлого не отрекайтесь –
прошлое это наш крест.
Просите, чтоб Бог не оставил
наш мир без опеки святой,
чтоб хуже, чем были, не стали,
чтоб были людьми, не толпой,
чтобы шли мы не по наклонной,
чтоб вьюги нас не замели,
чтоб каялись только с поклоном
и лбами касались земли!

***

Ни на миг не покину родную мне Русь,
чтоб уехать на малую родину к брату...
Я уже никогда босиком не пройду
по стремительным кручам и вверх и обратно.

Ворсклу-речку я вброд не смогу перейти,
на песчаной косе не смогу поваляться...
Мне в Полтаву теперь перекрыты пути,
мне в краях, где я вырос, нельзя появляться.

В предварительной кассе билет не куплю
ни в Тернополь, ни в Зборов над светлою Стрепой,
украинец, я Русь по-сыновьи люблю, –
только в Киеве эта любовь под запретом.

Галлицийцами стали вдруг все земляки,
русофобами – в Раде России не рады,
а недавно ещё казням всем вопреки
были общими Майские наши Парады.

Были общими Чоп, Трускавец, Днепрогэс
и Донецкий бассейн и огни Запорожъя.
Сыновей Кобзаря искусил, видно, бес, –
я не верю, что это была воля Божья.

Моя малая родина стала иной –
участь горькую выбрал майдан оголтелый.
Я уже никогда не увижу весной
ни круженье стрижей, ни калины цвет белый.

Я уже никогда головой не склонюсь
над могилами дедушек, бабушек, брата...
Я уже никогда босиком не пройду
по стремительным кручам туда и обратно...

***

*«Хаос чувств, настроений и мыслей»
Серафим Саровский*

На Руси, как и прежде, тот плачет
над последним рублём в кошельке,
тот жирует, тот злобы не прячет,
свою совесть зажав в кулаке.

Вновь какая-то тайная сила
нас втянула в свою круговерть –
много судеб в могилу зарыла
без святого причастия смерть.

«Хаос чувств, настроений и мыслей»
тянет в гиблое царство теней.
Ложь и зависть, как тучи, нависли,
тьнь от них всё черней и плотней.

Они спрутами с Запада лезут,
жёстким щупальцам нету конца.
Как порезы на теле от лезвий
православные ноют сердца.

Невидят нас бывшие братья,
строят стены вдоль наших границ,
и слышны из-за стен тех проклятья
и тирады пустых небылиц.

Подрастает преступное племя,
их отцы могут врать и орать.
В чумовое позорное время
не хотелось бы мне умирать.

Татьяна КУРБАТОВА

Мой город

Город мой любимый!
Я твой давний пленник.
Мчатся над Тамбовом
Вечности мгновенья.
Время тихо дремлет
в зданиях старинных.
Летопись Тамбова
вьется свитком длинным.
Вижу сквозь столетья
крепость над рекою, –
Град-Тамбов над тихой,
неприметной Цною.
Из веков струится
каждому родное

Татьяна Курбатова – поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила музыкальное училище им. С.В. Рахманинова, факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института (ТГУ им. Г.Р. Державина). Возглавляет литературно-творческое объединение «Радуга» при писательской организации. Несколько её стихотворений стали песнями, музыку к которым написала композитор Ольга Егорова. Награждена знаком «За заслуги в культуре».

Родины дыханье,
сердцу дорогое.
Над дождём весенним —
радуга подковой.
Край, дождём умытый,
улыбнётся снова.
Растворюсь в душистом
трав степных цветенье.
Сердце отзовётся
соловиным пеньем!

***

В последний раз распахнуто окно.
Уже прохладно.
Дней веретено,
Кружась, листву осеннюю сметает.
На травах иней солью проступает,
В бокале озера прозрачное вино
Янтарным блеском призрачно мерцает.
Уже светает.
Жёлтый диск луны
В сатине синем медленно бледнеет,
И неба край за облаком алеет,
Не нарушая чары тишины,
Язык волны
лениво берег лижет.
Всё ближе день. Распахнуто окно.
В глубинах озера просвечивает дно.
И первый луч росу на нить нанижет
И бросит осени на светлое чело.

Челнок скользит по глади водоёма,
Разрезав надвое прозрачное стекло.
Страницы пожелтевшего альбома
Листает осень.
Распахни окно!

***

Фонтаны – звон хрустальный, трепет струй
Сливается в летящем упоенье!
Фонтаны – брызги, капельки мгновений
И нимфы мраморной холодный поцелуй.
Сиянье радуги – высок души полёт!
Фонтан поёт, летит навстречу свету,
Подхваченный весенним тёплым ветром.
Звенит капель весёлых хоровод.
В дворце Асеевском воскресший Петергоф, –
Истории бессмертные страницы.
Фонтан ликует, радуется, струится!
Сверкают брызги, словно капли слов!

***

Мой тост за них:
    несбывшихся, неждавших,
И встреченных, да мимо прошагавших.
Не любящих, увы, но так любимых,
Не помнящих, но в памяти хранимых.
Как вам живётся?
    Что вам ночью снится?
И кто листает ваших дней страницы,

Склоняя к вам заботливые лица,
Кто в вашу дверь,
        кто к вам в сердца стучится?
Пью за любовь!
И, всё ж, за безответность.
И веря и не веря в волшебство.
Пью за твоей улыбки колдовство
И розовых мечтаний несусветность...
Чуть возродившись, погибаю вновь,
Так заболев тобой неизлечимо.
А годы – мимо, вёсны мои – мимо...
И, всё же, так хотелось быть любимой...
Неисцелима первая любовь!

Василий КРАВЧЕНКО

Дым Отечества

По Верхотурью прокатился слух - приезжает важная немка, баронесса: у неё во время войны в этом селе погиб брат. Главе администрации района Соловьёву позвонили аж из Москвы, чтобы организовал всё должным образом. Виктор Павлович не стал ломать голову, а тут же вызвал хозяйку кафе «Рябинка» Зинаиду Баеву и дал наставление:

- Приведи в порядок отдельный кабинет. Никаких забулдыг туда не пускай. И чтобы наготове были всякие там салаты, котлеты. И рыба. Да не хек, сама понимаешь...

- Хек ещё поискать надо!

- Не умничай! Курятину не подавай: у них это - дешёвка.

Василий Васильевич Кравченко (18.05.1937 г. - 26.02.2013 г.) Писатель, журналист, член Союза писателей России. Первый рассказ опубликован в газете «Тамбовская правда» в 1959 году. Начиная с 1970-х годов, в Центрально-Черноземном книжном издательстве выходили книги В. Кравченко: «Лето в Озерках» (1973), «Время долгих ночей» (1974), «Беспокойный человек» (1979), «Личное дело следователя Дудникова» (1990), «Лицедеи» (1992). В 2000-х годах в Тамбове изданы книга рассказов «Зубы дракона», роман «Графский наследник», «Сага о заблудших». В последние годы жизни Тамбовским отделением Литфонда России выпущены сборники рассказов «Дым Отечества» и «Не суждено нам жить в Париже».

- Платить кто будет? - задала вопрос Зинаида, работавшая раньше в кафе официанткой, но сумевшая так повернуть дело, что бывшая районная столовая перешла в её собственность.

- Гм... А за счёт заведения?

- Виктор Павлович! Сколько можно? Ещё и немцев кормить буду? Добро бы одну, куда бы ни шло. Не каждый день баронессы бывают в моём кафе. - Зинаида засмеялась, представив свою публику. - У неё сколько сопровождаемых будет? И немцев, и наших.

- Гм... Над этим подумаем, - почесал затылок глава района. Ну, морока... Придётся из бюджета выкраивать. Как помочь малоимущим.

- А зачем она приедет, баронесса эта?

- Да брат у неё здесь погиб. Обер-лейтенант. Тоже барон. Желает поклониться, так сказать, могилке.

- От жиру они бесятся, - сказала Зинаида. - Делать нечего, вот и ездят... А что, и могилка нашлась?

- Тебе бы, Зинаида, следователем работать, - с досадой ответил глава района. - В самом деле, ведь спросит... А где он похоронен? Кому он нужен был, этот барон?

- Надо Ивана Бастрькина поспрашивать, - посоветовала Зинаида. - Он вроде, говорят, с партизанами знался...

- Так, короче говоря... Ты можешь идти, - подытожил Соловьёв, хлопнув по столу ладонью. - Мы тут обмозгуем...

Часа через два старый, потёртый и слегка пьяный, а может, просто не похмельённый, Иван Бастрькин сидел в кресле возле стола главы администрации.

- Обер-лейтенанта? Помню! Как же, отлично помню! - громко и уверенно говорил он. - Поступило мне такое приказание: уничтожить этого вредного фрица. Каратель был!

- Дед! Что ты несёшь! - прервал его Соловьёв. - Тебе

сколько лет было? Не больше двенадцати?

- Ха! Мы тогда, знаешь, какие были! Орлы! Не зря же меня признали ветераном. И пенсию получаю ветеранскую...

- Ладно, Иван... Как тебя по батюшке?

- Степаныч.

- Иван Степаныч, не будем касаться твоей пенсии. Получаешь - и слава Богу. Ты не можешь вспомнить, где похоронили этого самого обера?

- Помню! В аккурат за селом.

- А место найдёшь?

- Запросто! Мне бы только вот самую малость...

Бастрыкин щёлкнул себя по кадыку и затем пальцами изобразил, сколько ему нужно для просветления памяти.

Соловьёв pokrивился, но открыл сейф, достал бутылку и налил в стакан. Секунду помедлил и налил во второй, для себя.

Потом они поехали за околицу. И, правда, Бастрыкин, ковыляя на старческих, пришибленных алкоголем ногах, уверенно повёл Соловьёва среди бурьяна к старой берёзе, возле которой виднелся бугорок.

- Вот здесь! В самый аккурат!

- Ты уверен?

- А то! Точнее не бывает.

- Ладно, спасибо. Вот тебе ещё на опохмелку.

- Уважаю, - сказал Бастрыкин, пряча ассигнацию. - Это натуральная власть, когда при деньгах.

Савельев негромко ругнулся, сел за руль и отвёз Бастрыкина в центр села, а сам завернул в мастерскую по ремонту сельхозтехники. И на следующий день возле могилки обер-лейтенанта была возведена железная ограда, выкрашенная в зелёный цвет...

А затем приехала она, самая натуральная немецкая баронесса, дама лет за шестьдесят, в белоснежном костюме,

розовой шляпе с широкими полями, вся покрашенная и надушенная. С нею, конечно, - всяческий народ. Когда сели за стол, то набралось человек пятнадцать.

Баронесса Берта фон Зауриц, урождённая фон Штаубе, хоть и с заметным акцентом, но хорошо говорила по-русски.

- Наша семья до революции, когда у вас был царь, жила в Петербурге. Наш прадед был банкиром. А потом, когда началась у вас гражданская война, семья переехала в Германию. Дедушка заранее перевёл капиталы и открыл банк в Мюнхене. Наша бабушка была русской. И мама тоже. Она тяжело перенесла гибель Курта. Я его совсем не помню, потому что была ребёнком. У нас всегда висел на стене его портрет. И мама завещала мне, чтобы я нашла его могилу. Потому я и приехала. Мне сказали, что могила существует...

- Да-да, - торопливо подтвердил Соловьёв, - наши следопыты разыскали. Привели в порядок. Можно хоть сейчас...

- Нет, я устала... Давайте с утра.

- Вы будете ночевать? - удивлённо и вместе с тем озабоченно протянул глава. В его планы это не входило. Мысленно он прикидывал, во что обойдётся ему это гостевание.

- Да, я хочу посмотреть этот населённый пункт. Эти улицы, по которым ходил мой брат... Я представляю, как ему было здесь одиноко, - с грустью говорила баронесса.

- Да уж, конечно, - тоскливо кивал головой Савельев.

После обеда, во время которого гостя съела ломтик рыбы с отварным картофелем и блинчик с творогом, её повели в районную гостиницу, где ещё от прежнего режима остался «обкомовский» номер с санузелом и ковром на полу. Последнее время здесь жили кавказские торговцы,

но в данный момент номер пустовал. Канализации в селе не было, пользовались выгребной ямой, поэтому из унитаза всегда мерзко пахло. Вспомнив об этом, Савельев поморщился, но отступить было некогда.

Баронесса, конечно, сразу учуяла этот запах и запротестовала:

- Я здесь не буду спать! Бедный Курт! Я представляю, как он мучился в этих условиях! Дайте мне люкс! Я хочу за свои деньги получить человеческие условия.

- Это и есть люкс! - сказал Соловьёв. - Лучше у нас ничего нет.

- Поедем в областной центр, - предложил кто-то из начальства повыше. - Тут и есть полсотни километров.

- Хотите разбить меня на этой ужасной дороге? Нет, уж лучше я здесь останусь, - смирилась баронесса. - Может быть, здесь ночевал мой брат...

Разубеждать её никто не стал. Во время войны и самой гостиницы-то не было, не то, что «люкса» с унитазом.

Распрощавшись с аристократической гостьей, все вышли на улицу, где взмокший глава района вытер лоб и ругнулся:

- На кой хрен нужна нам эта б... баронесса? Кто это придумал?

Представитель германо-русской дружбы из Москвы оправдывался:

- В рамках заключённых соглашений...

- Рамки... Они тут народ вешали, а нам принимай...

На следующий день после завтрака, за которым баронесса есть ничего не стала, а потребовала сливок, кофе и рогалик (за сливками сбегали в молокоприёмный пункт, а вместо рогалика подали вчерашнюю ватрушку), к могиле отправилась целая процессия. С букетом в руках впереди шёл сам Савельев (цветы срезали у здания администрации),

рядом с ним - баронесса, а уж остальной народ - за ними.

Возле холмика с оградкой гостья рукой остановила процессию, взяла цветы и одна пошла к могиле. Долго стояла молча, вытирая белоснежным платочком сухие глаза.

Возвратившись к остальным, она произнесла:

- Я понимаю... Они пришли сюда как завоеватели...

Их ненавидели. Но ведь они были мальчишками. У них тоже были мамы и папы... Я не помню Курта, но знаю, что он был добрый и искренний. Давайте простим их всех. Они не виноваты. Ведь правда же?

Присутствующие молчали. Они не знали, что говорить, у каждого в роду были погибшие на той войне. Надо ли прощать того, кто пришёл с мечём на чужую землю? Ну, жаль, конечно, это всем понятно...

Соловьёв, прерывая затянувшуюся паузу, сказал:

- Фрау Берта, у нас запланировано посещение пасеки.

- Ах, пасеки! Это очень хорошо, - охотно переключилась баронесса.

Все облегчённо вздохнули и отправились в село.

К вечеру немецкую гостью, нагруженную сувенирами и гостинцами, отправили в областной центр, откуда она отбыла в Москву. А те, кто остался в селе, потирая руки и посмеиваясь, зашли в кафе «Рябинка» и как следует отметили выполненный долг гостеприимства.

Мы же вернёмся к военному времени, к сорок третьему году, - к тем событиям, которые предшествовали гибели обер-лейтенанта.

***

На первый взгляд, казалось: ничто не свидетельствует о проходящей где-то линии фронта. По утрам, когда крепкий мороз сковывал деревья и покрывал их густым инеем, над крышами стояли дымы. Кто топил дровами, у

тех они были светлее и быстрее, а кто мог разжиться только кизьяками или соломой, у того из трубы валил густой, тяжёлый дым и быстро оседал на землю, расстилая прелый запах.

Затаившиеся петухи иногда нарушали покой, но быстро умолкали. Им было отчего таиться: голодная солдатня рыскала по селу в поисках поживы.

Шёл второй год войны. Фронт уже откатился от Волги, и тихими утрами, если прислушаться, можно было уловить гулкие удары, словно кто-то обухом бил по твёрдому пню.

Обер-лейтенант барон Курт фон Штаубе каждое утро, без пяти минут восемь, выходил из дома, натягивая на ходу перчатки из прекрасной кожи (подарок мамы перед отправкой на фронт), садился в коляску мотоцикла и ехал на службу в комендатуру.

Хозяйка дома Вера Степановна, бывшая до войны колхозным бухгалтером, с ненавистью наблюдала из окна за своим постояльцем. С полгода назад он заявился в дом непрошенным-незванным, прошёлся в сапогах по всем комнатам и сказал на чистом русском языке, правда, чуть картавя:

- Я здесь буду жить. Вот здесь и здесь, - он показал рукой на две смежные комнаты. - Я люблю чистоту.

Делать нечего. Перетащила Вера Степановна с дочерью Катей свой скарб в небольшую спальню. Вера Степановна достала из кладовки старый тюфяк, постелила у стенки, а дочке отдала кровать.

Немец оказался спокойным и вежливым. Он брился каждый день, и хозяйка обязана была подавать ему горячую воду; ежедневно менял рубашки, их надо было стирать и гладить; одекolonился и натирался какими-то пахучими кремами и мазями.

- Прямо парикмахерскую развёл, - ворчала Вера Степановна. - Меня уж бабы сторонятся, так от меня пахнет.

- Сразу видно культурную нацию, - возражала ей Катя. - Да к тому же - барон!

- Ты не очень-то верти перед ним задом! - прикрикнула мать. - А то я не вижу! Наши двое на войне. Неизвестно, живы ли они...

Вера Степановна всплакнула. Муж её, тракторист МТС, ушёл в танковую часть с первых же дней войны, а Виктор, сынок, - следом за ним, добровольцем. Ему ещё и восемнадцати не исполнилось. Своими мужиками Вера Степановна гордилась: не пьющие, работающие, вот этот дом-красавец срубили на удивление всему селу. Витька, правда, дальше семилетки не пошёл, не манила его наука, мечтал выучиться на тракториста, как отец, даже прицепщиком у него работал. Но война спутала все планы. Счастливы жили, дай Бог каждому, да вот немчура проклятая навалилась...

А Катя и в самом деле не в меру вертелась перед бароном. Он, конечно, молодой и даже красивый, но ведь немец! На них, на хозяек дома, смотрит как на пустое место: в глазах даже презрения нет, а просто – холодная вода.

- Я очень люблю чистоту, - повторил он на второй день постоя. - Вы эти тряпки сбросьте, - показал он пальцем на домашнюю одежду Веры Степановны. - Всё должно быть красиво. Культурно.

Пришлось доставать из сундука праздничную шерстяную юбку, штапельную блузку, которые раньше надевала только к Первомаю да на Октябрьскую.

Остроглазая соседка Нюра Бастрыкина это заметила и съязвила:

- Чтой-то ты, Степановна, по будням наряжаться стала... Повезло тебе с постояльцем. Вона сколько дров привезли! Топишь так, что стены трещат от жары на всю деревню.

Ух, язва проклятая! Так бы и вырвала ей поганый язык. Ну, а насчёт дров - это правда. Солдаты привезли громадную машину, напилели, накололи и в поленицы сложили. А дрова - берёзовые, дым из трубы столбом стоит, всему селу видно...

В доме было тепло, сухо, и зимними вечерами оберлейтенант расхаживал по дому в шёлковом халате, напевая свои любимые мелодии из оперетт. Однажды он привёз патефон, стал крутить пластинки, а потом позвал Катю:

- Фройлейн Катя! У меня сегодня день рождения. Я не стал приглашать своих товарищей, всё это - грубая солдатня. Потанцуйте со мной, это не есть предательство, - добавил он со смешком.

На столе у него стояла бутылка вина, на тарелочке лежали ломтики колбасы. Конечно, что возьмёшь с этой дурёхи Кати? Ей едва стукнуло восемнадцать. Напялила платье, из которого уже малость выросла, и юркнула на половину немца. А Вера Степановна сидела на кухне и с замиранием сердца слушала, что там делается.

Смеялись. Размеренным голосом барон что-то говорил, а Катя похихикивала. Прижимал он её, наверное, потому что иногда она негромко взвизгивала. Вышла Катя раскрасневшаяся, довольная.

Укладываясь спать, Вера Степановна сказала дочери:

- Ты не больно-то с этим бароном...

- Ой, да что ты, мама! Он такой культурный, вежливый... Ты знаешь, где учился Курт? В Ленинграде!

- Для кого Курт, а для тебя - барон! Ты для него - тля! Поняла? Ничто! Прислужница.

- Курт - интеллигентный человек. Он не фашист.

- Да? А кто повесил Никиту Боженка?

- Он не вешал!

- Конечно. Стал бы он руки марать. Приказал - и всё.

Катя хлопнула дверью и выскочила на улицу. В это время подъехал барон. На этот раз он сам сидел за рулём. В окно Вера Степановна видела, как он поманил рукой Катю, что-то сказал, и она обрадовано плюхнулась в коляску. И поехали по улице! Это сколько же народу глазело на такое представление! Вера Степановна залилась слезами от стыдобы.

А дальше - больше. Через несколько дней приходит эта змея ползучая - Нюрка Бастрыкина. Прикинулась этакой овечкой несчастной. Лицо горестное, как на поминках. Развернула узелок, достала сала кусочек да пяток яиц.

- Вот, Степановна, гостинец тебе... Знаю, что извела ты своих курочек.

- С чего это, Нюра, ты добрая такая?

- Дак времечко такое. Все мы должны друг дружке помогать. Моего Ванечку арестовали. Не слыхала? Вроде бы он, значит, помогает партизанам.

- Да какой из него партизан?

- Вот и я говорю. Ему всего-то пятнадцать.

«Ну, все семнадцать есть, - мысленно прикинула Вера Степановна. - Партизан! С парнями обчистил немецкий склад. Про это всё село знает. На рынке консервы продавал». А вслух сказала:

- Жаль парня...

- Степановна... Я чего к тебе... Ты бы замолвила слово.

- Перед кем? - вроде бы не поняла хозяйка, а у самой щёки загорелись.

- Ну, перед немцем своим.

- Он такой же мой, как и твой. Возьми да сама к нему и сунься.

- Ага, к нему сунешься. А вы всё ж родня...

- Какая родня? Ты, часом, не рехнулась?

- Ну, Катька твоя... Вроде как полюбовница у него.

- Чтоб у тебя язык отсох! А ну, убирайся отсюда со своими яйцами! - закричала хозяйка.

- Правда глаза колет? С чего ты стала наряжаться по будням? Всё село про это говорит. Погоди, вот наши придут... Баронесса сраная. Они тебе покажут, где раки зимуют.

- А я тебе сейчас покажу! - Вера Степановна схватила кочергу, и Нюрка пулей выскочила из дома.

- Потаскуха! Ты всегда такой была! За это и в бухгалтерях держали! - орала на всю улицу соседка.

На улице никого не было, но из окон прямо уши торчали. Скандал получился отменный. После такого - хоть в прорубь головой.

Когда Катя заявилась домой, мать набросилась на неё:

- Я тебе говорила? Я тебя предупреждала? Ты где шляешься целыми днями?

- А то ты не знаешь! На зерноскладе зерно просушиваем. Дай лучше поесть. Голодная, как собака.

Катя присела к столу. Лицо у неё было бледное, по виску стекала капля пота.

Перестав кричать, Вера Степановна обеспокоено спросила:

- Ты чего это? - и недобрая догадка полоснула в груди.

- Тяжёлая я, - тихо призналась дочь.

- Доигралась, сучка, - только и смогла вымолвить Вера Степановна. Она обречённо опустила руки на колени.

- И что прикажешь теперь делать?

- Аборт...

- Где?! Кто сделает?

- Ну, тогда я с ним уеду...

- С кем?

- С Куртом.

- В Неметчину? Так он и взял тебя, дуру деревенскую.

- Они отступают.

- Драпают. Слава Богу. И ты, значит, драпанёшь с ним, а я тут останусь для позора?

- А чего позорного? Любить человека - это позор?

- Так немец же. Оккупант. Фашист.

- А я виновата, что он мне понравился?

Мать с удивлением смотрела на дочь. Её ли кормила она своей грудью, качала на коленях? Когда она просмотрела её?..

К вечеру объявился барон. Молча прошёл на свою половину, снял шинель, а уж затем предстал перед хозяйкой:

- Фрау Вера Степановна! Я честный немецкий офицер. И не оставлю Катрин в таком положении. Завтра мы уезжаем. Соберите ей вещи. Самое необходимое...

И скрылся за дверь. Он не просил, не виноватился, он оставался бароном и оккупантом - он приказывал...

Сгущались сумерки. Вера Степановна зажгла керосиновую лампу (керосин тоже добывал постоялец), стала налаживать печку. Дрова были сухие, разгорались быстро и весело потрескивали.

Катя демонстративно прошла в комнаты немца. Зачем теперь скрывать свои отношения? Слышались приглушённые голоса. Скрипнула кровать. Потом наступила мёртвая тишина.

Вера Степановна вышла во двор. В ясном небе висела большая яркая луна. К ней тянулись редкие дымы, остро пахло палёным навозом. Где-то тихонько скулила голодная собака. Прислушавшись, женщина уловила глухие удары, тоскливо подумала: «Наши идут». Ещё

недавно это вызвало бы в её душе радость, а теперь тревога заставляла сердце учащённо биться.

Посмотрев на село, Вера Степановна перекрестилась и вернулась в дом. Подбросила дровишек в печку, подождала, пока они хорошо разгорятся. А когда от них остались только уголья и по ним забегали зелёные язычки, она широко распахнула дверцу печки, а вьюшку задвинула до упора. Села к столу, положила голову на руки и уснула...

***

Отгремела война. Погожим летним днём в село вошёл безрукий солдат, весело поглядывая по сторонам. Встречные здоровались с ним, но солдат чувствовал в их взглядах не любопытство и радость, а какую-то тревогу и сочувствие. Причину он понял сразу, как только подошёл к своему дому с заколоченными окнами. Он сел на ступеньку крыльца и опустил голову. К нему подошла соседка Бастрыкина, горестно посмотрела, поджав сухие тонкие губы.

- Ты, что ли, Витёк?

- Он самый.

- А я смотрю...

- Где мой?

- Так ты ничего не знаешь? Батя твой под Курском...

А маманя с Катькой газом отравились...

Тут соседку прорвало, горестное выражение лица исчезло, она с азартом стала рассказывать о событиях последних дней оккупации.

- Иди, - сказал Виктор, выслушав её информацию. -

Знаю я твой брехливый нрав. Иди, а то прибью.

Угроза прозвучала тихо, но так, что соседка поспешила убраться восвояси.

Виктор провёл рукой по стриженным волосам.

Выходит, зря воевал? Ни дома, ни семьи. Дом, конечно, вот он, стоит целёхонький, да как же в нём жить?..

К вечеру, забросив на плечо тощий солдатский вещмешок, он покинул село. За его спиной полыхал их дом, но он ни разу не обернулся. Надолго они с отцом строили его, для многих поколений. Мечтали о счастливой жизни...

... Прошли годы. Подрос Ванёк Бастрыкин. Прямо сказать, парень оказался непутёвый: и попилвал, и поворовывал, и хулиганил, но как-то ловко избегал отсидки.

А однажды в райцентровской столовой похвалился дружкам:

- А ведь это я обер-лейтенанта порешил. По заданию партизанского штаба. Проник в дом и закрыл вьюшку.

- Врёшь, Ванёк! Тебя бы за это наградили.

- По малолетству обошли...

Выдумка эта крепко засела Бастрыкину в голову. Путёвого человека из него не вышло, на одном месте долго не работал, и когда дело подошло к пенсии, тут он и стал козырять своим «подвигом». Заручился-таки двумя свидетельскими показаниями, что действительно помогал партизанам, приносил ценные сведения. А поди, докажи, что это не так, если в живых осталось-то всего - ничего. Признали Бастрыкина ветераном войны, стал он перед молодёжью выступать, а потом и ветеранскую пенсию получать. На посещение «Рябинки» хватало. Тут он фраерился:

- Дают, значит, мне задание: взорвать вражеский эшелон...

- Да хватит заливать, Ванёк!

- Для кого Ванёк, а для кого – Иван Степанович!

Сейчас как врежу по-партизански...

С ним не хотели связываться. Ну, приведут в милицию,

там пожурят ветерана и домой отвезут. Свои же все...

После того, как уехала сестра обер-лейтенанта, Бастрыкин сидел с друзьями в кафе и саркастически улыбался.

- Ты что такой загадочный, Ванёк? - спросили у него. Несмотря на почтенный возраст, «ветерана» так никто по отчеству и не величал.

- Да как же... Эта баронесса-то... Цветочки на могилку. Слёзки пустила. А знаете, кто там покоится?

- Ну?

- Я своего пса Дружка там зарыл. Года три назад издох. Мне жалко было его в овраг выбрасывать. Славный был пёс. Вот я его там и зарыл.

- Зря ты так, Ванёк... Как-то нехорошо...

- Ага, а вешать людей - хорошо?

- Ну, тебя же не повесили? А ведь это ты склад обчистил...

- Мне было такое задание. Сейчас как врежу!..

Такая вот история приключилась в селе Верхотурье. Кто хочет подробнее - расспросите Ваньку Бастрыкина. А найти его просто: кафе «Рябинка», в центре села.

Николай НАСЕДКИН

Фундамент тамбовской литературы

Очерк истории тамбовской литературы «От Державина до...» вышел отдельным изданием в 1993 году. Подросли поколения читателей, которым хочется напомнить, на каком фундаменте создавалась и создаётся литература недавнего (советского) и сегодняшнего времени. В публикуемом фрагменте очерка речь идёт о прозаиках и поэтах периода от Державина до начала XX века.

Существуют карты географические, политические, исторические. Точно так же можно представить себе и литературную карту страны. На карте этой Тамбовщина занимает своё и довольно видное место, а сам Тамбов, конечно же, «кружком означен навсегда».

Понятие «тамбовская литература» - понятие широкое. Здесь надо говорить о таких писателях, как Баратынский, Вирта, родившихся на Тамбовщине. Не обойти вниманием

Наседкин Николай Николаевич - прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1953 году в Читинской области. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшие литературные курсы. Работал в тамбовской газете «Комсомольское знамя», редактором в издательстве ТГУ им. Г. Р. Державина. Публиковался в столичных журналах. Автор многих романов, повестей, рассказов, пьес. Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова»

и такие фигуры, как Державин, Платонов, чьи «малые родины» лежат вдали от берегов Цны, однако в биографиях которых Тамбов играет значительную роль.

И уже целые тома написаны о связях с Тамбовщиной Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, хотя они никогда не жили в наших краях, но и их творчество добавляет своеобразные штрихи, «топографические знаки» на литературную карту Тамбова. Вот, к примеру, есть такая легенда: прекрасный русский писатель Александр Иванович Куприн гневался, когда слышал свою фамилию с ударением на первом слоге - Куприн. Он резко обрывал собеседника, поясняя: «Фамилия моя - Куприн, по реке Купре, что в Тамбовской губернии. Попрошу запомнить!» Ведь приятно знать, что предки А. И. Куприна имеют тамбовские корни и что писатель этим гордился.

Одним словом, о тамбовской литературе во всех её гранях, проявлениях, со всеми именами и произведениями можно и нужно написать солидный учебник и преподавать историю тамбовской литературы в тамбовских школах хотя бы факультативно. Задача автора данного краткого очерка намного скромнее - очертить лишь контур литературной карты Тамбовщины, нанести на неё основные, ключевые «топографические знаки». Из-за недостатка места придётся что-то опускать вовсе, о ком-то упоминать лишь вскользь.

Итак - очерк (от слова «очерчивать») тамбовской литературы в её развитии почти за двести лет.

(В данном фрагменте речь пойдёт о периоде со времён Державина и до создания в Тамбове писательской организации.)

Классики

Намеренно слово классики пишется здесь без кавычек, хотя многие, о ком пойдёт речь в этой главе, в канонизированный круг классиков русской литературы вроде бы не входят. Однако ж, для тамбовской литературы они - классики, то есть крупные писатели, творчество которых стало достоянием не только местной, но и российской словесности.

С чего же начиналось? Не будем впадать в чрезвычайный ура-патриотизм и утверждать, что литература отечественная зародилась на берегах Цны. Нет конечно, к тому времени, когда образовался град-крепость Тамбов, уже были созданы «Слово о Законе и Благодати» и «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и «Повесть о Фроле Скобееве». (А в мире уже существовали «Илиада» и «Дон Кихот», «Декамерон» и «Песнь о Роланде»!) Принято историю тамбовской литературы начинать с Державина, хотя и есть сведения о летописи «Известие о начале города Тамбова и происходящих в нём достопамятных вещах и об архиереях, обретающихся в нём», которая, видимо, и является самым первым камнем в фундаменте местной литературы.

Но приезд в Тамбов весной 1786 года **Гаврилы Романовича Державина** (1743 - 1816), уже известного к тому времени российского поэта, автора «Фелицы», оды «Бог» и многих другие классических произведений, всколыхнул творческую атмосферу сонного города, пробудил местные таланты. Губернатор-поэт открыл в захолустном городе типографию, основал газету, возжёг в губернии факел просвещения. Сам Державин, проводя громадную работу по реконструкции государственной и культурной жизни в Тамбове, находясь в расцвете

жизненных и творческих сил (ему было 43 года, когда он приехал сюда), успел создать за два с половиной года проживания в нашем городе ряд значительных своих вещей - «Желание зимы», «На посещение в Тамбове типографии епископом Феофилом», «На смерть графини Румянцовой», «Осень в Зубриловке» и другие. Именно здесь, в наших краях, вдохновясь тамбовскими красками сентября, писал первый великий поэт России:

*«Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно...»*

История не любит сослагательного наклонения, но всё равно легко согласиться с тем, что если бы волею судьбы и императрицы Екатерины Державин не угодил в Тамбов, здесь литературная жизнь ещё не скоро бы закипела. Правда, сам Гаврила Романович, итожа тамбовско-губернаторский период своей жизни и перечисляя, что он «полезного сделал» для «попечения и заботы о благосостоянии вверенной губернии», всё больше упор делал на чиновничьи заботы, лишь в пункте седьмом упоминая типографию, да и то как полезное учреждение для печатания сенатских указов и цен на хлеб.

Среди тех тамбовчан, для кого Державин стал, как бы мы сейчас сказали, наставником в литературе, наиболее яркой личностью был **Пётр Михайлович Захарьин** (1750 - 1800) - козловский однодворец. В литературе он остался как автор многотомной «Халдейской повести» под названием «Арфаксад». Сюжет первым тамбовским прозаиком взят из жизни Древнего Востока, построена повесть по законам классицизма, и историки литературы усматривают в произведении Захарьина подражание Карамзину и Хераскову.

Державин много помог Захарьину и как человеку и как сочинителю. Губернатор-поэт видел в Захарьине

природный дар, но ни тонкостей мыслей, ни вкуса, ни больших познаний у козловского однодворца не находил. Счастливым случаем в судьбе Захарьина стало то, что на открытии народного училища в Тамбове некому оказалось произнести речь. Пётр Михайлович вызвался сие сделать, мучился, сочиняя эту речь, но, по словам Державина, получился у него сущий вздор и нелепица. В конце концов губернатор сам продиктовал речь писателю-самоучке. Речь имела успех, и затем, достигнув дворцовых стен, привела в умиление и Екатерину. Ещё в Тамбове Захарьину насыпали за речь столько денег взволнованные слушатели, что «он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака, ибо также любил куликать». Затем он был вызван в Петербург, и судьба его устроилась.

Конечно, вряд ли кто сейчас из читателей знает Захарьина и его «Арфаксад» и вряд ли кто станет читать эту длинную «повесть», даже если переиздать её, но как бы там ни было, а имя это осталось в истории Тамбовщины, в истории её литературы, как имя самого первого писателя, ставшего известным за пределами своего края.

Бесспорным талантом, бесспорным классиком и гордостью Тамбовщины является один из глубиннейших русских поэтов **Евгений Абрамович Баратынский** (1800 - 1844). Родился он в селе Мара (Вязли) Кирсановского уезда, здесь прошло его детство, сюда часто наезжал он потом из столиц, уже будучи взрослым, уже завоевав признание как один из самобытнейших поэтов. И надо учесть, что недостатка в талантливых поэтах в те времена, в отличие от нынешних, не было. Русскую классическую поэзию одновременно с Баратынским создавали Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Батюшков, Глинка, Рылеев, Давыдов, Вяземский, Веневитинов, Тютчев... Натаком фоне трудно выделиться, однако ж, сам Александр Сергеевич

Пушкин писал: «Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. Знатки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную». И ещё он же, Пушкин, писал Вяземскому: «Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдёт и Парни и Батюшкова - если впредь зашагает, как шагал до сих пор, - ведь 23 года счастливцу!» (К слову, сейчас иные доморощенные «литературоведы» ломают копыя, споря от скуки: через «а» или через «о» писать фамилию Баратынского. Для Пушкина, как видим, предпочтительнее и привычнее вариант через «а»).

Сам Баратынский лучше всяких критиков охарактеризовал главные достоинства и отличительные черты своей поэзии в стихотворении «Муза» (1829): не «изысканный убор», не «игра глаз», не «блестящий разговор» у его Музы, но «лица необщее выраженье» и «речей спокойная простота».

Баратынский не прожил и 45 лет. Написал он сравнительно немного - полные собрания его сочинений издавались в двух томах. Но поэзия его, напитанная впечатлениями родной тамбовской стороны, навечно вошла в золотой фонд русской литературы. Непосредственно здесь, в Маре, поэт создал такие прекрасные вещи, как: «Муза», «Она», «Мара», «К***» («Не бойтесь едких осуждений...»), «Запустение»; «К чему невольнику мечтания свободы?» и другие.

*«Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были — средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящем весело равнины океана, -
Всегда уносимся мы дуною своей...
Я помню ясный, чистый пруд:*

---

*Под сению берёз ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут...»*

Кому доводилось бывать на родине поэта, в Маре, строки эти о многом говорят.

Хорошо, что в Тамбове есть памятник Баратынскому. Но нет памятника и ещё одному крупному поэту, который закат своей долгой жизни встретил в наших краях и умер в Тамбове. Речь идёт, конечно же, об **Алексее Михайловиче Жемчужникове** (1821 - 1908). Он прожил бурную судьбу: был чиновником, в юности посещал кружок Петрашевского, многие участники которого (в том числе и Ф. М. Достоевский) были сосланы на каторгу. Жемчужников, счастливо избежав этой участи, с головой уходит в литературу, бросает чиновничье поприще. Пробует свои силы в драматургии - комедии «Странная ночь» и «Сумасшедший».

В середине 1850-х годов в российской литературе объявился новый оригинальный писатель Козьма Прутков. Его философско-сатирическо-пародийные афоризмы, басни, стихи, драматические произведения имели шумный успех, стали классикой. «Зри в корень!», «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться», «Никто не обнимет необъятного», «Если хочешь быть счастливым, будь им», «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя», «Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе», «Бди!» - и многие другие перлы Козьмы Пруткова не устарели и в наши дни. Не сразу современники узнали, что под маской поэта-пародиста скрываются братья Алексей, Владимир и Александр Михайловичи Жемчужниковы и их двоюродный брат Алексей Константинович Толстой.

Для Владимира и Александра творчество Козьмы Пруткова стало потолком, А. К. Толстой вскоре пошёл, своим путём, прославился, как самостоятельный поэт, как

автор романа «Князь Серебряный» и драматической трилогии о русских царях. Тесны были рамки поэта-сатирика и для Алексея Михайловича Жемчужникова. Он даже на долгие годы вообще отходит от литературы, но затем, преодолев кризис, Жемчужников обращается к «серьёзной» поэзии. Самое значимое в его поэтическом наследии - циклы «Песни старости» и «Прощальные песни». Они принесли ему славу глубокого поэта-философа, поэта-лирика. И этот вдохновенный период в судьбе Алексея Михайловича как раз и есть тамбовский период его биографии. Именно в нашем городе, на тихой садовой улочке Араповской (носящей ныне почему-то не его имя, а - Горького) писал поэт свои «лебединые песни», глядя из окна на тихий покойный Тамбов.

*«Сидючи дома, я в окна взгляну ли,
Вижу: декабрь перемену принёс;
С дня Спиридона уже повернули
Солнце на лето, зима на мороз...»*

В последние годы случились у нас два события, связанные с именем Жемчужникова - одно печальное, другое светлое. Варварски уничтожен дом в Тамбове, из окна которого взглянув, поэт замечал, что «солнце на лето, зима на мороз» повернули. Радует же прекрасно изданный томик избранного А. М. Жемчужникова, вышедший в Москве в серии «Поэтическая Россия», который составил и написал обстоятельную вступительную статью к нему тамбовский критик и поэт Сергей Бирюков.

Как видим, в тамбовской литературе классический период был периодом - поэтическим. Уроженец Тамбовщины Баратынский, её недолгий гость Державин и поэт, проживший на берегах Цны последний период своей жизни, Жемчужников: их имена - украшение литературной карты Тамбова. Стоит упомянуть, что с нашим краем связаны

имена менее известных стихотворцев, которые, однако ж, остались в учебниках литературы, в энциклопедиях и словарях. Например, **Николай Васильевич Берг** (1823 - 1884). Как поэт, он не оставил заметного следа в русской поэзии, но приобрёл известность, как талантливый переводчик. В его переводах вышли сборники «Сербские народные песни», «Песни разных народов». Переводил Берг также произведения Петрарки, Гёте, Байрона и особенно много и плодотворно Адама Мицкевича - в Варшаве и Санкт-Петербурге выходили его «Переводы из Мицкевича» и «Пан Тадеуш». По общему признанию, Н. В. Берг внёс крупный вклад в освоение Россией инославянской поэзии. И осталось добавить, что прославленный переводчик несколько лет жил в Тамбове, учился здесь в гимназии.

Известно любителям литературы и имя **Петра Исаевича Вейнберга** (1831-1908) - поэта и переводчика. Целых три года он служил в Тамбове чиновником особых поручений при губернаторе и редактировал неофициальную часть «Тамбовских губернских ведомостей». Известно, что Вейнберг был безнадежно влюблён в дочку губернатора, и его знаменитое стихотворение, положенное на музыку Даргомыжским, «Он был титулярный советник...» - глубоко и тамбовски автобиографично.

Интересна и история возникновения оригинального псевдонима Вейнберга. В 1856 году в журнале «Русский вестник» было напечатано несколько его стихотворений, но их в редакции почему-то посчитали за переводные и поместили под заглавием «Из Гейне», Пётр Исаевич с тех пор так и стал зачастую подписывать свои творения - «Гейне из Тамбова».

Вейнберг много писал и публиковался как поэт-сатирик, редактировал журнал «Век», возглавлял кафедру русской литературы в Варшавском университете,

затем занимался преподавательской деятельностью в Петербурге, написал ряд учебников, был председателем Литературного фонда. Вейнберг ценился современниками и как переводчик Гёте, Шиллера, Гейне, Гюго, Шекспира, Байрона и многих других западноевропейских классиков (всего около 60 имен!). Его перевод «Отелло» долгие годы считался образцовым.

Ещё один литератор, **Николай Михайлович Сатин** (1814 - 1873), известный более как переводчик нежели поэт, родился в Тамбовской губернии, в селе Дмитровском, и связей с родной землёй не прерывал до конца своих дней. Оригинальные стихи, переводы из Шекспира и Байрона, мемуары - вот литературное наследие Сатина. Он был к тому ж близок к Герцену и Огарёву, испытал тяготы ссылки и каземата Петропавловской крепости. А в юности, между прочим, Сатин учился в университетском Благородном пансионе в Москве вместе с Лермонтовым и вместе с ним потом поступил в Московский университет.

И, заканчивая разговор о классической тамбовской поэзии, надо, конечно же, сказать и о **Михаиле Юрьевиче Лермонтове** (1814 - 1841). Бывал не бывал ли великий русский поэт хотя бы проездом в нашем городе - не суть важно, но навсегда останется литературным фактом его поэма «Тамбовская казначейша».

*«Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть ещё четыре будки...*

.....
Короче, славный городок...»

Когда читаешь эти строки, то и хочется верить: бывал, конечно же, бывал Михаил Юрьевич в нашем до-стопочтенном граде, конечно, описал его с натуры.

Что касается тамбовской прозы, то определённых высот она достигла лишь во второй половине XIX века. Штатные советско-партийные литературоведы привыкли объяснять появление нового направления в литературе «назреванием первой революционной ситуации». Демократическая литература, литература «шестидесятников», разночинная литература, семинарская... Каких только терминов не изобретали, чтобы объединить произведения Глеба и Николая Успенских, Помяловского, Решетникова, Слепцова - «певцов народного горя». Но есть ещё один термин, который очень точно определяет суть этого направления - конъюнктурная литература. Мы в последнее время дискредитировали это слово, придали ему негативный смысл, а зря. Слово «конъюнктура» означает всего лишь - сложившаяся обстановка, положение вещей в какой-либо области, а «конъюнктурщик» - это умный человек, который эту сложившуюся обстановку тонко понимает и умело использует. Перед реформой 1861 года и сразу после неё на первое место в российской действительности выдвинулся вопрос о положении крестьянина, «реконструкции» строя в стране. Это волновало всё образованное общество, всю читающую Россию, и конъюнктурная проза «шестидесятников» сосредоточилась на этой теме.

Здесь не время и не место разбираться в очень даже существенных и интересных вопросах. Почему, к примеру, ни единый писатель-разночинец или народник не достиг художественных высот Тургенева, Гончарова, Достоевского, Толстого, Чехова? Почему они вообще пренебрегли

художественностью, превратив прозу в очерковую журналистскую литературу? Почему они почти все до единого опустили и спились, словно неся наказание Божие за какие-то свои творческие и человеческие прегрешения?

Тамбов «делегирует» в это литературное направление **Александра Ивановича Левитова** (1835 - 1877). Он родился в селе Доброе Лебедянского уезда, который входил тогда в Тамбовскую губернию, в семье дьячка. Учился в Тамбовской духовной семинарии, Левитов много читал «светской» литературы, начал сам писать стихи. В семинарский устав это никак не вписывалось, жизнь и учёба из-за этого осложнялись, и Левитов вскоре, оставив семинарию, пешком отправился в Москву, а затем и в Петербург. Началась неустроенная мрачная жизнь - без дома, без средств. Затем - ссылка на Север, точно неизвестно за что.

В ссылке Левитов начинает писать и позднее публикует свои литературные опыты под названием «Ярмарочные сцены. Очерки из простонародного быта» в журнале братьев Достоевских «Время». В 1859-1860 гг. Левитов опять на Тамбовщине, работает домашним учителем у немца-управляющего в одном из имений, копил материалы для новых очерков. Позже в Москве и Петербурге Левитов много публикуется в разных журналах. Его замечают и хвалят за «очерковость», «калейдоскопичность» произведений, за достоверность изображаемых событий. При жизни писателя вышли книги: «Степные очерки» в 3-х томах, «Московские норы и трущобы» в 2-х томах, «Горе сёл, дорог и городов» и др.

Можно предположить, что жизненные обстоятельства, алкоголизм, тенденциозность и недостаток образования не позволили в полной мере развиться природному таланту А. И. Левитова. Под конец жизни он, спохватившись,

попытался создать крупное художественное произведение - роман «Сны и факты», но уже не хватило у него ни творческих сил, ни времени.

Сергей Николаевич Терпигорев (1841 - 1895), будучи земляком Левитова и близким по духу литератором, резко отличался от него и происхождением, и образованием, и судьбой. Родился Терпигорев в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии в семье родовитого помещика. Образованный отец и сыну дал прекрасное образование: в Тамбовскую гимназию Серёжа поступил, уже прочитав Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, овладев французским и немецким языками. Казалось бы - становись поэтом или романистом, пиши великосветские романы и повести. Однако ж - конъюнктура, момент, время. И в 21 год Терпигорев публикует свой первый очерк с характерным названием «Чёрствая доля» в газете «Гудок» (не путать с советским железнодорожным изданием).

Вскоре Терпигорев - один из самых плодovitых писателей демократического народнического толка, его произведения публикуются в «Отечественных записках», газетах «Голос» и «Биржевые ведомости». Многие очерки Терпигорев подписывает псевдонимом «Атава», подсказанным ему Некрасовым.

В биографии Терпигорева существует десятилетний период, покрытый мраком неизвестности, когда он полностью отходит от литературы. А взлёт его творчества начинается с 1880 года, когда в «Отечественных записках» был опубликован цикл очерков «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика». Разоряющиеся помещичьи усадьбы, материальное, моральное и духовное «оскудение» их хозяев, историческая обречённость дворянства - вот о чём пишет Атава. Между прочим, современники усмотрели общность произведений Терпигорева

с творчеством Салтыкова-Щедрина, родился слух, что-де пишет это сам Щедрин под новым псевдонимом или, по крайней мере, здорово редактирует очерки Атавы. Терпигореву подобные пересуды доставили немало страданий. Уже в мае 1881 года в газете «Новое время» появляются первые очерки нового цикла на ту же тему «Пять глупых дев. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», составившего вторую часть «Оскудения». Сам Терпигорев подчёркивал «нелитературность» своего творчества: «Я просто рассказываю, что я видел...» Критики-современники соглашались: «... автор силён только умением фотографировать отдельные сцены». («Русская мысль», 1882, № 10).

Почти 14 лет Терпигорев вёл в «Новом времени» постоянный воскресный фельетон (сейчас такой вид материалов называется «эссе»), написал этих фельетонов-эссе около 600, и они имели успех у читающей публики. Почти до самой своей смерти Терпигорев писал и печатал во многих журналах повести, рассказы, очерки, создал ещё один цикл - «Потревоженные тени», служивший дополнением к «Оскудению», публицистическое исследование «Раскаты Стенькина грома на Тамбовской земле», но всё же очерковая эпопея «Оскудение» стала вершинным произведением в его писательской судьбе. И именно по «Оскудению», делая скидку на тенденциозность изображения, мы можем представить себе быт и нравы тамбовской местной деревни конца прошлого века.

Валентина Иововна Дмитриева (1859 - 1947) училась в Тамбовской гимназии с 1873 по 1877 год. Эта писательница народнического направления сейчас почти забыта, имя её значится далеко не в каждом справочнике, однако в своё время она была широко известна, многие её вещи были опубликованы в популярных журналах «Вестник

Европы» и «Русское богатство». Современный читатель может составить представление о творчестве Дмитриевой по сборнику из серии «Отчий край» (Воронеж, 1983), где опубликованы повести «Доброволец», «Матюха-учитель», «Димка» и рассказ «Малыш и Жучка» - самое известное произведение писательницы.

Если при заключении обзора классического периода в тамбовской поэзии был упомянут М. Ю. Лермонтов, то и период прозы можно завершить великим именем. Дело в том, что **Иван Сергеевич Тургенев** (1818 - 1883) имел, кроме прочих имений, поместья и в Тамбовской губернии и доводилось ему не раз бывать в наших краях. Более того, действие в таких его произведениях, как «Лебедянь», «Странная история», «Затишье» и «Несчастливая» происходит на тамбовской земле. Так что наряду с жителями Орловской губернии мы, тамбовчане, вправе считать Ивана Сергеевича Тургенева в чём-то и нашим земляком.

И ещё остаётся добавить, что на Тамбовщине родились довольно известный в конце XIX века публицист, прозаик и критик **Владимир Людвигович Дедлов** (настоящая фамилия - **Кигн**) (1856 - 1908), а также прославленный издатель и редактор журнала «Русский архив» **Пётр Иванович Бартенев** (1829 - 1912), и на этом карта литературного Тамбова классического периода будет более или менее полной.

Потерянные поколения

Термин «потерянное поколение» обронула в разговоре американская писательница Гертруда Стайн, его подхватил и ввёл в литературу Эрнест Хемингуэй. Так стали называть писателей, чьи судьбы и творчество определила 1-я мировая война. Пафос пессимизма стал знаменем самого Хемингуэя, Дос Пассоса, Ремарка, Олдингтона...

В России к ужасам 1-й мировой добавились катаклизмы двух революций, братоубийственная гражданская бойня, тюремно-каторжный режим. В России не одно поколение писателей стало потерянным. Одни, сделав пафос безудержного революционного оптимизма своим знаменем, распылили свой талант, пустили ни на что, стали литераторами-пропагандистами, поэтами-агитаторами. Другие, сохранив свой дар и свою душу, потеряли кто жизнь, кто свободу, кто Родину и все - русского читателя на долгие-долгие годы.

И те и другие - из «потерянных поколений».

Все эти годы нам пытались внушить, что-де вершинными произведениями отечественной словесности XX века являются книги вроде таких «шедевров», как «Мать», «Железный поток», «Цемент» и прочих романов-агиток. Ещё совсем недавно у нас на полном серьёзе писалось об «огромном вкладе» Тамбовского отделения Пролеткульта в общероссийскую литературу и о том, что в Тамбове «творили видные деятели этой организации» вроде Дальнего, Слепнёва, Докукина, Якубовского, Евгенова и прочих. И в голову никому не приходило, почему же эти «видные деятели» и следа не оставили в памяти читателей.

Впрочем, осуждать «видных деятелей» трудно. Это - беда многих тогдашних литераторов, имевших не слишком большой талант. Конъюнктура сгубила их, притом конъюнктура слепая, безудержная, безгранично тенденциозная. Если Слепцов, Левитов, Решетников были писателями-конъюнктурщиками для своего времени прогрессивными, то пролеткультовцы, а затем рапповцы и прочие литераторы-большевики, соцреалисты, соизмеряли правду жизни не с жизнью, а с революционной доктриной и с идейным восторгом принялись белое называть чёрным и наоборот. Притом не стоит забывать, что демократы и на-

родники мечтали о счастье народа, родной страны, большевики же и их подпевалы - о практической реализации учения Маркса, об экспериментальном переустройстве государства, собственной диктатуре. Цель оправдывает средства - этот иезуитский закон стал главенствовать и в политике, и в экономике, и в литературе. Только гении или уж очень большие таланты пишут на вечные темы и подлинную правду, прочие стремятся польстить моменту, выдать желаемое за действительное, угодить властям.

И вот об этих-то, «прочих», уже написано немало фальшивых хвалебных строк, поэтому в данном очерке будет упомянуто лишь о самых крупных из них, о тех писателях, которые действительно обладали писательским даром и которые, скорей всего, искренне старались верить в живые революционные лозунги, губя свой талант.

В те бурные, пред- и послеоктябрьские дни на Тамбовщину «захаживали» люди, которым суждено было оставить заметный след в соцреалистической литературе. Так, в цикле **Алексея Максимовича Горького (Пешкова)** (1864 - 1936) «По Руси» есть рассказ-очерк «Герой», где «великий пролетарский писатель» повествует о тамбовском «мещанине-обывателе», проживающем в «пыльном, деревянном городе, тихом лагере безличных людей». Основоположник социалистического реализма мечтал тогда, гостя мимоходом в сонном тихом Тамбове: мол, пусть сильнее грянет буря! И ещё не знал, что будет у него в будущем другой цикл - «Несвоевременные мысли», будут нелепая двойственная старость и странная смерть.

Побывал в наших краях и оставил здесь кровавый след тогда ещё совсем юный **Аркадий Петрович Голиков** (1904-1941), известный под псевдонимом **Аркадий Гайдар**. Он по праву считается основоположником советской детской литературы. Его произведения «Тимур и его

команда», «Чук и Гек», «Голубая чашка» - классика. Однако ж судьба Гайдара типична для представителя советского «потерянного поколения». Безжалостный красный командир, лично порубавший не одного тамбовского крестьянина во время подавления антоновского мятежа, затем исполнитель такого же жесточайшего красного террора в сибирской Хакасии. Позже Гайдар внесёт свой талантливый вклад в разжигание шпиономании и борьбы с «врагами народа» своими повестями «На графских развалинах», «Судьба барабанщика», «Военная тайна» и пр.

Только недавно стали известны подробности о жестоких нравственных и физических страданиях Гайдара перед трагической гибелью на новой войне: расстройство психики, алкоголизм - не закономерная ли расплата за продажу дьяволу дара, отпущенного Богом?.

Внешне благополучно сложилась судьба **Константина Александровича Федина** (1892 - 1977). Он и академиком был, и Героем Соцтруда, и долгие годы писателем № 1 Советского Союза, возглавляя Союз писателей, умер своей смертью 85-ти лет от роду. Но недаром его главный труд, которым, видимо, Федин и останется в истории нашей литературы, эпопея «Города и годы», публиковалась до последнего времени со значительными купюрами. Не всё позволялось писать и печатать советскому литмэтру.

Для нас, тамбовчан, определённый интерес представляет то, что действие в романах Федина «Братья», «Необыкновенное лето» и некоторых других произведениях происходит, в частности, и в Козлове (нынешнем Мичуринске). Здесь он учился в 1908-1911 годах в коммерческом училище. Здесь же, в Козлове, в доме на Набережной, Федин написал в 18 лет свой первый рассказ «Случай с Василием Порфирьевичем». Позднее, уже будучи маститым литератором, сам Федин в одном из писем признавался,

что Козлов оставил в его памяти особую колею: «Пусть эта колейка по времени была короткой, но из памяти она не исчезнет до самой смерти. Юность все вбирает глубоко и держит крепко. А городок лучших дней ранней юности (я жил в Козлове с 16 до 19 лет) отпечатлел себя на моей душе лицами друзей, товарищей, до сих пор не позабытых».

Не раз наезжал на берега Цны один из самых голосистых певцов коллективизации и радостного пробуждения при новых властях замшелой и косной российской деревни **Фёдор Иванович Панфёров** (1896 - 1960). Известно, что в 20-е годы Панфёров впервые приехал на Тамбовщину в командировку от «Крестьянской газеты». Пожив некоторое время в Воронцовке, понаблюдав пытливым оком столичного литератора победное шествие колхозного строя, Панфёров оперативно (он вообще писал очень быстро) сочинил книжку очерков «На реке Цне». Потом писатель ещё и ещё наезжал в Воронцовку, и многие материалы, почерпнутые в этих краях, легли в основу главного его романа «Бруски». Хотя действие в этой колхозной эпопее, написанной не столько методом соцреализма, сколько методом соцнатурализма, разворачивается на берегах Волги, но сам Панфёров признавался, что использовал в романе и тамбовские впечатления.

Панфёров немало лет возглавлял журнал «Октябрь», и это, а также убеждённая коммунистическая партийность сближают его с **Александром Константиновичем Воронским** (1884-1937), критиком, мемуаристом, главным редактором первого советского «толстого» журнала «Красная новь». Только, в отличие от Панфёрова, Воронский был уроженцем Тамбовщины - родился он в семье священника в селе Хорошавке Кирсановского уезда. Учился в Тамбовской духовной семинарии, из которой был исключён за политическую неблагонадёжность (ещё учась в бурсе, он

успел вступить в ряды РСДРП!). Трагедия судьбы Воронского состояла в том, что большую часть жизни - как при царизме, так и при родимой Советской власти - он провёл по тюрьмам и ссылкам. И финал его был трагичен - титуло «враг народа» и пуля в сердце от соратников по партии, которые долгие годы даже скрывали истинную дату его смерти (указывался 1943 год).

Воронский в своё время пользовался авторитетом крупного критика и опытного редактора. До наших дней представляют литературный интерес его автобиографические повести «За живой и мёртвой водой» и «Бурса», где речь идёт о тамбовском периоде его биографии.

«Закономерность» - этим названием романа **Николая Евгеньевича Вирты** (1906 - 1976) можно обозначить как литературные процессы в советской литературе, так и личную судьбу этого довольно крупного писателя. Он тоже, как и многие тамбовские литераторы прежних эпох, родился в семье священнослужителя в селе Каликино, но буквально через месяц семья переехала в село Большая Лозовка того же Токарёвского уезда. Начинал Вирта в «Тамбовской правде» репортёром, здесь же, в приложении к газете, опубликовал первые рассказы. В 1935 году в столичном журнале «Знамя» появился роман Вирты «Одиночество», который сразу поставил молодого автора в первый ряд тогдашней соцреалистической литературы.

Вообще Вирта прожил блестящую писательскую судьбу: четырежды лауреат Сталинской премии, романы его и пьесы сразу печатались, ставились, тиражировались отдельными изданиями. Он имел миллионы читателей - писал увлекательно, внешне достоверно, упруго. Но судьба Вирты-писателя, с другой стороны, ужасна - его толстые тома уже в «брежневские» времена стали мало кого интересовать, устарели. Сейчас трудно представить себе чита-

теля того же «Одиночества» (лучшего романа в творческом наследии Вирты!), где один из главных героев - «матёрый кулак, враг новой народной власти», где романист стремился «с наибольшей полнотой показать, как подготавливались великие перемены, в корне преобразившие жизнь России» (если вдуматься - в этих словах есть зловещая нечаянная правда!), где «с беспощадной правдивостью писатель показывает жалкую участь» сельского священника и «ему подобных», где, наконец, рассказывается, как «партия большевиков последовательно и настойчиво завоевывала доверие и поддержку крестьянских масс» (опять-таки, какая зловещая двойственность смысла в хвалебном лепете критиков!).

Вирта любил свою «малую родину», описывал Тамбовский край в романах, жил здесь, уже заделавшись сановным писателем. Вирта одним из первых, если не первый, стал летописцем кровавых трагических событий, бурливших на Тамбовщине в конце Гражданской войны, обозначенных историками как «антоновщина». Сейчас всё чаще слышится другое определение - крестьянская война под предводительством А. С. Антонова. Для Вирты однозначно и одномерно Антонов - кулацко-эсеровский главарь, его сподвижники (тамбовские крестьяне-земляки) - бандиты, убийцы, враги русского народа...

Вирта был сыном своего времени, а ведь писатель должен быть хотя бы чуть над своим временем, видеть дальше, глубже своих современников, понимать больше. Только тогда ты - Писатель. Это особенно бесспорно, если вспомнить, что одновременно с Виртой, пишущим каждый свой роман с прицелом на Сталинскую премию-подачку, жили и писали М. Булгаков, М. Пришвин, А. Платонов...

Впрочем, об Андрее Платонове разговор особый. А пока несколько слов ещё о двух известных писателях,

уроженцах нашего края, чьи имена вошли если не в золотой, то уж в серебряный фонд русской культуры наверняка - С. Н. Сергеев-Ценском и А. С. Новикове-Прибое. Оба они не такие плоскомерные, конъюнктурные фигуры в советской литературе, как, допустим, Панфёров или Вирта. Дело, наверное, в том, что когда Сергеев-Ценский и Новиков-Прибой формировались как люди и как писатели, о социалистическом реализме ещё и понятия не было, и им пришлось учиться у классиков, исповедующих в литературе реализм критический, реализм правдивый, реализм талантливый.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский (1885-1958) родился под Тамбовом, учился в Тамбове, и эти первые 17 лет тамбовской жизни оставили такой глубокий след в его судьбе и творчестве, что он навек прибавил к своей фамилии псевдоним от названия родимой речки Цны. Сергеев-Ценский шёл в литературу сложными извилистыми путями в поисках своей темы, своего стиля, своего места в ней. Сочинял и стихи, и прозу, и драмы, увлекался и модернизмом, и реализмом, писал о деревне и городе, о современности и истории.

Главные книги Сергеева-Ценского - многотомная эпопея «Преображение России», над которой он работал почти всю жизнь, и исторический роман «Севастопольская страда» о Крымской войне 1853-1856 гг., участником которой был его отец. За этот роман писатель получил Сталинскую премию 1941 года (видимо, не только за художественность, но и за своевременность!). Больше Сергеев-Ценский премии не удостоивался, хотя написал 12 томов в большинстве своём хорошей русской прозы. Вероятно, не очень нравилось официальным литчиновникам, что писателя интересовало не столько преобразование страны, сколько преобразование человека, личности и притом не

в социальном, а прежде всего в морально-этическом плане.

В дореволюционный период творчество Сергеева-Ценского имело демократическую направленность. Так, в повести «Лесная топь» (1907), созданной на основе тамбовских воспоминаний юности, показывается «топь» самодержавно-крепостнического, как принято у нас говорить, режима. Писатель создал здесь и образ революционера Фрола Бердоносова, явно симпатизируя этому герою. Но вскоре после 1917 года в произведениях Сергеева-Ценского (повести «Чудо», «Жестокость», «В грозу»), как отмечала критика, отразилась растерянность писателя веред новой эпохой. И он вместо того, чтобы сочинять романы об успехах новой власти, окунается в историю литературы - пишет пьесы, а затем роман о великом русском поэте под названием «Мишель Лермонтов», затем повесть «Гоголь уходит в ночь» и роман «Невеста Пушкина». К тому ж, Сергеев-Ценский ещё в 1908 году заявил в открытую: «Да позволено мне будет уйти от опеки политических партий».

Особым смыслом для нас в творчестве писателя-земляка наполнена лирическая повесть «Печаль полей», где «главным героем» является Тамбовщина, прицнинские просторы, крестьянские пашни и луга. Миру природы, крестьянской народной жизни противопоставлен мир дворян, повесть пронизана предчувствием обречённости дворянского мира...

Алексея Силыча Новикова-Прибоя (1877-1944) «своим» считают сейчас рязанцы, но родился он в селе Матвеевском Спасского уезда, который числился тогда в Тамбовской губернии. Практически сразу найдя свою тему, став в литературе маринистом, Новиков-Прибой никогда, наверное, не устареет. Его книги «Морские рассказы», «Цусима», «Море зовёт», «Женщина в море», «Капитан 1-го ранга» и многие другие, написанные в русле «художественного реализма», являются прекрасными образцами морской литературы.

ственного реализма», читаются и будут читаться, несмотря на смену поколений, эпох и государственных строев.

Табель о рангах и прогнозы в литературе - штукавина, в общем-то, зыбкая, спорная, субъективная. Хотя кто, к примеру, не согласится с утверждением, что в русской литературе XIX века гениями, то есть писателями со своим новым словом, с кардинальным влиянием на ход литературного процесса, можно назвать лишь Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова и - отчасти - Лермонтова, которому не хватило времени для полного самораскрытия. Думается, что и в литературе XX века гениями наши потомки назовут двух-трёх человек, и одним из них, вероятнее всего, будет **Андрей Платонович Платонов** (1899-1951). Родился он ровно через 100 лет после Пушкина в пригороде Воронежа, и ровно через 140 лет после Державина Андрей Климентов (такова его настоящая фамилия) приехал по указу свыше в Тамбов и в точности, как его предшественник-поэт, был через весьма короткое время отторгнут «тамбовскими волками» - его выжили, вынудили уехать.

Теперь мы гордимся, что в летопись истории тамбовской литературы вписаны и страницы, созданные Андреем Платоновым, но, увы, надо признать, замшелая жизнь тогдашнего заштатного губернского Тамбова, произвела на писателя гнетущее впечатление. «Я с трудом нашёл себе новое жилище (там старуха не топила совсем), несмотря на то, что квартир и комнат в Тамбове много. Принимают за большевика и чего-то боятся. (В 1926 году! - Н. Н.) Город обывательский, типичная провинция, полная божьих старушек... И всё же бессмысленно тяжело - нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный и глухой Тамбов...»

«В Тамбове (как говорят в редакции) нет ни одного поэта, ни одного беллетриста! Удивительный город!»

«В газете сидят чиновники. Ничего не понимают в

литературе... Стихи и рассказы они не признают...»

«Окруженный недобрыми людьми (но работая среди них, ты понимаешь меня!), я одичал и наслаждаюсь одними своими отвлечёнными мыслями. Поездка моя по уездам была тяжела... Жизнь тяжелее, чем можно выдумать, тёплая крошка моя. Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется - настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье. Но всё-таки здесь грустная жизнь, тут стыдно даже маленькое счастье... Я окончательно и скоро навсегда уезжаю из Тамбова... Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы...»

Это - из писем Платонова к жене.

Но, несмотря на жёсткость и урюмость жизни в Тамбове, молодой мелиоратор и писатель проворачивает громадьё дел и руководя губернской мелиорацией, и за письменным столом. «Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясётся рука...» В Тамбове состоялось рождение Мастера, полное формирование самобытного ищущего молодого литератора в Писателя-титана, вслед за великими предшественниками поднявшего в своих произведениях вечные проблемы человеческого бытия в новых условиях. Именно в Тамбове всего за несколько месяцев Платонов накопил впечатлений, которые в той или иной мере отразились затем в повестях «Епифанские шлюзы», «Эфирный тракт», «Ямская слобода», но наиболее полно в убийственно-сатирической повести «Город Градов»... Сразу вслед за тамбовским периодом из-под его пера в сжатые сроки появляются такие значительные вещи, как романы «Котлован» и «Чевенгур», повести «Сокровенный человек», «Джан» и «Ювенильное море», пьеса «Высокое напряжение», бедняцкая хроника «Впрок», много рассказов, очерков, рецензий, статей.

Андрей Платонов пришёл в мир, в журналистику, в литературу с душой Павки Корчагина - страстным комсомольцем, фанатиком революционных идей, убеждённым сторонником большевистской перестройки мира. Двадцатилетний Платонов (тогда ещё - Климентов) с восторгом, захлёбываясь, писал в «Воронежской коммуне» в юбилейной статье «Ленин»: «В Ленине выразилось всё, чем живёт и чего хочет каждый угнетённый человек, он - любимое дитя и лучший учитель рабочих станка и сохи... Все его предвиденья сбываются, каждый новый шаг безошибочен... Ленин - душа рабочего класса и его сердце, его мозг и воля, его великая ненависть и вдохновенная любовь...» И важно подчеркнуть: истинным, честным, убеждённым коммунистом Андрей Платонов был и оставался до конца жизни. Только его честная коммунистическая убеждённость всё сильнее и кардинальнее не совпадала с двурушничеством, фарисейством и преступной деятельностью «косоглазого, картавого, лысого сифилитика Ленина» (И. А. Бунин), его приспешников и последователей.

В 1929 году революционный романтизм Платонова получает первый серьёзный удар после публикации в журнале «Октябрь» его рассказа «Усомнившийся Макар». Содержание, настроение рассказа навеяно, вероятно, также тамбовской действительностью, и «Усомнившийся Макар» тематически примыкает к повести «Город Градов», главным «героем» которой является наш Тамбов. Бюрократизм душил революцию, «прозаседавшиеся» чиновники всех мастей губили живое дело, омертвляли страну, вожделенный социализм приобретал уродливые формы - Платонов отчётливо видел это и забил тревогу. Макар Ганушкин, герой рассказа, идёт в город искать правду и, попадая в канцелярии, на стройку, в ночлежку, удивляется, почему «всё не так», почему вместо счастливого нового человека, кру-

гом бюрократы-начальники, приниженные пролетарии-«диктаторы», формализм и бездушие.

Сталин, прочитав «Усомнившегося Макара», распёк вождя писателей Фадеева за публикацию такого «идеологически двусмысленного» рассказа. И - понеслось. На А. Платонова с лаем, визгом, воем накинулись литпришпешники, литшакалы из РАППа. Травля усилилась, когда Платонов напечатал в журнале «Красная новь» повесть «Впрок». Произведение - уникальное: в разгар коллективизации, когда трубили кругом фанфары об успехах «великого перелома» в деревне, Платонов призвал к трезвому взгляду на этот процесс, советовал критически отнестись к «перегибам» коллективизации. Чего стоят одни заголовки разгромных статей «О целостных масштабных и частных Макарах», «Не сдавайте классовых позиций», «Об одной кулацкой хронике», «В чём сомневается Андрей Платонов», «Под маской», «Клевета» и т. п.

А между прочим, тот же «Усомнившийся Макар» даже сейчас настолько злободневен, что только диву даёшься - как же это нынешние «власти» разрешают его переиздавать? Впрочем, как и упоминаемую уже повесть «Город Градов». Рецензируя в 1938 году роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!», Платонов отметил, что одна из главных мыслей американского писателя - мысль о нахождении человеческого достоинства. И далее русский прозаик формулирует, без сомнения, и своё писательское кредо: «Главное же - достоинство - следует ещё найти, открыть где-то в мире и в глубине действительности, заработать его (может быть, ценою тяжёлой борьбы) и привить это новое чувство человеку, воспитать и укрепить его в себе...»

Так вот, «Город Градов» - это повесть об отсутствии человеческого достоинства. Платоновская грустная сатира здесь плотна, насыщена, как густой едкий раствор:

«Градов - оскуделый город и люди живут там настолько бестолково, что даже чернозём травы не родит. Народ в городе существовал без спешки и не беспокоился о якобы лучшей жизни. Служил с усердием, держа порядок в губернии, но ярости в труде не знал... Героев город не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам... Отсюда пошло то, что сколько ни давали денег этой ветхой, растрёпанной бандитами и заросшей лопухами губернии, ничего замечательного не выходило...»

В повести нет ни единого светлого человеческого лица. В самом Градове, дворянство которого произошло «от татарских князей и мурз, в летописях прозванных мордовскими князьями», и в котором теперь, после революции, проживают «черносотенцы... татары... штук сто евреев... четыре тысячи советских служащих, да безработных имеется две тысячи восемьсот тридцать семь человек», в таком замшелом месте светлых лиц, понятно, не найдёшь. Но даже главный герой повести, Иван Федотыч Шмаков, прибывший в Градов из Москвы с чётким заданием вести в губернские дела и освежить их здравым смыслом, даже этот герой - под стать всем местным градовцам-глуповцам. В повести приводятся обширные выписки из теоретического «труда» Шмакова «Записки государственного человека», в коем он доказывает, что природа - «худший враг порядка и гармонии», а бюрократия, её конкретные выражения чиновник и бумага - суть высшие достижения цивилизации и спасение революции.

В конце концов в повести город Градов (читай - Тамбов), замахнувшись на статус областного центра, проиграл соревнование с Ворожеевым (читай - Воронежем) и его «как не имеющий промышленного значения, с населением, занятым преимущественно сельским хозяйством и службою в учреждениях», перечислили в заштатные города и учредили в нём сельсовет...

И все же «Город Градов» - не самая лучшая и не самая «платоновская» вещь Платонова. Нет, всё присущее Мастеру здесь есть вплоть до уникального языка, но повесть эта, написанная 27-летним писателем, ещё несёт в себе аберрацию зрения молодого Платонова на суть происходящих в стране событий. Проще говоря, в «Городе Градове» ещё ошибочна главная идея, основная подоплёка содержания: прозорливый и честный писатель видит уродства строящейся жизни, но объясняет их весьма тривиально и упрощённо - беды в Градове происходят всего лишь от того, что «Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом...» И второе - засилье дураков среди, как мы сейчас говорим, номенклатуры. Только позже Платонов осознает душой писателя вполне и отобразит это в творчестве, что замшелость жизни, засилье дураков-начальников, раковая опухоль бюрократизма и всеобщий цинизм не разрушаются с приходом революции, а наоборот усиливаются, разрастаются, упрочняются. Аберрация души и мозга вообще характерна для фанатиков утопического всеобщего революционного счастья: даже сам Карл Маркс забуксовал в своей теории, заиклившись на бредовой идее о диктатуре пролетариата как венце развития человеческого общества...

Впрочем, сейчас разговор идёт о художнике слова. Именно - слова. Если в идеях Платонов мог по молодости ошибаться, то в языке все его невиданные эксперименты вели к вершинам мастерства. Это, наверное, единственный крупный писатель, которому подражать в стиле и лексике невозможно - сразу возникнет непредвиденный эффект пародийности. «Нечаянное сочувствие к людям, одиноко работавшим против вещества всего мира, прояснялось в заросшей жизнью душе Пухова...» («Сокровенный человек»); «Прушевский не видел, кому бы он настолько тре-

бывался, чтоб непременно поддерживать себя до ещё далекой смерти. Вместо надежды ему осталось лишь терпение, и где-то за чередой ночей, за опавшими, расцветшими и вновь погибшими садами, за встреченными и минувшими людьми существует его срок, когда придётся лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться, не сумев заплакать...» («Котлован»)

Сам Платонов умер в 1951 году на казённом дерматиновом диване в одной из неуютных комнат «Дома Герцена» в Москве, умер во флигеле, где сейчас размещаются Высшие литературные курсы. Есть легенда, как однажды Паустовский, ведя семинар в Литинституте, задумчиво смотрел в окно, потом подозвал студентов и указал им на невзрачного зачуханного мужичка, который чистил метлою осенний литинститутский двор: «Смотрите внимательно - это великий русский писатель Андрей Платонов...» Студенты, конечно, не поверили...

Платонова попытались убить ещё при жизни. Нет, не физически (и это - загадка: почему он избежал участи Пильняка, Мандельштама, того же Воронского?), но как художника. Несколько раз его отлучали от литературы. Окончательно терпение властей кончилось в 1946 году, когда Платонов, сам вчерашний фронтовой журналист, написал и опубликовал рассказ «Семья Иванова» («Возвращение»), где, как всегда от чистого гениального сердца, на советском материале ярко, убедительно и убийственно точно показал трагедию «потерянного поколения», прошедшего ад войны. С фронта возвращались люди с изменённой психологией, заглянувшие в Европу, уже не вписывающиеся в привычную сталинско-советскую действительность.

Андрей Платонов был отлучён от читателей, жил и умер нищим, бесправным, внешне униженным. Но он продолжал писать, но он сохранил свои запрещённые

рукописи, но он остался и останется надолго в русской литературе. И к нынешним поколениям советских людей, которые теоретически живут уже при коммунизме, Андрей Платонов вернулся, и теперь у каждого из нас есть великолепная возможность прочитать всего Платонова, дабы поскорее перестать быть «советским человеком» - гомосоветикусом.

Несколько по-другому, но так же исковерканно сложилась судьба другого крупного художника, «усомнившегося» в достижениях революции, - **Евгения Ивановича Замятина** (1884-1937). Родился он «среди тамбовских полей, в славной шулерами, цыганами, конскими ярмарками и крепчайшим русским языком Лебедяни - той самой, о какой писали Толстой и Тургенев» (из «Автобиографии»). Здесь прошло детство. Позже высланный в родную тамбовскую глушь за ревдеятельность, Замятин «Лебедянскую тишину, колокола, палисадники - выдержал недолго». И это понятно - натура у будущего писателя сызмальства была кипучей, неугомной, жизнедеятельной. Он с юности стремился увидеть весь мир, быть в центре событий, изменять действительность. Беспокойство его природы - в стиле, в манере письма, в бесчисленных тире.

И именно сонная Лебедянь тамбовская дала ему материал для первых вещей, сразу выдвинувших Замятина в авангард тогдашней литературы. Повесть «Уездное», опубликованная в 1913 году в журнале «Заветы», наделала шуму, удивила и привлекла к себе внимание читателей и критиков. Сам Горький - верховный судья в литературе тех лет - сопоставил «Уездное» со своим «Городком Окуровым». Правда, иные критики вплоть до последнего времени подчёркивали, что, дескать, Горький изображал процессы, происходящие в глухоманной России, с чувством близкой и оптимистической перспективы, а вот Замятину, мол, сие было не дано.

Дано или не дано, но Замятин, страстно увлечённый революционными идеями, обличал косную жизнь не менее убедительно и художественно, чем другие видные писатели начала века. Если «Уездное» и вслед за тем повесть «Алатырь» близки по духу, тематически Горьковским произведениям, то повесть «На куличках» недаром сопоставляли и сопоставляют с «Поединком» А. Куприна. Между прочим, главный герой Замятина, офицер Андрей Иванович, попал служить к чёрту на кулички, на Дальний Восток, от тамбовских родных чернозёмов.

Однако Замятину суждено было в литературе не только идти пусть и своим путём, но всё же в фарватере больших писателей, ему суждено было самому стать одним из основоположников целого направления в мировой литературе XX века - антиутопии. Роман «Мы», созданный в 1920 году, - одно из первых произведений, предупреждающих человечество об опасности «коммунистического прогресса», набирающего силу в России. Позже эта тема будет развиваться в романах-антиутопиях О. Хаксли, Д. Оруэлла, Р. Брэдбери...

На мировоззрение Замятина повлияло то, что значительную часть жизни ему пришлось жить на Западе (он был талантливым инженером-кораблестроителем, строил в Англии ледоколы для России), в стране высочайшей цивилизации, в стране Г. Уэллса, уже показавшего опасность вырождения человечества под гнётом бездумного прогресса («Машина времени», «Спящий просыпается»). В 1917 году Замятин спешно возвращается в Россию, с головой окунается в бурлящую революционную круговерть, трудится бок о бок с Горьким во всех его культурных начинаниях - работает в издательствах, читает лекции, сам много пишет.

И Замятин остаётся одним из немногих писателей,

живущих тогда в России, кто отнюдь не спешит славословить революцию и трубить агитки. Нет, его многое насмущает, смущает, удивляет в событиях Гражданской войны, в реалиях эпохи военного коммунизма. Особенно волнует Замятина вопрос о насилии: жестокость классовой борьбы для него абсолютно неприемлема, Гражданская война для него - братоубийственная бойня. И самая главная опасность, какую видел художник, - человек при новой идеологии всё больше переставал быть личностью, индивидуумом, всё больше превращался в винтик в государственной машине.

В романе «Мы» эта опасность показана Замятиным блестяще, сатирически убойно. «Счастливое» будущее, описанное в книге, больше напоминает тюрьму, где люди низведены до уровня бесправных роботов. Естественно, роман в Советской России никто печатать и не думал, однако в тогдашнем «самиздате» его прочитали многие. Замятину с каждым годом жилось всё тяжелее на родине, но он, как говорится, не склонял гордой головы, продолжал писать. В 1924 году роман «Мы» вдруг публикуется в Англии (как принято утверждать - без согласия автора), и - началась жестокая травля писателя. Но целых семь лет Замятин ещё терпел, пока в 1931 году, по ходатайству Горького, «великий вождь» милостиво не отпустил автора «Мы» за границу. Там, в свободном мире, Замятин и умер в кровавом для России 1937 году, но вроде бы своей, естественной смертью.

Прах Е. И. Замятина покоится на кладбище в Париже, и, кто знает, может быть, когда-нибудь он будет перенесён на родину и конкретно - в Лебедянь. Не у каждого из нас есть возможность побывать в столице Франции, но если могила Евгения Ивановича Замятина будет находиться в Лебедяни (ныне - Липецкой области), то, думается,

многие тамбовчане побываают на этой могиле, отдадут дань памяти талантливому писателю-земляку.

Итак, первая половина XX века, в отличие от века предыдущего, «поэтического», в Тамбовской литературе стала эпохой прозы. Но и многие крупные поэты той поры хотя бы мимоездом заглядывали на Тамбовщину, создали тамбовские страницы в своём творчестве.

Например, **Марина Ивановна Цветаева** (1892-1941) в голодном 1918 году приезжала в Тамбовскую губернию в поисках продуктов. Впечатления от поездки легли в основу повести «Вольный проезд». Кроме того, несколько стихотворений Цветаевой («Не сегодня-завтра растает снег...», «Ещё и ещё - песни...» и др.) обращены к поэту из тамбовской Лебедяни **Тихону Васильевичу Чурилину** (1885—1946), с которым её связывали личные и творческие отношения и который, по мнению специалистов, оказал влияние на раннее творчество поэтессы.

Побывал в наших краях проездом и **Борис Леонидович Пастернак** (1890-1960), а случилось это летом 1917 года. В результате родился цикл стихов «Попытка душу разлучить» с характерными заголовками «Мучкап», «Мухи мучкапской чайной» и др. и с характерными для нашего, тамбовского, уха строками:

*«Попытка душу разлучить
С тобой, как жалоба смычка,
Ещё мучительно звучит
В названьях Ржакса и Мучкап...»*

Незадолго до своего последнего ареста лечился в Тамбовском кардиологическом санатории **Осип Эмильевич Мандельштам** (1891 - 1938). Виды зимней Цны, при-тамбовских лесов, дремлющего города вызывали у поэта приливы вдохновения:

*«Въехал ночью в рукавичный,
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны – реки обычной –
Белый, белый, бел покров...»*

Ну и, конечно, недаром в тамбовском Литературном музее на общественных началах Н. А. Никифорова было немало экспонатов, связанных с **Давидом Давидовичем Бурлюком** (1882-1967). Ведь «отец русского футуризма» в детстве жил одно время в Тамбове, учился здесь в гимназии.

А ещё надо упомянуть «дядю Гиляя» - **Владимира Алексеевича Гиляровского** (1853-1935), писателя, журналиста, актёра, автора знаменитой книги «Москва и москвичи», который в молодости какое-то время играл на сценах Тамбовского, Моршанского и Кирсановского театров. В его сборнике мемуарных очерков «Мои скитания» несколько глав посвящены Тамбовщине.

Вот такая довольно пестрая получается литературная карта того периода...

Михаил БЕЛЫХ

Неизвестный Мичурин

(фрагменты из очерка)

Княжеский отрок

К сожалению, до сих пор не прослеживается однозначного толкования значения фамилии Мичурин. Полагаю, что предпринимаемая попытка сможет лечь в основу версии о происхождении и значении этой нехарактерной для Тамбовщины фамилии, а заодно и позволит проследить её взаимосвязь с историей нашего края.

Некоторое время назад мне довелось общаться с праправнуком И.В. Мичурина - кандидатом биологических наук, преподавателем Мичуринского государственного аграрного университета А.Г. Курсаковым. Заведя разговор о происхождении фамилии, Александр Геннадиевич сослался на «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И.Даля. Как оказалось, в энциклопедическом спра-

---

Михаил Петрович Белых – журналист, писатель-документалист, краевед. Родился 26 февраля 1969 года в Мичуринске. Окончил филологический факультет Мичуринского государственного педагогического института. Член Союза писателей и Союза журналистов России, автор 15 книг по истории города и района, лауреат премии Союза журналистов России (2005), областной литературной премии им.А.К. Воронского (2011), литературных премий им.И.Г. Рахманинова и Б.К. Панова (2016). В настоящее время работает заместителем главного редактора газеты «Мичуринская правда».

вочнике приводился существующий донныне вятский диалект “мичуриться”, что означает дословно “хмуриться, морщиться, глядеть насупясь, исподлобья, сердито”. Связавшись с коллегой, главным редактором газеты “Вятский край” В.В. Смирновым, я выяснил, что в Кировской области так некогда отзывались об угрюмом и малословном человеке. При разговоре с А.Г. Курсаковым подтвердилось, что его великий пращур при жизни многословием и широтой души не отличался. Был достаточно нелюдим, держался от мирской суеты в стороне. Выходит, Мичурины когда-то были людьми малообщительными, непрямодушными, за что и получили от своих сородичей такое прозвище? Вполне возможно, хотя в Вятке, наверное, искать корни этой фамилии бессмысленно, ведь сам Иван Владимирович родом с Рязанщины. А что же в Рязани?

Известно, что город Козлов был основан в 1635 году царскими стольниками И.В. Биркиным и М.И. Спешневым. Историю происхождения фамилии Спешнева мы в данном случае опустим, а вот к персоне его дяди - Ивану Васильевичу Биркину - проявить интерес уместно вполне. Согласно сборнику “Русские фамилии татарского происхождения”, изданному А.Х. Халиковым, род Биркиных вёл своё происхождение от Ивана Михайловича по прозвищу Бирка, выехавшего в начале XV века из Золотой Орды на службу к князю Фёдору Ольговичу Рязанскому. Впоследствии именно на Рязанщине этот род пустил глубокие корни, о чём до сих пор свидетельствует железнодорожная станция “Биркино”, расположенная на месте древней дворянской экономии “Биркиновка” всего в 70 километрах от Рязани. Согласно исследованиям известного лингвиста-востоковеда Н.А. Баскакова, Биркины (от тюркско - монгольского слова “бирке”, “берке” - “крепкий”, “могучий”) были тесно связаны с Байчуриными - Бачуриными, также выход-

цами из Орды, получившими русское дворянство в 1685 году. Согласно исследованиям Николая Александровича, впоследствии фамилия Бачурины видоизменилась в Бичурины, а та в свою очередь трансформировались в Мичурины. Таким образом, фамилия Мичурин может означать не что иное, как адаптированную форму татарской фамилии Байчура, существующей у современных татар до сих пор. Кстати, в переводе с болгаро-татарского “бай чура” означает “богатый богатырь”.

Однако не всё так однозначно. Приведённое выше толкование слова может иметь ряд семантических значений. Так, татарское слово “бай” переводится как “богатый, могущественный”, а идиома “чура” толкуется как “мальчик, работник, хлебопашец, воин, друг”. В результате можно получить совершенно иное определение этого сложно-составного слова: “сын богатыря, княжеский отрок, дружинник, соратник, сподвижник”. Не эта ли многозначность легла в основу того, что от словосочетания “бай чура” произошли как татарские фамилии Байчурин, Байчуров, Чурабай, так и русские Бачуров, Бачурин, Бичурин, Мичурин?

И ещё один довод в подтверждение татарских корней рода Мичуриных. Выше уже говорилось, что, начиная ещё с XVI века, они поддерживали тесные отношения с родом Биркиных. Судя по всему, эта давняя семейная традиция переходила из поколения в поколение. Так, историкам известен двоюродный дядя Ивана Владимировича - Сергей Гаврилович Биркин, - служивший во второй половине XIX века в Петербурге инспектором Александровского лицея. Да и сам юный Мичурин свои детские и отроческие годы провёл в имении “Биркиновка”, принадлежавшем его тётке Татьяне Ивановне Биркиной-Мичуриной.

Весьма символично двойное написание этой

фамилии. Очевидно, что её удвоение было выбрано осознано. Вполне возможно, что таким образом люди стремились сохранить свою принадлежность к одному из древних родов при любых жизненных обстоятельствах. Выходит, что историей фамилии в этих семьях дорожили, гордились, изучали. Следовательно, в семейных преданиях, наверняка рассказанных юному Ване, не раз упоминался их дальний родственник И.В. Биркин, заложивший грозную военную крепость на Козловом урочище. Получается, что покинув отчий дом в 17-летнем возрасте и переехав во вроде бы чужой для него Козлов, Иван чужим в нём себя не ощущал. Он осел в городе, который основали его предки. А ему самому было суждено изменить траекторию развития этого города...

Пассажир поезда Рязань-Козлов

Полагаю, что многие горожане не раз задавались вопросом: почему хрупкий 17-летний паренёк сошёл именно на козловский перрон в один из дней далёкого 1872 года с подножки пассажирского поезда, прибывшего из Рязани? Юный Ваня Мичурин для своего местожительства, конечно же, мог выбрать любой другой город Российской империи, если бы на тот момент был полномочен в принятии самостоятельных решений. Однако его трудоустройством занимались опекавшие его родственники: не чаявшая в племяннике души тётка Татьяна Ивановна Биркина-Мичурина и её брат - Лев Иванович Мичурин, служивший в ту пору председателем Пронской уездной земской управы Рязанской губернии.

Юного Ваню, оставшегося рано без родителей (мать умерла от горячки в возрасте 33 лет, когда пареньку едва исполнилось 4 года, отец, помешавшись рассудком, попал в Рязанский сумасшедший дом), родственники готовили

для поступления в Санкт-Петербургский лицей, закрытое учебное заведение для детей потомственных дворян. Согласно уставу 1848 года, лицей готовил воспитанников для гражданской службы во всех ведомствах, в том числе и для Министерства иностранных дел, и находился под особым покровительством российских императоров. В разное время это учебное заведение окончили А.С. Пушкин, государственный деятель А.Б. Лобанов-Ростовский, революционер М.В. Петрашевский, писатель М.Е. Салтыков-Щедрин и многие другие. Кто знает, если бы Ване Мичурину удалось-таки окончить это элитарное учебное заведение, стал бы он тем, кем стал? И какого деятеля науки, культуры, образования Россия в его лице потеряла? А шансы поступить в Санкт-Петербургский Александровский лицей у Вани были. Дело в том, что его двоюродный дядя Сергей Гаврилович Биркин долгое время был инспектором этого учебного заведения и, полагаю, не без протекции батюшки в лицей поступили, а затем и окончили его сыновья и троюродные братья Мичурина - Лев и Пётр.

Кстати, мною уже упоминалось о том, что семьи Мичуриных и Биркиных с давних времён состояли в родственных отношениях. Вполне возможно, что начало их родству было положено в 1814 году, когда при крещении одного из детей рода Биркиных восприемницей как раз и была майорша Мария Матвеевна Мичурина - бабка Ивана Владимировича. Будучи родственниками, представители этих династий с незапамятных лет и жили-то по-соседству. Так, Мичуриным принадлежали село Алабино и деревня Мичуровка (Долгое) Архангельской волости, а также деревня Ухорские выселки Юраковской волости Пронского уезда. Биркины испокон века владели деревней Николаевкой и селом Филатово всё той же Юраковской волости. Однако и здесь не всё однозначно. Согласно имеющимся у

автора документам, деревня Долгое, ставшая со временем Мичуровкой, долгое время была родовой вотчиной именованно Биркиных. Первые сведения о ней мы находим в хрониках 1732 года, когда деревня с 327 крепостными была записана за коллежским ассессором Фёдором Ивановичем Биркиным, а уж от него перешла к его сыну штабс-капитану Гаврилу Фёдоровичу, затем к внуку, провинциальному секретарю Владимиру Гавриловичу Биркину. Кстати, его-то и крестила бабка Мичурина.

А вот влиятельный вельможа П.Г. фон-Дервиз, сыгравший в судьбе Вани Мичурина определяющую роль, коренным помещиком Рязанской губернии не был. Павел Григорьевич родился у нас на Тамбовщине в городе Лебедяни, что, впрочем, не помешало ему впоследствии стать главным концессионером по строительству Рязано-Козловской железной дороги. Всё дело в том, что в 1865 году в нескольких километрах от села Старожилово Пронского уезда прошёл участок нового железнодорожного полотна. Тут-то концессионер и обратил внимание на живописные места по берегам реки Истья. Вскоре более 3000 десятин земли были приобретены Павлом Григорьевичем у местной помещицы княгини Орловой. Так П.Г. фон-Дервиз стал Рязанским помещиком и, соответственно, соседом Мичуриных и Биркиных.

Относительно того, кто из родственников Мичурина замолвил-таки словечко о сироте Ване перед именитым соседом, официальные биографы И.В. Мичурина предлагают разные версии. Одни считают, что этим человеком стала тётка Татьяна Ивановна, которая лично просила фон-Дервиза о трудоустройстве племянника. Другие не без основания полагают, что за Ваню просил дядя Лев Иванович, используя своё положение председателя Пронской уездной земской управы. Думаю, что правы и те и другие. В роли

ходатаев они могли выступить сообща. Так или иначе, но именно благодаря соседству фон-Дервиза, а также тому, что уже в сентябре 1866 года Козлов был связан с Рязанью железнодорожной магистралью, судьба Вани Мичурина была предрешена. Осталось лишь дожидаться, пока станция Козлов обростёт инфраструктурой: складами, пакгаузами, запасными путями, железнодорожными мастерскими, различными конторами и службами. Через шесть лет, к 1872 году, станция была уже практически сформирована. В новой товарной конторе открылась вакансия, куда и был с соответствующей рекомендацией откомандирован 17-летний Иван Мичурин.

Почётный железнодорожник

Думается, нет смысла в сотый раз перечислять достижения этого удивительного человека. Лучше попытаться взглянуть на его биографию в несколько ином аспекте. Тогда, быть может, нам и удастся понять его многочисленные заслуги.

К сожалению, сегодня из нашей исторической памяти совершенно вытерлось то обстоятельство, что свой трудовой, а уж затем и научный путь Иван Мичурин начинал в 1872 году в скромной должности коммерческого конторщика железнодорожной станции Козлов - главный. Ныне в здании бывшей товарной конторы расположена транспортная прокуратура, а о факте нахождения здесь железнодорожной конторы свидетельствует мемориальная доска. Так по стечению обстоятельств изначально И.В. Мичурин вошёл в историю Козлова не в мантии академика, а в форме железнодорожника.

С юных лет Иван Владимирович увлекался механикой. По воспоминаниям современников, он с удовольствием разбирал различные часовые механизмы, пытаясь дойти

до сути работы любого прибора. Спустя годы эта страсть помогла ему в создании новых садовых инструментов и приспособлений, речь о которых пойдёт ниже. Однако вначале увлечение механикой помогло молодому Мичурину сделать на железной дороге весьма успешную карьеру. За сравнительно короткий временной отрезок Мичурин успел побывать в должностях коммерческого конторщика, кассира, заместителя начальника станции (из-за едкой насмешки над начальником был разжалован в конторщики). Но тут Мичурину выручило знание точной механики, телеграфии, телефонии и сигнальной аппаратуры, изучению которых он посвящал свободное время.

Наличие специфических знаний позволили Мичурину в 1877 году занять место монтера часов и сигнальных аппаратов на участках Козлов-Рязань и Данков-Лебедевья, а по сути - должность узлового надсмотрщика механизмов на правах помощника начальника станции с солидным окладом в 360 рублей годового содержания. Так, ремонтируя часы, а также аппаратуру сигнализации и связи на разных станциях, он прослужил на Рязано-Козловской железной дороге 12 лет. Кто знает, если бы не любовь к селекции, на железнодорожном поприще он мог бы достичь значительных высот.

Однако в качестве железнодорожного служащего в историю Козлова Ивану Владимировичу суждено было вписать ещё одну яркую страницу. В те годы железнодорожники занимали в Козлове положение городской интеллигенции. Среди них было немало иностранцев, поступивших на русскую службу и впоследствии пустивших у нас корни. Среди них был начальник Козловских главных паровозоремонтных мастерских бывший шотландский подданный С.А. Грунди. Поддерживая с помощником начальника станции И.В. Мичуриным дружеские отношения,

Самуил Андреевич предложил ему однажды составить и осуществить проект силовой установки по производству электроэнергии для освещения железнодорожной станции Козлов - главный. По сохранившимся архивным документам этот план и был успешно осуществлён в 1888 году. Без сомнения, то был первый опыт применения электричества в промышленных масштабах в нашем городе. Так будущий великий естествоиспытатель снискал сперва у горожан славу талантливого электрика и механика.

Таковы вкратце некоторые малоизвестные факты из жизни И.В. Мичурина – человека, чьё имя вот уже 84 года носит второй по численности населения город Тамбовщины. Согласитесь, если бы юный Ваня Мичурин не приехал в далёком 1872 году к нам с Рязанщины, кто знает, как сложилась бы в дальнейшем его судьба, да и города Козлова-Мичуринска, ставшего со временем первым отечественным агропромышленным наукоградом...

Валерий АРШАНСКИЙ

Орлиное перо Ларисы Васильевой

« Папа, мама, я ...»

Во вторник, 28 апреля 1953 года, в газете «Пионерская правда» - органе Центрального и Московского комитетов комсомола той поры - появилось (на первой странице!) стихотворение никому не известной девочки Лары Кучеренко «День наш заполнен делами». Не стих, конечно, а обычный вирш, присланный десятиклассницей 609-й столичной школы с набором дежурных фраз. Тут и зеленеющая весенняя листва, и дружные ребята-одноклассники, и похвала интересным урокам наряду с ожиданием первого экзамена...

-Но, Бог ты мой,- с улыбкой вспоминает Лариса Николаевна,- какой же луч славы обжёг меня тогда! Мало того, что в школе я тут же стала знаменитостью и для учеников, -и для учителей, так ещё и в редакцию «Пионерки» хлынул поток писем со всего Советского Союза. Сверстники звали

Валерий Семёнович Аршанский - прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в Магнитогорске, с 1967 года живёт в Мичуринске. Публиковался в журнале «Подъём», в региональных изданиях. Автор 12 книг прозы и публицистики. Заместитель генерального директора издательского дома «Мичуринск». Заслуженный работник культуры РФ, лауреат различных премий.

в гости к себе - на Украину и в Молдавию, ребята из Грузии, Армении спрашивали о Москве, узбеки, белорусы предлагали знакомство и дружбу... Моя записная книжка наполнилась всё новыми и новыми именами, адресами, телефонами... Вот когда я впервые осознала и поняла силу, магию, притягательность печатного слова!

Пройдут годы и десятилетия. Уже не хватит листа бумаги, чтобы просто перечислить все титулы, звания, награды, регалии Ларисы Николаевны Васильевой - поэтессы, прозаика, драматурга, автора знаменитых на весь мир книг - бестселлеров «Кремлёвские жёны» и «Дети Кремля», «Василиса», «Альбион и тайна времени», «Евдокия Московская»... А в её памяти и по сей день самыми светлыми, добрыми, лучезарными воспоминаниями остаются именно детские годы с их музыкой и песнями, нарядами и красками, играми и запахами. А это любимые мамины духи «Красная Москва» в сочетании с горьковатым папиросным дымом сигарок «Казбек», манящие ароматы бабушкиной кухни, где булькают и шипят на сковороде сочные котлеты, сладость ирисок и разноцветных конфет - подушечек, наконец забытых сегодня.

Домашний фотоальбом хранит облик Лары пятилетней девочкой, где она запечатлена в красивом костюмчике «в облипочку», голова увенчана белой вязаной шапочкой с двумя смешными помпончиками, в глазах - радость, удивление, приветствие открывающемуся миру. Ещё бы! Всё было первым, впервые... Море живых и бумажных цветов, флаги и знамёна, оркестровые марши, где самый популярный мотив - «холодок бежит за ворот», взрывающиеся ввысь гирлянды воздушных шаров, транспаранты во всю ширь колонн и портреты вождей; это дошкольница Лара с восторгом наблюдает первомайскую демонстрацию в центре Харькова, сидя высоко - высоко, на плечах

синеглазого гиганта - отца (рост метр девяносто сантиметров), сама размахивая маленьким флажком. А неподалёку, в любимом парке имени Тараса Шевченко, сказочно переливаются водяные дуги фонтанов, в том числе «Зеркальная струя». И необозримо раскинулась громадная площадь Тевелева, о которой сами харьковчане говорят, что она по размаху вторая в мире, не уточняя, правда, где же находится первая? Наверное, это площадь Тяньаньмынь в сердце Китая - известном городе Пекине.

Почему Харьков? Там проходило её довоенное детство: на секретном номерном заводе бывшей столицы Украины ведущим конструктором работал отец - Николай Алексеевич Кучеренко - один из создателей боевого танка Т-34. Родной, любимый человек, которому дочь со временем посвятит не только стихи, документальную и художественную прозу, а и с помощью друзей откроет вблизи своего подмосковного дома, в Мытищенском районе, уникальный танковый музей его памяти, с легендарной «тэ-тридцатьчетвёркой» во главе экспозиции. И в центре Тамбова, и в Петровском районе нашей области, где в войну родился всесоюзный геройский почин - собрать средства на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», да, пожалуй, во всех регионах страны не зря стоят танки на пьедесталах. Боевые машины - такие же спасители Отечества и победители, как доблестные солдаты, как прославленные маршалы и генералы!

Недаром даже крайне скупой на похвалу Верховный Главнокомандующий, отец всех народов И.В. Сталин в лютом январе 1942 года на большом совещании высоких военных чинов заявил во всеуслышание, что танк Т-34 на деле показал свои хорошие качества: имеет большие мощности, везде проходит, особенно хорошо идёт по снегу, а потому необходимо «раздуть выпуск танков Т-34»

(дневниковые записи В.А. Малышева - в годы войны наркомом среднего машиностроения СССР). Создателям мощной боевой машины, в том числе инженеру-полковнику Н.А. Кучеренко в том же году, только в апреле, была присуждена награда-наград - Сталинская премия 1 степени, в размере 100 000 рублей.

Таков был у красавицы - мамы, Екатерины Васильевны муж, и её, Ларисы, отец. В годы войны назначенный начальником конструкторского бюро Нижне-Тагильского Уралвагонзавода, с задачей и сверхзадачей, как можно быстрее и больше выпускать позарез нужные фронту танки Т-34, с честью прошедшие огневое крещение в Подмосковье, выстоявшие на рубежах длиной с пистолетный выстрел на Волге при обороне Сталинграда, показавшие врагу где раки зимуют в боях под Прохоровкой, и умело взявшие последнюю гитлеровскую цитадель - Берлин, на улицах которого в прорезь прицела открывалась самая желанная, самая долгожданная панорама - Победное знамя над поверженным рейхстагом.

Находясь в уральской эвакуации, Лариса училась в женской школе №7 (обучение у девочек и мальчиков было раздельное), читала на утренниках с неподдельным выражением стихи Лермонтова, в том числе - взрослое, длинное, сложное «Умирающий гладиатор», которое, по её признанию, помнит наизусть до сих пор. И вырезала из местной газеты патриотические стихи любимой Людмилы Татьяничевой, не думая и не предполагая, что наступит такой час и она - живую - встретится и подружится с поэтической знаменитостью на много-много лет, уже в Москве.

Соткана была Луна из зелёных веток хмеля

Не в первый раз судьба нас сводит с Ларисой Николаевной во время её приездов на тамбовскую землю, благодаря другу Васильевой - краеведу, публицисту Анатолию Сергеевичу Трубе. Радость и одно удовольствие слушать замечательную московскую гостью в шумных, подолгу не отпускающих её студенческих аудиториях технического и гуманитарного университетов областного центра или во вместительном актовом зале Мичуринского аграрного вуза. На раз расходятся книги и аудиодиски писательницы в кулуарах Домов культуры, библиотек, читальных залов перед и после её выступлений перед разночинной публикой, длящихся по два часа и более. Порой благодарные читатели просят оставить автограф на книгах, издание которых и для самого автора - откровение. Но приятное откровение и по прошествии лет !

Вначале Лариса Николаевна читает свои стихи, с особым вкусом преподнося самое первое из первого же её печатного сборника лирики «Льняная Луна» (книга тут же была удостоена весомой премии Московского комсомола):

*Соткана моя Луна
из зелёных веток хмеля,
из упругих ниток льна
да из русских прядей Леля.
Долго я Луну ткала,
огорчалась, волновалась,
нить за ниткою ткала,
нить за нитью обрывалась...*

Потом рассказывает о себе. И поклонники творчества Ларисы Васильевой внимают, как заворожённые, её воспоминаниям о том, как, например, уже в Москве, школьницей, она первый и последний раз в жизни увидела Вождя. Наряжая с лестницы-стремянки новогоднюю

ёлку в квартире Ворошиловых, удостоилась слов самого ... Сталина, навестившего в тот вечер жилище Климента Ефремовича. Зоркая - она успела разглядеть с лестничной высоты и первую, едва заметную плешь на голове генералиссимуса, и неестественное положение его левой руки - прямо говоря, ту самую сухорукость Всемогушего...

Вскинув глаза на девчонку, «Высоко забралась, больно падать будет», - без улыбки заметил в её адрес Иосиф Виссарионович. Для вождя - тут же забытое замечание вскользь, для адресата - память-рубец на всю жизнь...

Её начальные стихи, занесённые в тетрадку и тайком показанные тётей Ларисы самой Анне Ахматовой, поэтесса снабдила своими пометками на полях - лестными и нелестными... Это были святые письма великой Анны Андреевны, с которой Лариса так и не решилась познакомиться лично из-за благоговения, преклонения перед гением. Хотя небожитель, как девочке казалось, Анна Андреевна, там же, на полях листиков «в линейчку», чётким каллиграфическим почерком сделала приписку : «Меня не бойся, меня тебе не надобно бояться». Находясь под известным партийным Постановлением, слова « не надобно» Ахматова сочла нужным подчеркнуть.

Мы беседуем с Ларисой Николаевной, оставшись один на один в расположенном на втором этаже кинотеатра «Октябрь» кафе, из высоких и просторных окон которого отлично просматривается вся центральная площадь Мичуринска и виден стоящий на мраморном пьедестале бронзовый памятник знаменитому преобразователю природы. Неспешно беседуем за чашкой чая всё то время, пока сын её - Георгий Олегович - занят неподалёку в старинном Ильинском храме (архитектурной доминанте старого Козлова) осмотром икон, клироса, амвона, беседой со священнослужителями. По профессии музейщик, Георгий Васи-

льев никогда не упускает возможности почерпнуть нечто новое, собрать интересующие его сведения от коллег, будущи историком, летописцем современности и, в то же время, коллекционером «свидетельств древности глубокой».

- Лариса Николаевна, расскажите, пожалуйста, об английском периоде вашей жизни, ведь почти шесть лет были отданы туманному Альбиону. Ваш муж, как зарубежный собственный корреспондент «Известий», менял в Лондоне Мэлора Стурау?

- Нет, Олег Сергеевич Васильев прибыл менять Виталия Кобыша, такого же журналиста-международника, который уезжал в Америку. Жили мы, слава Богу, свободно, именно в городе, а не в посольском замкнутом пространстве, а потому могли без проблем встречаться с известными, симпатичными нам людьми, устраивать приёмы, на которые откликалась местная пресса. С первым послом отношения были по-настоящему дружеские, человеческие. А со вторым - напряжённые, он почему-то считал, что лично я, ни больше - ни меньше, поссорю его с Компартией Англии, хотя я и понятия не имела, где та компартия у них находится. Да и сама, скажу по правде, никогда за свои 80 с хвостиком ни в какую партию не вступала, ни к каким литературным и прочим группировкам не примыкала, посещение университетов марксизма-ленинизма тоже счастливо избегала, считая, что достаточное образование получила на филологическом факультете МГУ.

Англия поначалу давалась мне очень тяжело. Я её выдерживала не более двух с половиной - трёх месяцев, а потом всеми силами рвалась домой, в Москву, ночей не спала, так тянуло в Россию. Уезжала, потом возвращалась и на какое-то время успокаивалась. Олег Васильев был по маковку загружен редакционными заданиями, а я потихоньку стала собирать материал для повествования о Британии,

коль уж мы там находились. Родилась книга «Альбион и тайны времени», получившая большой и неожиданный для меня успех - прежде всего, у самих англичан. Знаете, хотелось развеять сложившийся и устоявшийся миф о том, что жители Великобритании вообще, а лондонцы, в частности, сплошь холодные, чопорные люди, с вечно поджатой нижней губой. Это не так. Никакого я не ощущала в общении с ними ни гонора, ни снобизма. Милые, вежливые, приветливые люди, всегда готовые откликнуться на первое же твоё к ним обращение, воспитанные, не упускающие возможности и с мало знакомым человеком в подъезде, допустим, перекинуться хоть парой фраз о текущей погоде, улыбнуться при встрече, тепло пообщаться, касается ли разговор состояния соседнего скверика или вчерашнего концерта поп-звезды. Странное дело! Но после возвращения в Москву я очень долго ностальгировала по Англии, чего, живя там, и представить себе не могла. Но вот, случилось. Люблю Англию по сей день. Что уж было говорить о покойном муже, блестящем знатоке английского языка, литературы, эрудита, настоящего денди и джентльмена, вписавшегося в лондонский колорит со всей мощью своего литературного таланта и чисто человеческим дарованием...

Конечно, за те шесть лет, с 1973 по 1978 годы, различные складывались и житейские, и политические ситуации, не были в диковинку и провокационные моменты с «противоположной стороны», скажу так, не вдаваясь в подробности. Но для нашей семьи, лично для меня ангелом-хранителем, оберегом и, как я его в шутку и всерьёз называла «послом доброй воли», оставался прекрасный человек - офицер госбезопасности Яков Константинович Лукашевич, незримо раскрывавший над нами свои крылья и незаметно ограждавший от всех напастей. Поминаю его только добрым, прочувствованным словом.

Беседуем о литературе

- Лариса Николаевна, читатели меня никогда не простят, если я не спрошу Вас о встречах и общении с великими ...

- Да? И правильно сделают! Шучу, конечно. Но вот только, как же я смогу рассказать обо всех памятных встречах? Несть им числа, хотя очень многое смогли вместить в себя сборники художественной прозы, поэзии, публицистики, но сколько ещё нереализованных заготовок покоится на письменном столе... Впрочем, как и у всех писателей, с тяжёлым вздохом окидывающих своё литературное богатство. Я же объездила практически весь бывший Советский Союз, от Сахалина и Курил до Центрального Черноземья. Побывала во множестве стран в составе писательских делегаций, по общественным делам, а в настоящее время - с государственными поручениями, как член Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации. Я уж не говорю о разъездах по своей личной инициативе при работе над книгами.

Конечно, навсегда врезалась в память писательская поездка летом 1967 года в заветную станицу Вёшенскую к Михаилу Александровичу Шолохову. Как мы все робели тогда, как сжимались от одной мысли, что будем общаться с живым классиком! Однако, как все по-настоящему великие и умные люди, создатель «Тихого Дона» был с нами на удивление прост и доступен, шутил, пересмеивался, вступал в разные разговоры. И в то же время - оставался большим человеком с поучительным чувством собственного достоинства во всём - в словах, суждениях, жестах, даже улыбке. Жизнь подарила и радость встреч с героями - космонавтами, прежде всего - с Юрием Алексеевичем Гагариным. Правда, после появления первых же моих материалов о нём, молва сходу приписала мне роман с Космонавтом

№1, чему мы немало посмеялись с Валентиной Терешковой. Ох, эти злые языки. Сколько же они преследовали меня и потом, то сводя, то разводя с героями разных документальных произведений. Вот уж, поистине, издержки литературного производства!

Не сосчитать, сколько прекрасных жизненных уроков получила я от актрисы на все времена - Веры Петровны Марецкой. Это она отговорила меня от идеи поступать в театральную вуз, сказав веско, убедительно: «Ты что, хочешь всю жизнь говорить чужими словами, словами из выученных ролей? Лучше говори свои, ты же пишешь стихи!» Я была дружна с прекрасными поэтами - трижды горевшим в танке фронтовиком Сергеем Орловым, которого всегда считала своим родным братом, великим умницей, мудрым учителем и наставником в поэзии Сергеем Наровчатовым; немного отвлекаясь, скажу, что Сергей Есенин и названные два Сергея - для меня бессмертный пароль настоящей поэзии, моё любимое мужское имя. Неподражаемым оставался всегда весельчак и великий оригинал Виктор Боков. А сколько света, знаний несли в себе интеллектуалы высокой пробы Борис Слуцкий, Александр Яшин, Михаил Дудин, посвящавший, кстати, мне свои стихи. Что вы! С их уходом такая образовалась брешь, такая пробоина в нашем литературном корабле, которую пока - нет, не могут восполнить ни версификаторы поэзии, ни модные подражатели, на слогатели побасенок... Хотя очень хочется верить, что будут у нас и новые Рубцовы, и новые Соколовы, и новые Кузнецовы, и новые Жигулины. Я до сих пор оплакиваю нелепую смерть Коли Рубцова. Какой он был славный парень, как умел дружить... Скромный оставался в общении до застенчивости. Сирота. Со всеми вытекающими последствиями. Я его, помню, корила, когда прочла знаменитое Рубцовское

*В горнице моей светло-
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...*

Говорю: Коля, почему матушка-то у тебя идёт за водой, а не ты, здоровый малый? - Знаешь, - говорит,- я об этом и не подумал... Вот оно, сиротство, жизнь без матери. Николай Рубцов - это вообще отдельная планета. Нет, скорее даже комета, ярко вспыхнувшая и без времени погасшая...

Знаете, я могла бы бесконечно долго рассказывать и о других, как вы говорите, великих. Тем более, что мой отец дружил с братом Ворошилова, Петром Ефремовичем, для меня просто дядей Петей. В нашем родительском доме бывали замечательные люди - театральные режиссёр Юрий Александрович Завадский, великолепный человек, актёр божьей милостью Ростислав Янович Плят, Анна Андреевна Ахматова... Ставьте к каждому из этих имён самые высокие эпитеты - прекрасный, великий, гениальный - не ошибётесь, всё будет в точку. Анна Андреевна... До сих пор неизведанный остров, женщина - королева, о которой и моя повесть «Королева без королевства». Сколько ей довелось пережить, какие испытать страшные потери, удары судьбы...Трагическая гибель мужа. Несколько раз сидел в советской тюрьме сын, который был потом и сослан. Сама получила ждановское клеймо «полумонахини, полублудницы». А знаете, к слову, что она сказала после этого, прочитав ждановский вердикт? «Он прав. По-своему. Ему придётся за это ответить. В будущем. Я не смогу его защитить перед вечностью.» Вот такая нравственная сила наполняла царственную Анну Андреевну, делала её прозорливицей и гением литературы.

Мы с вами говорим о классиках прозы и поэзии.

Но какие были у меня великолепные педагоги на филфаке МГУ! Всё ведь начинается с учителей, Винокуров тут глубоко прав, сказав, как вырубив на скрижалях, «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» У нас на факультете пел профессор Радциг, актёрствовала Кучборская, бубнил Гудзий. Но главным действующим лицом был Николай Иванович Либан, умевший на лекциях «гипнотизировать» студентов своими познаниями, умением открывать миры, хотя «всего-то» старший преподаватель, без степени, но превосходивший по эрудиции и кругозору многих доцентов, профессоров, академиков. Это он учил нас разгадывать тайны старинных летописей, включая «Слово о полку Игореве», по которому и я сделала два перевода с древнеславянского. Он учил нас писать любые диссертации по гуманитарным наукам. Другой корифей - Михаил Трофимович Панченко. Тоже старший преподаватель, только факультета журналистики МГУ. Как и «мой» Либан - человек абсолютно чуждый банальности, умевший и сам проникать, и нас, студентов, вести за собой в тайны мироздания.

Я очень грущу о распаде Советского Союза, о былом братстве литератур. Какие были яркие, солнечные поездки в Узбекистан, Туркмению, Таджикистан, Киргизию... Выступления перед прекрасными людьми труда прямо на полях, в цехах, в сельских Домах культуры... И всегда переполненные залы, жадно слушающие писателей, поэтов молодые и пожилые. Мы увидели Азию, восхитились Сибирью, любовались красотами Молдавии, Армении, Днепро-провскими кручами... Но главным было профессиональное братство, духовное единение тружеников литературного цеха, понимающих друг друга с первого взгляда, с полуслова, независимо от пола, возраста, вероисповедования и политических пристрастий... Каждый был личность, каждый

умница, каждый талант. Так и стоят в памяти Берды Кербабаяев, Лоик Шерали, Мирзо Турсун-заде, Геворг Эмин. Мы с ними встречались и воочию, и на страницах прекрасного альманаха-ежегодника «День поэзии», несколько выпусков которых мне было поручено редактировать, и я с удовольствием помещала там стихи воронежских поэтов, сотрудников очень содержательного, интересного журнала «Подъём», тамбовских, липецких, орловских, курских поэтов. Я с удовольствием переводила на русский язык стихи мудреца Лоика, радовалась белорусской поэзии Евдокии Лось и Анатолия Вертинского, творчеству украинских друзей Ивана Драча и Бориса Олейника.

Улочки - шкатулочки, наличники, собор...

У меня ведь тоже национальность получилась интересная: по маме я западная украинка с польскими вкраплениями, по отцу - восточная украинка с курскими вкраплениями. И кто я, скажите? Однажды спросила отца: «Ты кем себя ощущаешь, русским или украинцем?» Он говорит, когда пою «Есть на Волге утёс», - русским, а когда «Ридна маты моя», - украинцем. Как разделить две братские страны, два славянских народа?

- Вам задавали эти вопросы на творческой встрече в читальном зале городской библиотеки...

- Да. Вы же слышали, я говорила о том, что после распада СССР у нас наступило очень непростое, очень непонятное и тревожное время. Что нужно было считать путчем? Был ли это действительно путч? Кого считать врагом, а кого героем? Как произошла Беловежская вечеря, на которой четверо пожилых мужчин решили судьбы многомиллионных народов, хотя люди из всех сил старались удержать страну...

Понимаете, мы - славяне. То есть, люди слова, совести, чести. Англичане - люди дела, немцы - тела, ну и так далее, и так далее. Я никому своё мнение не навязываю и не считаю его окончательным. Но! Как верующий человек, как человек пусть и молодой душой, но немало проживший на этом свете, я считаю, что искусственно насаждаемая некоторыми политиканами вражда, политический мусор всё же отшелушатся, а чистота, совесть, честные отношения братских народов останутся. Даст Бог, сольются вновь воедино страны, связанные общим, по сути, языком, одной историей и пролившие столько крови во имя одной цели - избавления от фашизма...

- Лариса Николаевна, какие у Вас впечатления о Тамбовщине, о первом и единственном в России городе-наукограде аграрно-продовольственного профиля - Мичуринске?

- Ой, ну везде мне встречаются добрые, распахнутые души. Я очарована пленительным сочетанием новизны и старины Тамбова, города со своим лицом, бурно строящегося, хорошеющего на глазах. Не скрою, очень приятно, что две замечательные девушки, аспирантки ТГУ, пишут кандидатские диссертации по моим книгам и творчеству вообще... С нетерпением жду выхода в свет их трудов. Свежий, не замутнённый пристрастиями взгляд со стороны на твою работу - это такой стимул для писателя!

Мичуринск? Городок поразил меня своими улочками - шкатулочками, удивительной - этакой кружевной вязью налличников, которые не везде ещё сегодня и в провинции увидишь, сохранившейся кирпичной кладкой многовековых каменных стен, подворотен, прежних барских домов. Внушительные храмы, Боголюбский собор... Прелесть! Только бы ничего не порушили, наоборот, сохранять всё прошлое великолепие нужно, как музейные реликвии...

Но больше всего меня потрясло посещение с вами вместе и общение с заведующей Домом-музеем Мичурина Людмилой Васильевной..., сколько она сказала? Почти сорок лет бесменно работающей в стенах мемориала учёного. Удивительная женщина! Сколько она всего и вся знает о Мичурине, его трудах, его семье, его характере... И что ростом он был невелик - метр пятьдесят девять сантиметров, и что глаза у него были очень живые, карие, и что больше всего из еды любил он гречневую кашу, а из фруктов - яблоко золотая китайка...

-Но и Людмилу Васильевну Волокитину смутил ваш вопрос, какая у Мичурина была группа крови... Обещала обязательно узнать...

-Да. Но, понимаете, вначале я прочитала в одной распространённой книжечке из популярной, народной, можно сказать, серии, а затем сама на бесчисленных примерах своих и знакомых убедилась: группа крови способна рассказать о человеке всё-всё-всё, что только можно и нужно о нём знать. Попробуйте - убедитесь сами. В группе крови заключён и генетический код и кода - характеристика всех человеческих качеств индивидуума.

Мы начали говорить о Мичурине...

- Вот, скажите, каким надо было быть нравственным человеком, сыном своей страны, чтобы на самые обворожительные, сладкие посулы американцев, немцев, испанцев о переезде в их благодатные края вместе с питомником (фрахтовался под эти цели пароход), где ему будут созданы все условия для спокойной научной работы, все бытовые блага, включая фантастическую оплату труда, после некоторых размышлений всё же ответить отказом. «Нет, яблонька на чужой земле не приживается»... И в тот же

вечер сказать жене :» А приготовь-ка на ужин, Шуронька, тюрю, да капни туда ложечку маслица подсолнечного...» Тюря...А мог бы в лучших ресторанах Европы, Америки вкушать ананасы в шампанском, устриц и сыр-рокфор...А он предпочёл хлебный квас, зато у себя на Родине... Мне очень жаль, что вот уже отметили 160-ю годовщину со дня рождения Ивана Владимировича Мичурина, чья жизнь - подвиг, а до сих пор нет о нём полновесной книги из «Жизни замечательных людей»... Правда, не знаю, нужны ли сегодняшним издателям и издательствам такие фигуры, как Мичурин, трудами которого интересовался для обсуждения на Совнаркоме Ленин, которого высоко ценил Вавилов, к которому дважды приезжал к вам сюда, тогда ещё в Козлов, Калинин, и на смерть которого скорбной телеграммой соболезнования откликнулся Сталин? Мичурин... Человек, ещё при жизни которого город получил его имя, а вся страна - массовое движение по озеленению городов и сёл, то есть, юных мичуринцев, а весь мир - основы научного садоводства...

- Лариса Николаевна, по некой ассоциации хотел бы спросить, а кремлёвские жёны были привередливы к столу, нарядам, вообще к светской жизни? Вы же первооткрыватель на планете «бархатного занавеса» над литературным жанром такого рода...

- Прежде я хотела бы сказать, что женщины XX века вообще начали делать то, что их предшественницы в XIX веке никогда не делали. А именно: преподавать в школах и вузах, успешно лечить, конструировать, моделировать, строить, даже участвовать в политической борьбе, увы, революциях и терактах. Открывая для себя, а, значит, и для читателя жён Ленина, Сталина, Молотова, Будённого, Кагановича, Брежнева и других видных государственных, политических деятелей я каждый раз словно входила в

новую реку, где уже на стремнине надо было решать, в какую плыть сторону, левую или правую, как подавать на страницах книги их неповторимые характеры, нравы, особенности... Сразу скажу, что самым сильным открытием стала для меня личность Надежды Константиновны Крупской, о подлинном масштабе жизни и деятельности которой у нас если и знают, то крайне мало. А он если и сопоставим, то разве что с жизнью и деятельностью всемирно известной женщины учёного, физика, химика, педагога, общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии за открытие важнейших радиоактивных элементов Марии Склодовской - Кюри.

Я прочитала все 11 томов педагогических трудов Крупской и смело могу утверждать, что и сегодня они могут быть востребованы, не утратили своей актуальности. Такой она обладала ясностью ума, дальновидностью, кругозором. В молодости Надежда Крупская была удивительной красавицей: полные губы, брови вразлёт, тонкий стан, длинная девичья коса, румянец всюду на щеках... К сожалению, разыгравшаяся с годами «базедка» не дала ей возможности иметь детей... В Надю, Наденьку был страстно влюблён революционер Виктор Курнатовский, пожелавший перед ранней своей, неожиданной смертью увидеть только её и она примчалась проводить его в невозвратный путь...

Надежда Константиновна всегда была рядом с Лениным, во всём помогала ему, сама очень много работала, вплоть до последних дней. И умоляла вождя похоронить мужа по христианскому обряду и обычаю, на что тот ответил ей непререкаемым тоном, на грани грубости. И тот злополучный торт, присланный Сталиным лично от себя на её день рождения... Много ещё тайн осталось не распечатанными, они ждут новых исследователей.

А в целом, несчастными были кремлёвские жёны, пожалуй, все, без исключения. От дорогих нарядов и обуви шкафы ломятся, а выход в них - три - четыре раза в год на большие революционные празднества. Кремлёвский продовольственный паёк получают такой, какой и не снился фабричным труженицам, но широкое семейное застолье с приглашением сельских, скажем, родичей из «глубинки» не устроишь: каждую кандидатуру нужно заранее согласовать, где следует. А кто его знает, что там с годами стало, с той или иной «кандидатурой», может быть, он (она) куда-то не туда переметнулись... И кто тогда ответит перед партией и народом, перед Батькой лично за их несправедные деяния? В общем, птицы в золотой клетке, да ещё с обетом молчания на устах. Благо, некоторые жёны дожили до той поры, когда стало можно уста разомкнуть... Но, всё равно, мучительно трудно давались мне беседы с Ашхен Микоян. После пережитых известных событий в Венгрии, где послом СССР в те трагические месяцы был её муж, Юрий Владимирович, надолго замкнулась в себе Татьяна Петровна Андропова...

Дмитрий Донской и Евдокия Московская

Но вы вот спросили меня о женщинах Кремля XX века. А если заглянуть ещё глубже, в толщ веков? Ведь первой хозяйкой Кремлёвских палат была жена Дмитрия Донского светлейшая княгиня Евдокия Московская, мать двенадцати детей, с чьим именем связано появление в Белокаменной иконы Владимирской Богородицы. Это она сажала на престол всех условных Рюриковичей, Романовых. У нас вот стали с недавних пор отмечать как День семьи, любви и верности праздник в честь бездетных монахов Петра и Февронии, а что же не в честь великого полководца Руси Дмитрия Донского и его верной супруги? Она

достойно и уверенно, подавая пример иным жёнам, сопровождала мужа в сентябре 1380 года на Куликовскую битву с войском беклярбека Золотой орды Мамай на реку Непрядву, на Мамаево побоище. И без жалоб и ропота оставалась сама растить, воспитывать детей, вести огромное кремлёвское хозяйство, заниматься благотворительностью, помогать страждущим, уделять должное внимание церкви... Может, кое-кто из наших геральдистов недостаточно полно знает историю Государства российского?

Блиц - штрихи к портрету героини

Лариса Кучеренко никогда не была в школе отличницей.

Лариса Васильева возмущается тем, что в Москве нет памятника третьему великому поэту России Николаю Некрасову, однако «без очереди встали в ряд памятники Иосифу Бродскому и Булату Окуджаве».

Она считает самыми серьёзными поэтическими именами, проверенными временем, Ярослава Смелякова, Бориса Слуцкого, Сергея Наровчатова, Сергея Орлова, Владимира Соколова.

Она по-своему влюблялась в мужчин, прежде всего оценивая их профиль. И первым таким кумиром стал для неё, 13-летней, герой войны 1812 года Пётр Багратион, которому хранила верность с шестого класса до выпускного, десятого, пока не появился некто реальный, снявший пелену грёз с девичьих очей.

Её «Кремлёвские жёны» были изданы на разных языках в 80 странах мира. Но лишь из Японии и Турции Лариса Николаевна получила от издателей небольшие гонорары. Всё остальное увидело свет пиратским образом, без заключения положенных договоров с автором книги.

Её любовь к отцу выразилась, в отличие от поэтической лирики, написанной нежным лебединым пером, в орлином, стальном, историческом оперении при описании танковых сражений. Надёжным соавтором трёх соответствующих книг оказался военный специалист полковник Игорь Желтов, знающий о танковых эпопеях с участием Т-34, наверное, больше кого бы то ни было.

Овдовев 23 года назад, Лариса Николаевна больше замуж не выходила, сосредоточив всю свою любовь на сыне - таком же блестящем знатоке английского, каким был отец, его семье, и деятельности танкового музея, расположенного там, в том направлении, откуда после знаменитого военного парада в октябре 1941-го, грозным боевым машинам предстоял тяжёлый путь на оборону Москвы.

Она встаёт очень рано. Ежедневно по утрам, не изменяя давно установившейся традиции, производит холодное обливание, норма - три ведра. Мало ест, старается, когда не пишет, больше двигаться и очень много работает. Лариса Николаевна уже видит названия своих новых книг, сборников, томов: «Древние напевы», «Музыка и музы» (сколько же всего - не поверхностного, не дилетантского - надо знать на этот счёт!), «Легенды о Ленине», выплывающие из «кремлёвских» книг. Уже начат ею основательно подзабытый в нашей литературе жанр путешествий. Свидетельство тому книжная новинка «Путешествие друзей с врагами». Ещё ей хочется обязательно написать сценарий 8-серийного телевизионного фильма «Вера» - о Вере Марецкой - и уже работает над ним со всей творческой самоотдачей, на которую только способна.

И это не всё. Поджимают личные творческие планы создания повести о выдающейся женщине Марии Бланк - Гропшопф, воспитанной на книгах Герцена и Чернышевского - матери Александра и Владимира Ульяновых. А как

не создать литературный портрет Анны Ахматовой, чьи стихи она готова приводить и цитировать до бесконечности...

Ларисе Николаевне Васильевой, родившейся 23 ноября 1935 года, скоро исполнится 81 год и она обещает осенью вновь приехать на тамбовскую землю, посетить Мичуринск, так затронувший её Дом - музей Мичурина и - тоже обязательно - Музей - усадьбу нашего земляка, первого Президента Академии художеств СССР Александра Михайловича Герасимова, творчество которого ей хорошо знакомо и дорого.

В честь Ларисы Васильевой одной из звёзд в созвездии Стрельца несколько лет назад было присвоено её имя, что подтверждает авторитетный Сертификат за подписью лётчика-космонавта Германа Титова.

Она пишет обычно лёжа в кровати, утешая себя тем, что такая же вредная привычка была и у Пушкина.

У неё «тяжёлая рука» и дачные растения ею посаженные, как правило, долго не живут, погибают.

Она в своё время довольно интенсивно курила, потом бросила, как отрезала. Без возврата к пагубной привычке.

Она легко может сказать о себе: «Объясните мне, пожалуйста, в силу моего невежества то-то и то-то...» Это автор почти 50 книг - захватывающих романов, повестей, рассказов, эссе, стихов, публицистики - «невежда». Кто же тогда, интересно, «вежда»? Лариса Николаевна преподавала в Литературном институте и в Ноттингенском (Англия) университете. Она составляла, редактировала сборники молодых поэтов и по-прежнему не равнодушна к творчеству начинающих, отыскивая среди них наиболее даровитых... Имя ярчайшей звезды на небесах - Лариса Васильева. Поэта и прозаика на святой и грешной нашей Земле - Лариса Васильева. А сама о себе она говорит предельно ясно и понятно:

*Я главного слова ещё не сказала,
Грядущего с прошлым узлом не связала,
А, значит, меня не догнали года,
И я - молода!*

Побудьте рядом с Ларисой Николаевной хотя бы полчаса - час, и вы убедитесь, что её молодость - факт бесспорный. Обсуждению, отрицанию, обжалованию не подлежит.

Мария ЗНОБИЩЕВА

«Тамбовский край талантами богат»

*(О краеведческом двухтомнике
В.Т. Дорожкиной)*

Знаменательным событием в культурной жизни региона стал выход двухтомного издания литературоведческих и литературно-критических работ В.Т. Дорожкиной «Тамбовский край талантами богат». В книге собраны статьи, очерки, эскизы, литературно-краеведческие зарисовки о литераторах прошлого и настоящего, связанных с Тамбовской землёй узами творческого и человеческого родства.

Замысел книги выростал перед автором постепенно, можно сказать, что писалась она долгие годы. Часть материалов, представленных в двухтомнике, ранее была опубликована в книге «Неисчерпаемый серебряный век», вышедшей в Тамбове в 1997 году небольшим тиражом.

Мария Игоревна Знобищева - поэтесса, публицист, член Союза писателей России. Родилась в Тамбове, окончила институт филологии ТГУ им. Державина, кандидат наук. Публиковалась в журналах «Подъём», «Наш современник», «Вопросы литературы», «Волга XXI век», «Крещатик», в «Литературной газете». Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова. Дипломант Международного Волошинского фестиваля. Автор нескольких сборников стихов.

Отдельные очерки публиковались в областной газете «Тамбовская жизнь» и других периодических изданиях, в журнале «Подъём». Некоторые из них могут быть известны поклонникам поэтической серии «Литературные родники Тамбовского края» как вступительные статьи к сборникам поэтов XIX-XX веков.

Первый том, состоящий из двух разделов: «Золотой и серебряный век на литературной карте Тамбовского края» и «Из истории Тамбовской областной писательской организации», открывается очерком о Г.Р. Державине и имеет выразительный, во многом отражающий общее содержание книги эпиграф из стихотворения В.В. Капниста:

*Державин умер!.. слух идет,
И все молве той доверяют.
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают.*

Материалы первого тома, посвящённые Г.Р. Державину, В.А. Жуковскому, А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Е.А. Баратынскому, А. М. Жемчужникову, М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернаку, М. Горькому и многим другим писателям, принадлежащим к сонму «бессмертных», открывают перед читателем тонкие связи русской литературы с культурными традициями малой родины. Ручейки и речки литературных связей, влияний, мотивов и образов, как сеть, покрывают собой литературную карту родного края, пронизывают литературное пространство региона, приближая к нам и как бы «присваивая» по праву родства факты, имена и события великой русской литературы.

Большой интерес представляют очерки о писателях золотого и серебряного века, не столь хорошо известных широкому кругу читателей: о «муз прилежном обожателе» И.Р. Грузинове, о П.Д. Боборыкине и Н.В. Берге, поэтах серебряного века Т.В. Чурилине, Н.Д. Немцове и

В.А. Комаровском, пролетарском поэте А.Н. Поморском и многих других. Свою долю бессмертия получают на страницах книги не только писатели прошлого, но и литераторы-современники, активно работающие в различных творческих жанрах.

Во второй части первого тома рассказывается об истории Тамбовской областной писательской организации и её первых председателях, замечательных, к сожалению, ныне ушедших поэтах и прозаиках М.А. Румянцевой, И.С. Кучине, В.И. Герасине, А.М. Акулине, а также о тех, чьи имена прочно вошли в XX веке в историю литературы Тамбовского края. Тепло и любовно написаны литературные портреты поэтов-фронтовиков В.Н. Афанасьева, Б.А. Котова, В.И. Шульчева, писателей И.В. Шамова, А.С. Стрыгина, В.Д. Замятина, В.А. Журавлёва, А.Д. Жарикова, Н.В. Архангельского, П.А. Дорошина, С.С. Милосердова, Б.К. Панова, А.Е. Шилина, В.П. Баранова, Н.И. Глазкова, Н.А. Никифорова, В.А. Богданова, Г.Д. Ремизова, И.З. Елегечева, В.В. Кравченко, Г.А. Попова и других авторов.

Второй том издания полностью посвящён писателям XX-XXI веков. Помимо безусловной литературоведческой ценности, он имеет немаловажное методическое и просветительское значение, представляя собой актуальный литературно-краеведческий справочник, которым можно пользоваться на занятиях по литературному краеведению в школах и вузах, при организации тематических литературных вечеров, творческих встреч с писателями. Материалы творческих биографий ныне живущих авторов бережно обновлены и дополнены в соответствии с информацией, изменившейся в течение последних лет.

Таким образом, двухтомник является уникальным пособием по истории литературы Тамбовского края, органично продолжающим большую работу, связанную с

изданием учебника и хрестоматии по литературному краеведению, подготовленным В.Т. Дорожкиной совместно с доктором наук, профессором Л.В. Поляковой.

Композиция, структура и внутренняя логика книги выстроены в соответствии с утверждением, заявленным в её заглавии. Не остаётся сомнений в том, что литература Тамбовского края представляет собой богатое, разнообразное в своих проявлениях культурно-историческое целое, пронизанное веянием различных литературных традиций, проблемам изучения которых в творчестве тамбовских авторов могут и должны быть посвящены дальнейшие изыскания современных филологов. А образный и живой язык повествования, одухотворённого теплотой личного восприятия автора-поэта, заставляет поверить в то, что краеведение тоже может быть поэзией, поэзией чистой и высокой.

К сожалению, книга вышла ограниченным тиражом, так как была напечатана за счёт средств автора.

Тамбовский альманах.

№ 13

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Валерий АРШАНСКИЙ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Подписано в печать 7.10.2016
Формат 60x84 1/16. Печать цифровая
гарнитура Times New Roman. Печ. л. 15,83
Тираж 300 Заказ № 45
studiapechati@bk.ru
Студия печати Галины Золотовой